

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

И Ю Н Ъ

6

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
Я. Бронин. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний (продолжение)	3
А. Слуцкий. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса	38
П. Прагер. К постановке вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран (окончание)	73

ТРИБУНА

Я. Пальвад्रे. Характер революции 1905 года в Прибалтике	103
--	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

С. Пестковский. Воспоминания о работе в Наркомнаце (1917—1919 гг.) .	124
--	-----

МАТЕРИАЛЫ

К истории Белостокской конференции 1902 года (Подготовлено к печати С. Валком.)	132
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: С. Рабинович. Е. Пинежский «Красная гвардия» . .	149
Рецензии: Д. П. Диктатура пролетариата и современный ревизионизм. Хрестоматия под ред. Е. Пашуканиса.—Л. Б. Нелегальная организация РСДРП в Киеве (1910—1914 г.)—М. Эссен. Саркис. Борьба за власть—А. Гиндин. И. Борисенко. Авантюристы в гражданской войне	157
Новые книги	169

ХРОНИКА

В Институте Ленина: А. Кучкин. Кабинет научной биографии Ленина	170
Работа местных истпартов: С. Сеф. Работа Истпарта Закавказского Краевого Комитета ВКП(б)—Т. Жгенти. О работе Истпарта ЦК КП Грузии	172
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ: I. М. Рафаила; II. Н. Чужака—Насимовича с ответом М. Ольминского; III. В. Ледера с ответом Редакции Сочинений Ленина	176
ПОПРАВКИ.	183

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

И Ю Н Ь

6 (101)

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“,
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 3.250 экзempl.

Главлит № А — 71167

Гиз П—10 № 40335

Зак. № 1167

11¹/₂ п. л.

☆

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДВУХ «ПОТОКОВ» МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ШАТАНИЙ

(Продолжение) ¹

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ПРАВОГО ОПОРТУНИЗМА

а) Позиция Каменева—Зиновьева в 1917 г.

Для позиции Каменева прежде всего характерно непонимание классовых сдвигов и изменений в экономике и в международной обстановке революции, происшедших по сравнению с 1905 годом, тех сдвигов и изменений, которые создавали предпосылки социалистической революции. В частности Каменев проявляет непонимание изменений, вытекающих из империалистической войны, не понял своеобразия обстановки, состоящего в двоевластии, в «переплетении вместе, воедино двух диктатур» ².

Апрельские тезисы Ленина, по мнению Каменева, «великолепная программа... для первых шагов созданной революции в Англии, в Германии, во Франции, но не для законченной демократической революции в России» ³. Тов. Рыков, тогда стоявший на каменевских позициях, на апрельской конференции еще яснее излагает эту мысль о «незрелости» русской революции для осуществления апрельских тезисов Ленина: «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма» ⁴.

Каменев из своей оценки положения приходит к выводу, что неправильна ленинская постановка вопроса о решительных шагах к социализму, как задаче дня: «Шаги к социализму, к свержению капитала могут делать только рабочие. А они отдают себе отчет, что обстановка незавершенной демократической революции в самой отсталой экономической стране Европы, в момент, когда деревня еще не ликвидировала даже крепостничества,—что эта обстановка и этот момент отнюдь не соответ-

¹ См. № 5 (100), «Прол. рев.»

² Ленин, Сочинения, т. XX, стр. 114 (2-е изд.)

³ «Правда» № 30, ст. «О тезисах Ленина».

⁴ Петроградская общегородская конф., стр. 72.

«ствуют «решительным шагом» к социализму»¹. Каменев, как видим, совершенно не понимает диалектики перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, одну от другой он отгораживает китайской стеной. Он приписывает отсутствующие революционные возможности буржуазной демократии («буржуазная демократия не исчерпала своих возможностей») — и в то же время у него налицо крайняя недооценка сил социализма, социалистической революции.

Мы, следовательно, в позиции Каменева наблюдаем прежде всего черту, общую для всех правоопортунистических шатаний в партии: *определенное ликвидаторство в оценке сил, перспектив и возможностей социалистической революции и ее носителя — пролетариата*. Свое крайнее выражение эта ликвидаторская черта получает в октябрьские дни, когда Каменев—Зиновьев выступают в роли штрейкбрехеров, доказывая, что «у буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо» (Ленин). *Для правоопортунистических группировок в партии всегда характерно капитулянтское начало*: из преувеличения сил врага, из переоценки объективных трудностей, стоящих перед пролетариатом, и недооценки сил пролетарской революции делается вывод о необходимости капитуляции в той или иной степени, в той или иной мере перед классовым врагом. Это капитулянтское начало сперва подсказывает Каменеву возражение против «решительных шагов к социализму», в дни октября Каменев—Зиновьев непосредственно капитулируют, после победы переворота они настаивают на обязательном соглашении с мелкобуржуазными партиями, не веря в возможность удержания большевиками государственной власти.

Правый оппортунизм недооценивает значение субъективного фактора; переоценка объективных трудностей борьбы пролетариата сочетается с недооценкой роли его борьбы в осуществлении данной исторической необходимости, коей «ведает» пролетариат. Тактика ленинской партии, сочетающая трезвый учет всех объективных социально-экономических данных с страстной, напряженнейшей борьбой за осуществление поставленных объективных целей Каменеву—Зиновьеву представляется «тактикой заговора», которая, видите ли, противостоит их, каменев-зиновьевской, «тактике веры в движущие силы революции»², а подготовляемое вооруженное восстание — «авантюрой»³.

Из стремления прикрыть, «приукрасить» свое капитулянтство вытекает вторая характерная черта позиции Каменева—Зиновьева: *преуменьшение сил и глубины противоречий, разделяющих рабочий класс и буржуазию, попытка «сгладить» эти противоречия*.

Это сказывалось прежде всего в признании за Временным правительством определенных революционных возможностей. На заседании ПК от 18 марта т. Каменев так формулирует отношение к Временному пра-

¹ «Правда», упомянутая статья.

² Протоколы ЦК РСДРП, апр. 1917 — февр. 1918, стр. 118.

³ Там же, стр. 123.

вительству: «Надо создать такое положение, чтобы Временное правительство пожелало само заключить мир... Тактика, которая должна проводиться в «Правде»: 1) не объявляем войну Временному правительству открыто, 2) предоставляем ему исчерпать себя в процессе революции, 3) организуем в то же время силы, которые дадут нам поддержку в борьбе с Временным правительством (разумеется общий Всероссийский совет рабочих и солдатских депутатов)»¹. Как видим, т. Каменев считает, что сидящие во Временном правительстве представители крупной буржуазии «не исчерпали» своих революционных возможностей, что они как-то способны еще двигать революцию. Соответственно Каменев считает возможным «создание такого положения», чтобы Вр. правительство пожелало само заключить мир, почему и следует выдвигать «требование к Вр. правительству о «немедленном прекращении войны». Выход из империалистической войны был возможен только на путях пролетарской революции, только «покинув буржуазные отношения». А Каменев сеет опаснейшую иллюзию, что империалистическая русская буржуазия сама пожелает выйти из войны. Каменев идейно разоруживает этим пролетариат, как бы примиряя его с его заклятым классовым врагом, толкает пролетариат на идейное подчинение буржуазии.

Очевидно идейное родство подобных оппортунистических иллюзий с «революционным оборончеством». Ведь «добросовестных оборонцев» буржуазия и ее социал-соглашательская агентура прежде всего обманывала аргументом особой, революционной роли отечественной буржуазии в отличие от реакционного кайзеровского империализма. Тезис, что Временное правительство «пожелает заключить мир», поддерживал, подкреплял подобный аргумент. И не приходится удивляться, что т. Каменев в известной статье «Без тайной дипломатии» фактически скатывается на позиции революционного оборончества, утверждая, что «самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей, и на снаряд—снарядом... Наш лозунг: давление на Вр. правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией, немедленно выступить с попыткой склонить все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор каждый на своем боевом посту»².

К Каменеву в полной мере относятся следующие слова Ленина из «Задач пролетариата в нашей революции»: «малейшая уступка революционному оборончеству есть *измена социализму*, полный отказ от *интернационализма*, какими бы красивыми фразами, какими бы «практическими» соображениями это ни оправдывалось»³.

¹ Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., стр. 50—51.

² «Правда», № 9 от 15 марта 1917 г.

³ Ленин, Соч., т. XX, стр. 117.

Другой яркий пример попытки «сгладить» противоречия между буржуазией и пролетариатом, «убаюкать» пролетариат приведем из документа Каменева—Зиновьева «К настоящему моменту»: «Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии: буржуазия поставлена в такое положение, что если бы она задумала сделать попытку сорвать теперь Учредительное собрание, она опять толкнула бы мелкобуржуазные партии к нам и курок револьвера был бы спущен»¹. Это все на первый взгляд выглядит очень революционно. Но достаточно хоть немного вдуматься в этот тезис, чтобы убедиться в его оппортунистичности. Мы сейчас не коснемся вопроса о мелкобуржуазных партиях, об этом—ниже. нас здесь интересует вопрос о роли буржуазии в каменевском представлении.

В «Задачах пролетариата в нашей революции» Ленин говорит: «Двух властей в государстве *быть не может*. Одна из них должна сойти на-нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами повсюду над устранением и обессилением, сведением на-нет Советов солдатских и рабочих депутатов, над созданием единовластия буржуазии»². Августовская попытка Корнилова установить диктатуру не удалась. За подавлением корниловского мятежа следует полоса громадного обострения классовых противоречий; огромных размеров достигает крестьянское движение против помещика, большевики завоевывают большинство рабочих в решающих пролетарских центрах. Силы пролетарской революции быстро и мощно вырастают с каждым днем. На другом полюсе классовой борьбы происходит лихорадочная мобилизация буржуазно-помещичьих сил. По множеству всяких опубликованных за годы революции материалов, документов, мемуаров мы знаем теперь, как шла подготовка ко второму «улучшенному и дополненному изданию» корниловщины. «Положение ясное,—говорит Ленин на заседании ЦК от 29 (16) октября.—Либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства»³. А в это время Каменев толкует, что будет, если бы буржуазия «задумала сделать попытку сорвать Учредительное собрание!» То есть такая попытка для Каменева—только более или менее вероятное предположение, притом если бы она осуществилась, обязательно провалилась бы. Каменев усыпляет бдительность партии и пролетариата перед лицом опасности корниловской диктатуры. Он рекомендует «оборонительно-выжидательную тактику на фоне полного бездействия Временного правительства»⁴.

Здесь, как и в вопросе о роли и классовом характере Временного правительства получается преуменьшение, сглаживание противоречий между буржуазией и пролетариатом, прикрашивание буржуазии.

Следующая чрезвычайно существенная черта во взглядах Каменева это *небольшевистская трактовка взаимоотношений пролетариата и мелкой буржуазии*, т. е. прежде всего и главным образом крестьянства;

¹ Протоколы ЦК РСДРП авг. 1917 — февр. 1918, стр. 103.

² Соч., т. XX, стр. 114.

³ Протоколы, стр. 111.

⁴ Там же, стр. 118.

Каменев по существу *подчиняет пролетариат мелкой буржуазии вместо осуществления пролетарского руководства ею.*

Генеральной ориентировкой Каменева была революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, осуществляющая и разрешающая задачи буржуазно-демократической революции. Важно подчеркнуть, что Каменев 1) не понял основного большевистского тезиса, что революционизировать мелкую буржуазию возможно только в мере того, как пролетариату удастся оторвать ее от влияния буржуазии. Каменев мыслил революционность мелкой буржуазии под руководящей «шапкой» мелкобуржуазных партий; 2) приукрашивает мелкую буржуазию, когда та идет на поводу у буржуазии и ее соглашательских агентов; 3) отрицает возможность руководства пролетариата мелкой буржуазией в пролетарской революции.

В содокладе на апрельской партконференции Каменев говорит: «В докладе т. Ленина очень много внимания уделено первой части, т. е. выделению задач партии из общих задач революции, но на другую сторону дела, именно на то, что мы работаем сейчас в обстановке этого блока, он не обратил внимания»¹. Любопытно здесь прежде всего «вольное переложение» Каменевым ленинских мыслей: Ленин говорил об «отделении пролетарских коммунистических элементов движения от мелкобуржуазных»², а не о «выделении задач партии из общих задач революции». Ленинское отделение было как раз решающей предпосылкой разрешения «общих задач революции»,—если под этим чрезвычайно общим наименованием понять коренные задачи буржуазно-демократической революции и ее перерастания в социалистическую. Но в том то и дело, что т. Каменев этого не понимает. Он не понимает взаимозависимости между отделением пролетарских элементов и задачей революционизирования крестьянских масс.

Тов. Каменев исходит из предпосылки, что мелкая буржуазия, находясь под руководством соглашательских партий, сумеет разрешить основные задачи буржуазно-демократической революции. «Тов. Ленин,—говорит Каменев на апрельской конференции,—не любил слова «революционная демократия», потому что им затушевывается социалистическое лицо пролетариата, но по существу дела мы должны сказать, что это столкновение буржуазии со всей революционной демократией неизбежно». Дальше т. Каменев утверждает, что «кризис неизбежен», что «будет столкновение между империалистическим правительством и мелкобуржуазным блоком»³. Ленин подобную точку зрения квалифицирует, как «проповедь пролетариату *доверия к мелкой буржуазии*»; марксист, излагающий подобные взгляды, «превратился бы в мелкого буржуа»⁴. Известно, что Ленин допускал возможность отделения крестьянства от буржуазии еще в пределах буржуазно-

¹ «Петроградская общегородская и Всеросс. конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г.», стр. 54.

² Соч., т. XX, стр. 106.

³ «Петроградская общегородская...», стр. 54—55.

⁴ Соч., т. XX, стр. 103.

демократической революции. Но при этом Ленин подчеркивал факт сотрудничества крестьянства с буржуазией, что «крестьянство пока еще остается хвостом буржуазии»¹. И как важнейшую, решающую задачу партии Ленин считает «отделение пролетарской, коммунистической партии пролетарской классовой борьбой, *свободной* от робости мелких буржуа»². Только при этом условии могла бы, при соответствующей исторической обстановке, реализоваться возможность «промежуточного этапа». «Чтобы толкать крестьянство на революцию, надо отделить пролетариат, выделить пролетарскую партию, ибо крестьянство шовинистично»³.

Каменев не вскрывает, «по мере сил и возможностей» обходит тот факт, что мелкая буржуазия на данном этапе идет за буржуазией. Он считает неизбежным ее отделение от буржуазии в пределах буржуазно-демократической революции. Он не связывает эту последнюю возможность (которая для Каменева является единственной реальностью) с делом «сплочения пролетариев на деле, а не на словах свободных от влияния мелкой буржуазии», что единственно только способно сделать «горячей» почву под ногами мелкой буржуазии⁴. После приведенных слов о неизбежном столкновении между «империалистическим правительством и мелкобуржуазным блоком» Каменев продолжает: «Мы идем к тому, что в один из кризисов, и может быть в очень недалеком будущем, будет поставлен вопрос о власти в самой резкой форме. Но что в этот момент должны делать мы, как пролетарская партия? Мы, как пролетарская партия, должны показать, что мы ускорить этот процесс не можем»⁵. Как видим, мелкая буржуазия «самотеком», вне воздействия свободных от мелкобуржуазной робости пролетариев, придет к столкновению с буржуазией и разрешит коренные задачи буржуазно-демократической революции.

Каменев—Зиновьев оппортунистически оценивают роль мелкобуржуазных партий в революции. «Изоляция партий меньшевиков и эсеров, как основная линия руководства делом подготовки Октября»—такова была, как указывает т. Сталин, одна из важнейших особенностей тактики большевиков в 1917 г. Ибо:

«1) наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются *соглашательские* партии; 2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий; 3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть, ввиду того, направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся»⁶. А Каменев—Зиновьев на пороге Октября делают ставку на революционность этих мелкобуржуазных пар-

¹ Соч., т. XX, стр. 103.

² Там же, стр. 106.

³ Там же, стр. 253.

⁴ Там же, стр. 106.

⁵ «Петроградская общегородская...», стр. 55.

⁶ И. Сталин, «На путях к Октябрю», стр. XXXIX.

тий. Об этом говорит следующее место из обращения «К настоящему моменту»:

«Позиция мелкобуржуазных партий в Учредительном собрании не сможет быть во всем такой, какой она является сейчас. Прежде всего отпадает их лозунг: «с землей, со свободой жди Учредительного собрания». А обострение нужды, голода, крестьянского движения будет все больше на них давить и заставлять их искать союза с пролетарской партией против помещиков и капиталистов, представленных партией кадетов»¹. После всего опыта поведения мелкобуржуазных партий на протяжении от Февральской революции гг. Каменев и Зиновьев высказывают убеждение, что мелкобуржуазные партии обязательно повернут к пролетариату. И параллельно с такими оппортунистическими иллюзиями у Каменева и Зиновьева—крайняя недооценка степени влияния партии на мелкобуржуазную крестьянскую массу: «третий лагерь», мелкая буржуазия, по их мнению, «несомненно, сейчас стоит гораздо ближе к буржуазии, чем к нам»².

Резолюция апрельской партконференции говорит: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования.

Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму». Для позиции Каменева в 1917 г. характерна именно тенденция «ограничить деятельность» пролетариата «рамками приемлемого для мелкой буржуазии»; он искал соглашения с крестьянством не на путях пролетарского руководства им, отвоения его у буржуазии и ее соглашательских агентов, а посредством принижения классовых целей пролетариата, приспособления их к уровню мелкой буржуазии. Тем самым по существу ликвидируется самостоятельность пролетариата, борющегося за свои классовые цели.

И вполне «закономерным» является для Каменева следующее типично-троцкистское положение. Указывая, что Советы представляют собой блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, Каменев продолжает: «Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать, и перед ним никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелкобуржуазного блока. Совместная работа в этот момент была бы совершенно невозможна»³. Таким образом т. Каменев не допускает вовсе возможности сотрудни-

¹ Протоколы ЦК РСДРП, август 1917—февр. 1918, стр. 103.

² Там же, стр. 104.

³ Петроградская общегор. конфер., стр. 53.

чества пролетариата и крестьянства в осуществлении задач социалистической революции. Основой такого взгляда является неверие в возможность руководства пролетариата крестьянством в пролетарской революции, неверие в силы рабочего класса, общее и для правого и для «левого» оппортунизма.

Наконец отметим еще одну характерную черту каменевской позиции: *хвостистское понимание взаимоотношений партии и класса*. Это очень ярко изложено у Ленина в «Письмах о тактике»:

«Тов. Каменев кончает свою заметку заявлением, что «в широкой дискуссии он надеется отстоять свою точку зрения, как единственно возможную для революционной с.-д., поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов».

«Мне сдается, что в этих словах видна глубоко ошибочная оценка момента. Тов. Каменев противопоставляет «партию масс» «группе пропагандистов». Но ведь «массы» как раз теперь поддались угару «революционного оборончества. Не приличнее ли и для интернационалистов в такой момент уметь противостоять «массовому» угару, чем «хотеть остаться» с массами, т. е. поддаться общему поветрию? Не видели ли мы во всех воюющих европейских странах, как шовинисты оправдывали себя желанием «остаться с массами»? Не обязательно ли уметь на известное время быть в меньшинстве против «массового» угара? Не является ли работа именно пропагандистов как раз в настоящий момент центральным пунктом для *высвобождения* пролетарской линии из «массового» оборонческого и мелкобуржуазного угара? Именно слитность масс, и пролетарских и непролетарских, без разбора классовых различий внутри масс, явилась одним из условий оборонческого поветрия. Презрительно говорить о «группе пропагандистов» *пролетарской* линии, пожалуй, не очень-то пристало»¹.

«Не отрываться от масс»—этот аргумент правооппортунистические группировки в партии не раз выдвигали в борьбе против революционной линии партии, вкладывая в этот лозунг совершенно иное содержание, чем партия и Ленин. Большевизм, борясь в своих рядах со всякими тенденциями сектанства, обособления, идет в массы для того, чтобы подтянуть их к уровню авангарда, к пониманию классовых задач пролетариата. «Мы—партия, *ведущая* массы к социализму, а вовсе не идущая за всяким поворотом настроения или упадком настроения масс»². Правые оппортунисты в партии связь с массами по существу понимают как принижение лозунгов партии, выражающих классовые цели пролетариата, до уровня отсталых настроений отдельных слоев рабочих»³.

¹ Соч., т. XX, стр. 108.

² Ленин, Соч., т. XII, стр. 397.

³ Хотя это не входит непосредственно в задачи статьи, отметим, что впоследствии, 7 лет после октябрьского переворота, т. Каменев сделал попытку значительно смазать сущность своих ошибок в 1917 г. В докладе «Ленинизм и троцкизм» (по поводу «Уроков Октября» Троцкого) т. Каменев, правильно критикуя Троцкого, делает ряд ошибок в из-

б) Современный правооппортунистический уклон в партии

Конкретное содержание правооппортунистических шатаний, будучи обусловленным конкретными социально-экономическими и политическими данными, различно на разных этапах революционной борьбы. Но некоторые общие черты таких шатаний можно проследить на разных этапах. Это показывает разбор некоторых характерных черт современных правооппортунистических шатаний при сопоставлении с некоторыми разобранными выше чертами каменевской позиции 1917 г.

В речи «о правом уклоне в ВКП(б)» на пленуме ЦК в апреле 1929 г. т. Сталин говорит о правых: «Они не видят и не понимают новых революционных процессов, происходящих теперь как у нас, в нашей стране, так и в капиталистических странах. Они проглядели главное, проглядели те классовые сдвиги, которых не имеет права проглядывать политик. Этим, собственно, объясняется растерянность и безоружность, которую проявляет новая оппозиция перед лицом новых задач нашей партии¹. Эти классовые сдвиги, которых не видят правые, обусловлены громадными успехами в деле продвижения рабочего класса к социализму, в деле реконструкции народного хозяйства и создания материального фундамента социалистического общества в нашей стране. Успехи социализма подготовили современный новый этап нэпа, основными характерными чертами которого являются следующие:

а) В громадной степени вырос индустриальный социалистический остов народного хозяйства. Социалистическая промышленность далеко оставила позади довоенный уровень, перевооружаясь на базе новейшей техники; особенно бурно и мощно развивается тяжелая индустрия, производство средств производства. Мы добились «благоприятного разрешения в основном проблемы накопления для капитального строительства тяжелой промышленности, взяли ускоренный темп развития производства средств про-

ложения взглядов Ленина и своих в 1917 г. а) «Дело было так, — и так, и только так понимал его Ленин, — что большевистская идея «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» осуществилась целиком в русской революции и, осуществившись, начала перерастать, перерастала и переросла в большевистскую идею диктатуры пролетариата... Из того факта, что большевистская теория насчет революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществилась, Ленин делает единственный — и, конечно, правильный — вывод: раз наша теория осуществлена нужно идти дальше». Легко убедиться, что Каменев искажает Ленина. Каменев ни словом не обмолвился о своеобразии осуществления диктатуры пролетариата и крестьянства, переплетенной с диктатурой буржуазии, — а в этом своеобразии Ленин ведь видел «гвоздь» обстановки, и этого-то своеобразия совершенно не видел Каменев. б) Говоря о двух возможностях, Каменев 1) не указывает, как Ленин, допуская возможность этапа «чистой» революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, со всей силой подчеркивал, что крестьянство пока идет с буржуазией; 2) не указывает, что и на случай такой возможности Ленин позицию Каменева считал совершенно неверной; в) Каменев совершенно не связывает свою и Зиновьева ошибку в октябрьские дни со своей позицией на апрельской конференции.

¹ «Большевик», № 23—24 за 1929 г., стр. 15.

изводства и создали предпосылки для превращения нашей страны в страну металлургическую».

б) «Нам удалось добиться *решительного перелома* в области производительности труда. Перелом этот выразился в развертывании *творческой инициативы* и *могучего трудового подъема* миллионных масс рабочего класса на фронте социалистического строительства»¹.

в) Громадные успехи социалистической промышленности; общий рост и усиление диктатуры пролетариата и укрепление пролетарского руководства основными массами крестьянства на основе опоры на бедняка, союза с середняком и борьбы с кулаком; последовательная и решительная борьба партии на два фронта за генеральную ленинскую линию—все это явилось предпосылкой массового колхозного движения, начавшегося в 1928 году и теперь охватывающего треть всех крестьянских хозяйств по Союзу. Мощное развитие получили крупные совхозы. «Коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным» (Сталин). Главным лозунгом современного этапа является ликвидация кулачества как класса, проводимая на базе сплошной коллективизации. Средняк, вступивший в колхоз, становится прочной и действительной опорой советской власти. Поворот середняка к социализму и решительное наступление на кулака с целью его ликвидации создают новое соотношение классовых сил в стране.

г) Удельный вес рыночных отношений, как формы хозяйственной связи между промышленностью и сельским хозяйством, постепенно снижается, все в большей мере уступая место плановому товарообмену между городом и деревней, главным образом через контрактацию. Суживаются границы свободной торговли.

Диалектика развития заключается в том, что через использование рыночных отношений мы придем к их преодолению. «Рыночные отношения в условиях пролетарской диктатуры, при правильной политике со стороны советского государства, несут в своем развитии собственную гибель: способствуя вытеснению частного капитала, переделке крестьянского хозяйства, дальнейшей централизации и концентрации средств производства в руках пролетарского государства, они способствуют тем самым преодолению рыночных отношений вообще» (прогр. Коминтерна).

Сдвиги в пользу социализма в сфере производства сделали возможными указанные сдвиги в области товарооборота. Используя рыночные отношения, рабочий класс в громадной степени укрепил свои командные хозяйственные высоты и, опираясь на них, постепенно ограничивает сферу рыночных отношений.

д) Сдвиги в сфере производства и обращении увеличивают в огромной степени возможности планового охвата народного хозяйства. Вслед за промышленностью и транспортом в круг планового хозяйства включается все в большей мере социалистически переустрояемое сельское хозяйство.

¹ Сталин, «Год великого перелома».

е) Капиталистические элементы оказывают самое отчаянное сопротивление решительному социалистическому наступлению пролетариата. Отсюда—громадное обострение классовой борьбы *«на данной стадии развития, при данных условиях соотношения сил»*. «Социализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет *быстрее* капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого *падает*, капиталистические элементы чувят смертельную опасность и усиливают свое сопротивление»¹.

Мы вступили в полосу того последнего и решительного боя с русским капитализмом, о котором говорил Ленин на XI съезде партии.

ж) Осуществляется предсказанное Лениным на XI партсъезде громадное ускорение нашего движения к социализму. «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами». Этого ленинского указания партия строго придерживалась во всей своей политике в отношении крестьянства: пролетариат двигался вместе с основными массами крестьянства, твердо и последовательно руководя ими, преодолевая троцкистско-авантюристическое забегание вперед и правооппортунистическое отставание, укрепляя союз пролетариата и бедноты с середняком против кулака, за дело строительства социализма. И потому осуществляется ленинское предвидение: «Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем»².

Осуществляется перспектива сроков развития, намеченная Лениным в одной из его последних речей (на IV сессии ВЦИК): *«Мы и добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали»*.

Конечно, это не фантастическая быстрота, конечно, нам нужно несколько лет упорного труда, чтобы этого добиться. Разумеется, с сегодня на завтра ничего не сделаешь. Мы пять лет уже прожили и научились вопросу о том, что значит срок. И надо, чтобы мы этому учились и дальше. В фантастическую быстроту каких бы то ни было перемен у нас никто не поверит, но зато *в быстроту действительную, в быстроту, по сравнению с любым периодом исторического развития*, взятым как он был,—в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим, и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся»³.

Перед нами действительно открываются перспективы нагнать другие государства с такой быстротой, «о которой они и не мечтали»; мы добились «быстроты действительной», «по сравнению с любым периодом исторического развития». Произошел коренной качественный перелом в

¹ Сталин, «Правый уклон в ВКП (б)».

² Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 27.

³ Там же, стр. 75 (курсив наш).

темпах нашего движения к социализму. Опыт борьбы и строительства показывает, что задача построения социализма в нашей стране может быть разрешена в «исторически минимальные сроки» (резол. ноябрьского пленума ЦК 1929 г.).

Правые оппортунисты не видят этих сдвигов и изменений, не понимают сущности и содержания нового и последнего этапа нэпа, не в состоянии сделать из *данных* условий, из *данной* обстановки необходимые выводы в отношении взаимоотношений рабочего класса и крестьянства.

Как и для группы Каменева—Зиновьева в 1917 г., для современных правых оппортунистов характерно *чрезвычайное отставание от темпов развития революционной борьбы, полная неспособность видеть действительные результаты движения пролетариата к социализму.*

В совершенно новой обстановке мы наблюдаем характерную и для позиции Каменева—Зиновьева в 1917 г. *недооценку сил, перспектив и возможностей социалистической революции.*

Из этой недооценки вытекает *капитулянтский характер* право-оппортунистической платформы. Из недооценки сил пролетариата и его достижений и преувеличения объективных трудностей социалистического строительства правые делают выводы о необходимости свертывания социалистического наступления, о прямом отступлении перед классовым врагом: сокращение темпа индустриализации, свертывание колхозного движения, отказ от чрезвычайных мер по отношению к кулаку и предоставление ему свободы цен и т. д. Эта платформа чрезвычайно быстро на-голову была разбита всем ходом социалистического строительства, блестяще подтвердившем правильность генеральной линии партии. В настоящее время правый оппортунизм «приспосабливает» свои лозунги к конкретной обстановке данного этапа социалистического строительства, в связи с выдвиганием лозунга ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации и в связи с имевшими место перегибами и извращениями партийной линии в колхозном движении.

Правые ударились в панику перед лицом значительного отлива из колхозов там, где были серьезные перегибы и извращения партийной линии.

Неверие и отрицание значения колхозов теперь выступают в форме совершенно неверной и ликвидаторской оценки состояния колхозного движения: мы отброшены на годы назад, крестьянин, вышедший из колхозов, больше туда не вернется, за 10 лет не оправимся.

Правые органически не в состоянии понять и отрицают наличие исторического перелома в развитии деревни к социализму. Они готовы вместе с Троцким и «Соц. вестником» грандиозный размах колхозного движения приписать административному нажиму. Они выступают против лозунга ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Правые говорят о несвоевременности выдвигания этого лозунга, о нашей «незрелости», с точки зрения развития социалистического строительства, для выдвигания этого лозунга.

Перегибы и извращения совершенно правильной линии партии правые выдают за линию Центрального комитета, за линию партии, стремясь таким образом дискредитировать партийное руководство, «доказать», что колхозное движение может развиваться только на основе административного зажима середняка, что, следовательно, развитие колхозного движения теми темпами, которые наметила партия постановлением ЦК от 6 января, неизбежно должны привести к разрыву с середняком. Вывод все тот же: чтобы ужиться с середняком, надо отказаться от линии партии на сплошную коллективизацию, т. е. стать на позицию кулака. Нынешние затруднения в колхозном строительстве, являющиеся результатом искривления директив ЦК, правые пытаются использовать для борьбы с генеральной линией партии и дискредитации колхозного движения.

Правые проповедают «теорию» самотека в области колхозного движения, оппортунистически искажая партийное понимание добровольности в колхозном движении.

Эту последнюю правые оппортунисты по существу толкуют, как отказ от руководства пролетариата теми бедняцко-средняцкими массами крестьянства, которые еще не вступили в колхоз или из него вышли. Если учесть, что колхозное движение является важнейшим, решающим участком классовой борьбы, что кулак не добит и оказывает самое отчаянное сопротивление развертыванию колхозного движения, то становится ясным, что выдвигать подобные теории добровольности значит отказаться от борьбы с кулаком, уступить ему поле борьбы за середняка.

Правые против великих темпов социалистической стройки. Их охватывает паника при виде столь быстрого движения пролетариата к намеченным социалистическим целям. Правые за деревьями неизбежных трудностей строительства не видят леса грандиозной социалистической стройки. Их «всеспасаящим рецептом» остается *равнение на «узкие места», свертывание темпов, отступление, капитуляция перед классовым врагом, кулаком, давление которого они отражают.*

И для современных правооппортунистических штаний, как и для группы Каменева—Зиновьева в 1917 г. характерно *преуменьшение силы и глубины противоречий, разделяющих рабочий класс и буржуазию, попытки сгладить эти противоречия.* Это у т. Бухарина получило свое выражение в *целой системе взглядов, ревизующих ленинское учение о диктатуре пролетариата и классовой борьбе в эпоху диктатуры.*

В противовес ленинскому учению о диктатуре пролетариата как форме ожесточенной классовой борьбы пролетариата против сил старого мира за построение социалистического общества Бухарин выдвигает теорию «замирания классов» в условиях диктатуры пролетариата. В известных положениях в «Пути к социализму» Бухарин наиболее ярко излагает эту свою теорию: «Партия рабочего класса в пределах капиталистического строя является партией *гражданской войны.* Положение совершенно переворачивается, когда рабочий класс берет власть в свои руки, опираясь при

этом на широкие слои крестьянства. Поскольку диктатура буржуазии разбита, и поскольку на ее месте уже стала диктатура пролетариата, постольку задачей рабочего класса является укрепление этой диктатуры и защита ее от всяких на нее посягательств. Партия рабочего класса в таких условиях становится *партией гражданского мира, т. е. требует подчинения рабочему классу со стороны прежде господствующих классов, слоев и групп; она требует от них гражданского мира, и рабочий класс карает и преследует теперь всех нарушителей этого гражданского мира, всех заговорщиков, саботажников, словом всех, кто мешает делу мирного строительства нового общества.*

В своем собственном государстве рабочий класс, после того как он отбил все нападения врагов и обеспечил мирную строительную работу, уже не проповедует внутри страны гражданской войны, а проповедует внутреннее замирение на основах признания полностью новой власти, ее законов, ее учреждений и на основании подчинения этим законам и этим учреждениям со стороны всех слоев, в том числе и бывших противников этой власти»¹.

Что в этих положениях правильного? Правильно принципиальное различие между задачами классовой борьбы пролетариата при капиталистическом строе и в условиях диктатуры пролетариата, после победы над вооруженной контрреволюцией. Если в первом случае партия держит курс на гражданскую войну, на революционное разрешение вопроса о власти, то положение меняется в условиях диктатуры пролетариата, когда этот «коренной вопрос революции» решен, когда на полях гражданской войны сломлено вооруженное сопротивление контрреволюции. Тогда господствующий пролетариат своих классовых целей добивается «мирными» путями, подавляя через свои государственно-классовые орудия принуждения сопротивление эксплуататоров, и социалистически воспитывая массы трудящихся на базе социалистического переустройства народного хозяйства.

Термин «гражданский мир» применительно к эпохе нэпа Ленин употребляет, как известно, в письме к Мясникову: «В начале статьи вы правильно применяете диалектику. Да, кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданский мир, тот смешон, если не хуже»². Соответствующее место у Мясникова гласит: «Кто не понимает диалектики общественного развития, тот ничего не понимает и все еще твердит: да здравствует гражданская война, воображая, что он стоит за гражданский мир у нас в стране, а нам еще в 1921 году преподносят лозунг: да здравствует гражданская война»³.

Следовательно, Ленин термин «гражданский мир» выдвигает *единственно в смысле противопоставления обстановки вооруженной борьбы*

¹ «Путь к социализму», стр. 51—52.

² Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 312.

³ Цитируем по рукописи т. Письманика «Рабочая группа» (Мясниковщина), стр. 30.

с контрреволюцией условиям мирного строительства после победы на фронтах гражданской войны. Окончание гражданской войны видоизменяло формы классовой борьбы. На протяжении всего ответа Мясникову Ленин и втолковывает последнему, что речь идет только об изменении форм классовой борьбы, а не об умалении ее значения или прекращении, как это думается; скатившемуся к меньшевизму Мясникову¹.

Данное место у Ленина заострено против тех в партии (а таких тогда было довольно много), которые не понимали новых задач, вытекающих из перехода от войны к миру; оно направлено против всяких «теорий» неизбежности третьей революции, как единственной возможности разрубить узел противоречий, накаплиющихся на базе нэпа. С теорией третьей революции тогда выступали представители «Рабочей оппозиции» (см., например, речь т. Коллонтай на III конгрессе Коминтерна); ибо нэп в основном ими воспринимался как возврат к капитализму, так как они не верили в возможность социалистического строительства на рельсах нэпа. Курс на гражданскую войну, на третью революцию непосредственно вытекает из всей концепции троцкизма, из его неверия в возможность социалистического развития деревни в условиях диктатуры пролетариата, из его отрицания возможности преодоления противоречий между рабочим классом и основными массами крестьянства внутренними силами пролетарской революции.

Бухарин же в термин «гражданский мир» включает содержание, прямо противоположное ленинскому. У него этим термином выражается *смазывание и затушевывание существующих классовых противоречий*, он устанавливает классовый мир. В «Теории исторического материализма» Бухарин делает такое обобщение: «Посмотрим, действительно, на какую угодно форму общества и мы тотчас же убедимся, что поскольку это общество существует, постольку в нем в общем и целом господствует психология и идеология гражданского мира»². «Гражданский мир», его «психология и идеология» вырастают у Бухарина в какой-то универсальный закон общественного развития, «снимающий» как бы марксовы законы классовой борьбы³.

Совершенно верно, что партия «не проповедует внутри страны гражданской войны», но полнейшим искажением ленинского учения является

¹ Сколько нам известно, Ленин только единственный раз в этом месте употребляет термин «гражданский мир» для характеристики видоизменения форм классовой борьбы при переходе от обстановки гр. войны к мирному строительству. Очевидно Ленин считался с тем, что этот термин может быть неверно истолкован и извращен оппортунистами. — Я. Б.

² Стр. 290. Это положение непосредственно вытекает из механистической теории Бухарина о равновесии, как основном законе общественного развития. Но разбор этой теории выходит за пределы, поставленные нами в статье. — Я. Б.

³ На XIV партсъезде т. Бухарин, правильно критикуя Зиновьева, теоретически фальшивит, когда излагает свое понимание гражданского мира. У него получается, что указанная Лениным смена лозунгов означает, что к кулаку больше не могут применяться административные меры в целях выкачки хлеба и т. д. Хотя в завуалированной форме Бухарин в своей речи на съезде проводит не ленинскую установку в этом вопросе. — Я. Б.

тезис, что партия «проповедует внутреннее замирение на основах признания полностью новой власти» и т. д., и т. д. Это означает полную ревизию ленинского учения о том, что «диктатура пролетариата» есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества ¹.

«Маркс и говорит о целом периоде диктатуры пролетариата, как периоде перехода от капитализма к социализму. В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забытых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно. Колебания в этих слоях неизбежны. Крестьянин как труженик тянет к социализму, предпочитая диктатуру рабочих диктатуре буржуазии. Крестьянин как продавец хлеба тянет к буржуазии, к свободной торговле, т. е. назад к «признанному», старому, «исконному» капитализму... Уничтожение классов—дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая *после* свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата не *исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» ².

«В течение всего этого переходного периода», говорит Ленин. Бухарин же убаюкивает пролетариат, усыпляет его классовую бдительность. Как же иначе можно квалифицировать сведение всей борьбы с капиталистическими элементами к обязательному соблюдению законов советской власти, причем предполагается, что классовый враг в целях замирения будет эти законы выполнять!

Достаточно вспомнить об одном только факте вредительства, об обостренной классовой борьбе, которой сопровождается разрешение задачи ликвидации кулачества как класса, чтобы глубоко оппортунистический враждебный ленинизму характер бухаринской идиллии о «замиренном кулаке», выполняющем законы соввласти, стал совершенно очевидным.

Ленин нас учил, что в условиях нэпа разворачивается ожесточенная классовая борьба между социализмом и капитализмом («кто кого»). На XI съезде Ленин предвидит полосу громадного обострения классовой борьбы, когда рабочий класс вступит в «действительно» «последний и решительный бой» не с международным капитализмом,—там еще много будет «последних и решительных боев»,—нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем,

¹ Соч., т. XXV, стр. 191.

² Там же.

который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить»¹. А Бухарин «очистил» развитие от борьбы и противоречий и «установил» «внутреннее замирение». Бухарин прямо заявляет: «Может быть это слишком смелое пророчество, но я думаю, что даже кулаку, на определенной стадии развития, не особенно будет выгодно потрясать наш режим»², он уподобился тем «мелкобуржуазным демократам», которым «свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обоих борющихся сил вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил»³. Бухарин видит одно только сплошное «крестьянство», «не замечая» кулака.

Свою ревизию ленинского понимания классовой борьбы в переходный период Бухарин выражает в различных формулировках, грубо извращая некоторые высказывания Ленина и пытаясь дать им либерально-оппортунистическое толкование. Ленинский тезис о сотрудничестве двух классов, к которому «допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия», тезис о допущении в течение определенного срока существования буржуазии на известных условиях Бухарин пытался истолковать так, что мы допустили вращение нэпманов в социализм и отказываемся от классовой борьбы с ними. Особенно много внимания т. Бухариным было уделено специфическому, либеральному истолкованию известного положения Ленина в статье «О кооперации»: «Раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. и т. п. Теперь же центр тяжести для нас переносится на мирную, организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести сводится к культурничеству». Как видим, Ленин здесь, как и в других местах, со всей силой подчеркивает видоизменение форм классовой борьбы пролетариата. Он указывает, что после установления диктатуры пролетариата и ее закрепления в результате гражданской войны центр тяжести борьбы рабочего класса переносится на работу по построению социализма. Мы уже приводили известные слова Ленина, что диктатура пролетариата «есть упорная борьба» — «насильственная и мирная», «военная и хозяйственная», педагогическая и административная». Бухарин же не понимает, что «мирная организационная, куль-

¹ Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 31.

² Бухарин, «Текущий момент и основы нашей политики».

³ Собр. соч., т. XVI, стр. 347—348.

турная» работа есть форма самой ожесточенной классовой борьбы, Бухарин «культурничество» противопоставляет классовой борьбе.

В докладе «Ленин как марксист» т. Бухарин так ставит вопрос: «Когда мы хотим ответить себе на вопрос, что же должно происходить после завоевания власти рабочим классом (само собою разумеется, поскольку мы берем изолированно одну страну), то ответ гласит: внутри этой страны дальнейшее развитие к социализму идет эволюционным путем и не может иначе идти. Т. е., другими словами: *после завоевания власти рабочим классом начинается действительное вращение в социализм.* В. И. этого точно не формулировал. Но можно привести бесконечное количество мест из сочинений В. И. для того, чтобы иллюстрировать эту мысль. Особенно в своих последних статьях, например, в статье, где речь идет о кооперации, он прямо говорит, что если в предыдущий период исторического развития осью наших стремлений являлась наша революционная линия, линия катастроф, то теперь в текущий период нашего строительства осью нашей политики является мирная организационная работа¹.

Бухарин в данном случае предупреждает, что «В. И. этого точно не формулировал». У Ленина нет термина «вращения в социализм», ибо этот термин не включает, не передает противоречий и классовой борьбы на путях движения пролетариата к социализму. У Ленина нет противопоставления «революционной линии» развитию эволюционным путем. «Мирная организационная работа» есть также «революционная линия», линия жестокой классовой борьбы за построение социалистического общества. Здесь Бухарин ленинский тезис о видоизменении форм классовой борьбы толкует в духе притупления классовых противоречий.

Тов. Сталин в речи «О правом уклоне в ВКП(б)» говорит о бухаринском понимании классовой борьбы: «Диктатура пролетариата нужна для того, чтобы вести борьбу с капиталистическими элементами, для того чтобы подавлять буржуазию и вырвать капитализм с корнями. Но если капиталисты города и деревни, если кулак и концессионер вращаются в социализм, нужна ли вообще после этого диктатура пролетариата, и если она нужна, то для подавления какого класса?.. Одно из двух: либо между классом капиталистов и классом рабочих, пришедших к власти и организовавших свою диктатуру, имеется непримиримая противоположность интересов, либо этой противоположности интересов нет, и тогда остается одно—объявить гармонию классовых интересов.

Либо марксова теория борьбы классов, *либо* теория вращения капиталистов в социализм. *Либо* непримиримая противоположность классовых интересов, *либо* теория гармонии классовых интересов. Одно из двух.

Современный правый оппортунизм, как и группа Каменева—Зиновьева в 1917 г., *ревизует ленинское учение о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, подчиняя по существу пролетариат мелкой бур-*

¹ «Атака», изд. второе, стр. 275.

жуазии вместо руководства ею в целях строительства социализма и полного уничтожения классов.

Известно ленинское положение: «Если не иметь в виду, что соглашение, с точки зрения рабочего класса, лишь тогда является допустимым, правильным и принципиально возможным, когда оно поддерживает диктатуру рабочего класса и является одной из мер, направленных к уничтожению классов, то формула соглашения рабочего класса с крестьянством, конечно, остается формулой, которую все враги советской власти и все враги диктатуры в своих взглядах и проводят»¹. Союз рабочего класса с крестьянством в ленинском понимании имеет задачей социалистическую переделку крестьянина путем переделки той экономической базы, на которой вырастает мелкий собственник. Этот союз имеет своей предпосылкой социалистическое руководство рабочего класса, он имеет своей задачей завоевание крестьянина на сторону пролетариата, на точку зрения рабочего класса, путем его переделки из мелкого собственника в работника крупного коллективного хозяйства.

Для правых же оппортунистов характерно именно такое толкование союза с крестьянством, которое означает *переход пролетариата на точку зрения мелкой буржуазии*. «Союз с середняком может быть прочным лишь в том случае, если он направлен против капиталистических элементов, против капитализма вообще, если он обеспечивает руководящую роль рабочего класса в этом союзе, если он облегчает дело уничтожения классов»¹. Правые же соглашение с середняком понимают так, чтобы не бороться против кулацких капиталистических элементов деревни, против капиталистической тенденции, заложенной в мелкотоварном хозяйстве.

Известна бухаринская теория мирного вращивания кулака в социализм, согласно которой «кулацкие кооперативные гнезда», равно как и концессионные предприятия, являются только «до известной степени чужеродным телом» и будут через банки вращивать в эту систему социалистического хозяйства². Известна изображаемая им идиллия нашей политики в отношении кулака: «мы ему оказываем помощь, но и он нам, так что в результате в конце концов, может быть, и внук кулака скажет нам спасибо, что мы с ним так обошлись»³. Известна «венчающая здание» формула т. Бухарина, адресованная в общем и целом ко всему крестьянству, всем его слоям: «обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство» (от которой Бухарин в свое время отказался, но которая вытекала из всей его концепции).

«Что получим мы в результате накопления в крестьянском хозяйстве?» ставит Бухарин вслед за этим вопросом вопрос о результатах этой своей (ибо в данном случае Бухарин извращал линию партии) «теории

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 257.

² Сталин, «О правом уклоне в ВКП (б)».

³ «Путь к социализму и рабоче-крестьянский блок», стр. 49.

⁴ «Большевик» № 8, за 1925 г., стр. 14.

накопления». И отвечает: «Накопление в сельском хозяйстве означает растущий спрос на продукцию нашей промышленности. В свою очередь это вызовет могучий рост нашей промышленности, который окажет благоприятное обратное воздействие нашей промышленности на сельское хозяйство»¹. В этом прогнозе нехватает одного: ни слова нет о неизбежных противоречиях развития, связанных с абсолютным усилением капиталистических элементов, прежде всего, деревни. XIV партконференция, приняв в интересах строительства социализма целый ряд мероприятий, направленных к расширению товарооборота между городом и деревней и развитию производительных сил деревни, в своих решениях указывает на неизбежность известного абсолютного возрастания капиталистических элементов и необходимость борьбы за ограничение эксплуататорских тенденций кулака.

Например, резолюция «о кооперации» предупреждает, что в ближайшем будущем «неизбежно дальнейшее увеличение и усиление на известное время новой крестьянской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства», отсюда «частичное обострение конкуренции между социалистическими и капиталистическими элементами хозяйства, как в городе, так и в особенности в деревне» и т. д. Бухарин рекомендует политику неограниченного развития кулацкого хозяйства и в то же время «не замечает» какие-либо противоречия развития. Якобы обосновывая мероприятия партии, Бухарин здесь *отстаивает свою отличную от партии политическую позицию*.

В речи «О новой экономической политике и наших задачах», произнесенной в апреле 1925 г., т. Бухарин, как известно, *отрицал*, что коллективные хозяйства «есть *столбовая* дорога для продвижения массы крестьянства по пути социализма»². В этой же речи т. Бухарин дает такую перспективу дальнейшего развития крестьянского хозяйства к социализму: «Поскольку мы будем хозяйственно расти и через кооперацию, налоговую систему и проч. уже не на основе грабительской дележки, выражаясь вульгарно, а на основе хозяйственного подъема, поскольку середняка и бедняка мы будем хозяйственно поднимать,—поскольку мы все больше будем приближаться к тому, что уровень жизни середняка и бедняка будет приближаться к уровню более зажиточного хозяйства; а затем, на основе этого подъема, мы достигнем еще более высокой ступени, когда крестьянство будет исчезать и по отношению к пролетариату как особый класс»³. Итак, крестьянство придет к социализму, т. е. исчезнет как особый класс в результате того, что поднимется уровень жизни всей массы крестьянских хозяйств, а уровень жизни середняка и бедняка приблизится к уровню зажиточного хозяйства. Но остается совершенно непонятным: каким образом может произойти эта социалистическая переделка крестьянского хо-

¹ «Большевик» № 9—10, за 1925 г., стр. 5.

² Там же, стр. 12.

³ Там же.

зяйства без перевода раздробленного индивидуального крестьянского хозяйства на рельсы крупного, коллективного, если колхозы являются естественной формой организации только *бедняцких* хозяйств, если вряд ли можно думать, что «колхозное движение захватит собою всю широкую массу крестьянской бедноты», а «основное ядро крестьянства»—средняцкие хозяйства будут организовываться не в колхозах, а в сельскохозяйственной кооперации по линии закупок, сбыта и кредита³. Но в том-то и дело, что т. Бухарин мыслит здесь переход крестьянства к социализму без коренной переделки его мелкого хозяйства, на основе только кооперирования обращения товарооборота; он мыслит себе подъем массы крестьянских хозяйств, подтягивание уровня бедняка и середняка к уровню зажиточного хозяйства не на социалистическом пути, а на каком-то третьем. Вместо ленинской теории социалистической переделки крестьянина, на базе социалистической реконструкции народного хозяйства и социалистического руководства пролетариата крестьянством через опору на бедноту, союз с середняком и борьбу с кулаком—у Бухарина получается новая мелкобуржуазная теория о движении всей деревни, включая кулака, к социализму, без социалистической переделки экономики крестьянского хозяйства, без выкорчевывания корней капитализма, на основе мирного вращивания кулака в социализм.

Смягчение, затушевание правыми оппортунистами глубины противоречий между рабочим классом и буржуазией связано со свойственным правому оппортунизму *приукрашиванием капитализма, умалением его внутренних противоречий, переоценкой его крепости*. У Каменева—Зиновьева это нашло свое выражение в оценке положения, согласно которой «у буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо». У Бухарина это свое наиболее яркое выражение получило в теории «организованного капитализма», получившей подробное освещение в печати.

в) Правый оппортунизм в германской компартии

Есть ряд существенных моментов, отличающих правооппортунистические группировки в ВКП(б) и в других компартиях, в частности в наиболее крупной после ВКП(б) германской секции Коминтерна. Форма и содержание правооппортунистических уклонов отличны прежде всего в силу того, что в одном случае компартия—господствующая, а в другом—только идет к власти, борется в условиях диктатуры буржуазии. Но есть еще другие существенные моменты отличия. ВКП(б), как *большевистская партия*, сложилась еще в 1903 г., накопила богатейший опыт революционной борьбы. Наши же братские компартии только «проходят курс» большевизации. Наибольший отрезок пути своей большевизации прошла германская компартия, но и она еще ее не завершила. Иностранннм компартиям, в частности и в особенности германской, приходится бороться, имея

¹ «Путь к социализму», стр. 47.

своим противником мощную еще социал-демократию, постоянно оказывающую идейное влияние на наименее закаленные прослойки компартий. От груза социал-демократических традиций отдельные звенья компартий еще не вполне освободились.

Вот почему мы, в отличие от ВКП(б), в заграничных компартиях, в частности германской, наблюдаем такой быстрый «спуск на тормозах» правых оппортунистов (и не только правых) к социал-демократии. Наиболее ярким примером, конечно, является Пауль Леви, очень быстро проделавший эволюцию от председателя ЦК германской компартии к «левому» социал-фашизму. Этот пример, правда, не является характерным. Леви был, безусловно, всегда только попутчиком революции. Что непосредственно революционная ситуация, обстановка победоносного хода революции может вынести и высоко поднять на гребне революционной волны попутчиков, показывает пример Троцкого. Все же пример с Леви является поучительным. Остановимся поэтому в самых кратких чертах на некоторых положениях Леви в момент его отхода от компартии.

Известно, что этот отход непосредственно был связан с мартовским выступлением 1921 г. Это выступление с точки зрения реального соотношения классовых сил и конкретных перспектив революционной борьбы было ошибочным. Партия двинулась в бой, далеко не имея за собой большинства рабочих в решающих центрах. III конгресс Коминтерна дал анализ мартовских боев и сделал из них политические выводы—уроки для дальнейшего развертывания борьбы и работы германской компартии. Важнейший урок был сформулирован в лозунге «К массам».

Леви, который стал оппортунистически «линять» еще задолго до этого¹, к оценке мартовского выступления подошел как мелкий буржуа, трясущийся от одного факта революционной вооруженной борьбы, приходящий в самую жалкую панику от неудачи борьбы. Он вопит о гибели партии и коммунизма в результате «бакунистского сумасшествия». Его единственный урок из понесенного поражения: «Никогда больше» («Niemals wieder»)². В момент крайнего разгула контрреволюции, когда компартия в труднейших условиях выводила из боя свои ряды, Леви выступает с обвинениями против ЦК германской компартии и Коминтерна, донося буржуазии о секретных решениях, присоединяясь, таким образом, к общему фронту контрреволюции против коммунизма. Но не это ренегатское поведение Леви нас в данном случае интересует. Мы остановимся на некоторых моментах анализа мартовских событий, данных Леви в брошюре «Unser Weg» и в речи на заседании ЦК германской компартии 4 мая 1921 г.³ В этих своих двух выступлениях Леви еще старается придерживаться

¹ В речи на заседании ЦК германской компартии 4 мая 1921 г. Леви рассказывает, что он уже в период II конгресса был фактически в оппозиции к Исполкому Коминтерна, что он, в частности, был против 21 условия (см. брош. «Was ist Verbrechen», стр. 41).

² P. Levi, «Unser Weg, Wider dem Putschismus», 2-te Auflage, Berlin 1921, S. 3 и 29.

³ Вышла брошюрой «Was ist Verbrechen? Die Märzaktion oder die Kritik daran», Berlin 1921.

коммунистической терминологии. И некоторые его положения безусловно типичны для правого оппортунизма.

Две «идеи» Леви заслуживают внимания. Первая, высказанная в несколько завуалированной форме, сводится к тому, что революция должна прийти «сама собой», в результате стихийного недовольства масс. Он ополчается против следующих слов одного из членов ЦК германской партии: «Мы настолько сильны, а ситуация настолько чревата роковыми событиями (*«verhängnisschwanger»*), что мы можем взять в свои руки судьбу партии и революции». Леви спорит не столько против правильности или неправильности оценки революционной ситуации, а решительно восстает против попыток «делать революцию», которая «сама пойдет», если к тому созреют обстоятельства. Он повторяет по существу аргументы, которые в свое время Мартынов приводил против Ленина в вопросе организации вооруженного восстания. Леви совершенно смывает роль партии, как решающего организующего фактора революции¹.

Интерес представляет также его постановка вопроса о коммунистической партии, как массовой партии.

«В Западной Европе компартии по своей организационной структуре не могут быть не чем иным, как незамкнутыми массовыми партиями. Как таковые они *никогда* не могут быть приведены в движение по приказу из какого-нибудь центра, а только в результате взаимодействия между партией и рабочими массами. Массовые партии движутся не по команде, а вместе с движением рабочего класса, чьим руководителем и вождем партии должны стать в этом движении. Рабочие массы зависят от партии, как и последняя от рабочих масс»². Как видим, Леви совершенно стирает грани между рабочим классом и партией. Слова о «руководителе-вожде» совершенно бессмысленны, поскольку Леви отрицает роль партии как авангарда, ведущего за собой класс, указывающего классу цели его борьбы, поскольку он отрицает возможность для партии подняться над уровнем класса. Леви выдвигает чисто меньшевистский тезис, отрицающий вообще всякую возможность боевого централизованного руководства партии рабочим классом. В другом месте своей речи Леви ставит дилемму: или массовая партия,—и тогда откажитесь от командования из одного центра, не требуйте беспрекословной покорности (*kadavergehorsam*); или же—вы станете сектой, правда преданна делу революции людей, но не имеющей связи с рабочими массами³.

На этом мы ограничим наши замечания о Леви и перейдем к группе Брандлера—Тальгеймера; анализ взглядов этой группы, когда она еще была в партии и когда была выброшена из ее рядов, безусловно представляет выдающийся интерес для понимания правого оппортунизма.

¹ Unser Weg, стр. 29, 31; Was ist Verbrechen, стр. 15, 18, 19.

² Was ist Verbrechen, стр. 20—21.

³ Там же, стр. 40—41.

Начать нужно с Лейпцигского (8-го) партийтага КПГ, прошедшего под руководством Брандлера, Тальгеймера, Бехтера и др., и в решениях которого содержатся ряд ярких правооппортунистических ошибок, чрезвычайно характерных и типичных для иностранных компартий.

Лейпцигский партийтаг собрался в революционной ситуации начала 1923 г., когда перспектива борьбы за свержение буржуазии и захват политической власти вырисовывалась как ближайшая задача партии. Буржуазный режим был весьма сильно поколеблен, капиталистическое хозяйство Германии было сильно подорвано, быстро росло обнищание рабочих масс и широких слоев мелкой буржуазии. Главным препятствием на пути к захвату власти была социал-демократия, еще ведущая за собой значительные массы рабочих. Обстановка благоприятствовала успеху борьбы коммунистов за завоевание большинства рабочего класса; в разрешении этой задачи крупнейшую роль должно было сыграть правильное проведение тактики единого фронта. Цель этой тактики—обеспечить проникновение коммунистического влияния в массу социал-демократических рабочих путем их втягивания в совместную с коммунистами борьбу за частичные требования, необходимость коих понятна массе социал-демократических рабочих. Вовлекая социал-демократических и других рабочих в эту борьбу, коммунисты неустанно пропагандируют диктатуру пролетариата, как единственный путь к радикальному изменению положения рабочих. Со ступеньки на ступеньку коммунисты таким образом должны поднимать политическое сознание рядового социал-демократического рабочего до уровня понимания им классовых целей пролетариата. Тактика единого фронта—мощное орудие разоблачения предательской сущности социал-демократической верхушки и всей социал-демократии как партии. Когда вожди отказываются от совместной борьбы за частичные требования, это дает благодарный материал для их разоблачения в глазах масс; если вожди, под давлением масс, соглашаются на совместные действия, то задача коммунистов вскрывать всю половинчатость, нерешительность, двурушничество этих вождей, которые неспособны ни на какую последовательную борьбу даже за частичные требования.

Правильное проведение тактики единого фронта требует от партии высокого уровня политической сознательности и классовой бдительности. Главная опасность здесь—это потерять коммунистическое лицо, из-за борьбы за частичные требования не видеть главного, определяющего эту тактику: задачу коммунистического воспитания рабочих масс и разоблачения социал-демократии. Всякое проведение тактики единого фронта путем принципиальных уступок социал-демократии означает капитуляцию перед последней. Между тем решения Лейпцигского партийтага означали вопиющее искажение тактики единого фронта, в своей основе имевшее оппортунистическую оценку сущности социал-демократии.

Резолюция Лейпцигского съезда «Политическое положение и ближайшие задачи пролетариата» говорит: «В Германии при применении тактики единого фронта решающим является (auschlaggebend) умение исходить из

иллюзий, предрассудков и нужд самых широких масс социал-демократических рабочих»¹. Не нужно доказывать, что такая постановка вопроса в корне неверна, что она открывает путь для оппортунистического приспособления тактики единого фронта к «предрассудкам и иллюзиям» социал-демократических рабочих. Правильно, что надо исходить из нужд рабочих масс, показывать, что коммунисты—наиболее отважные решительные борцы за нужды рабочих, разоблачать сущность социал-демократии, поднимая классовое сознание рабочего, еще идущего за социал-демократией, постоянно связывая борьбу за частичные лозунги с борьбой за диктатуру пролетариата. А можно ли о последней говорить социал-демократическому рабочему, если исходить надо из его демократических иллюзий и предрассудков? Степень оппортунистического извращения Брандлером тактики единого фронта видна из следующего места в его докладе о «едином» фронте и рабочем правительстве»: «Тактика единого фронта—это не лозунг для разоблачения классового врага или социал-демократии; она—средство завоевания масс на сторону коммунизма, чтобы повести пролетариат от обороны к наступлению против буржуазии, к ее свержению»². Как видим, Брандлер *противопоставляет* задачу разоблачения социал-демократии задаче завоевания масс для коммунизма, причем разоблачение социал-демократии, по его мнению, вовсе не входит в задачи этой тактики. Корень ошибки—все тот же: оценка социал-демократки как силы, могущей играть еще революционную роль.

Оппортунистическая установка брандлеровцев в вопросах единого фронта свое концентрированное выражение получила в решениях съезда о рабочем правительстве. В каких целях лозунг рабочего правительства в свое время (IV конгрессом) был выдвинут Коминтерном? Какая была революционная целесообразность в лозунге «правительства рабочих партий», т. е. коммунистов и с.-д.? Исходная точка здесь была та же, что во всей тактике единого фронта: лозунг рабочего правительства был только составной частью этой тактики. Этот лозунг был доступен пониманию и должен был встретить сочувствие широкой массы социал-демократических рабочих, как противовес проводимой социал-демократами коалиции с буржуазией. Осуществление этого лозунга было маловероятным, поскольку с.-д. вожди хотели коалиции с буржуазией, но он открывал большие возможности для разложения социал-демократии, он должен был являться звеном в подготовке вооруженной борьбы за диктатуру пролетариата. Ясно, что, выдвигая лозунг рабочего правительства, Коминтерн считался и с возможностью его осуществления. В Германии (а именно в ней вопрос этот был актуальным) могла создаться такая обстановка—теоретически это было возможно—когда соц.-демократия под давлением рабочих оказалась бы вынужденной составить с коммунистами рабочее правительство. Каковы были тогда задачи коммунистов?

¹ Bericht über die Verhandlungen des III (8) Parteitages der KPD, Berlin 1923, S. 415.

² Там же, стр. 318.

Для коммунистов вхождение в правительство имело следующие обязательные предпосылки: а) немедленный приступ к массовому вооружению рабочих. Без этого требование рабочего правительства теряло бы всякий революционный смысл, т. е. было бы политически вредным; б) всемерное, самое энергичное организационное закрепление влияния компартии в массовом движении прежде всего рабочих, а также широких слоев мелкой буржуазии; создание под руководством компартии контрольных комитетов, мощное развертывание движения фабзавкомов и т. д.; в) коммунисты с первого часа пребывания в рабочем правительстве должны были создать себе внепарламентскую поддержку в рабочих массах, прежде всего в лице фабзавкомов, неустанно работать в массах, организуя их вокруг боевых требований—лозунгов, разоблачая социал-демократов, все озирающихся на своего «естественного компаньона»—буржуазию. Опираясь на развертывающееся, цементируемое коммунистическим воздействием, мощное массовое движение, надо было выдвигать такие требования, осуществлять такие мероприятия, которые подвели бы эти массы непосредственно к вооруженной борьбе за власть.

Ясно, что при условии выполнения указанных предпосылок существование рабочего правительства, как правительственного блока коммунистов и социал-демократов, могло быть только кратковременным, преходящим. Для коммунистов рабочее правительство должно было являться трамплином для развертывания борьбы за диктатуру пролетариата, моментом в подготовке к вооруженной борьбе за власть. И ясно, что в критический момент социал-демократия оказалась бы по ту сторону баррикад. Лозунг рабочего правительства был, следовательно, лозунгом революционной мобилизации масс на путях к вооруженной борьбе за власть. Как указывают решения президиума ИККИ по германскому вопросу на январском совещании 1924 г., тактика единого фронта—«это тактика революции, а не эволюции. Точно так же, как рабочее (и крестьянское) правительство не может рассматриваться нами, как устойчивая, демократическая переходная стадия, так и тактика единого фронта не является демократической коалицией, союзом с социал-демократией. Она—только метод революционной агитации и мобилизации. Всякие другие толкования мы отвергали, как оппортунистические»¹.

В решениях же Лейпцигского партийтага дается толкование рабочего правительства, как особого, относительно длительного переходного этапа к диктатуре пролетариата, причем на этом этапе коммунисты вместе с социал-демократами разрешают ряд коренных революционных задач, отчасти составляющих даже элемент пролетарской революции.

Революция «о тактике единого фронта и рабочем правительстве» дает такое общее определение рабочего правительства: «Оно не представляет собой ни диктатуры пролетариата, ни мирного парламентского перехода к ней. Это—попытка рабочего класса проводить рабочую поли-

¹ Bericht über die Verhandlungen des IX Parteitags der KPD, Berlin 1924, S. 26.

тику для начала в рамках и в первую голову средствами рабочей демократии, опираясь на пролетарские органы и пролетарское массовое движение,—в то время как диктатура пролетариата сознательно взрывает рамки демократии, разбивает рамки демократического государственного аппарата, чтобы его полностью заменить пролетарскими классовыми органами»¹. В резолюции о «политическом положении и ближайших задачах пролетариата» эта общая установка в вопросе о рабочем правительстве выражена так: «Как результат правильного применения тактики единого фронта мы должны призвать пролетарские массы к борьбе с буржуазией и завоевать их для дела создания рабочего правительства, которое, используя все доступные ему рычаги власти буржуазного государства, опираясь на сильное массовое движение и поддерживаемое классовыми органами пролетариата (фабзавкомы, контрольные комитеты, вооруженные рабочие, рабочая оборона) делает попытку со всей беспощадностью отстаивать классовые интересы пролетариата против классовых интересов буржуазии»².

Из этих положений можно сделать по крайней мере следующие выводы: а) рабочее правительство—целый важнейший этап на пути к диктатуре пролетариата,—этап, на котором пролетариат «со всей беспощадностью» отстаивает свои классовые интересы против буржуазии. Через полтора года после Лейпцигского партийтага т. Радек на V конгрессе Коминтерна это положение защищал в форме целой «теории этапов»: «Чрезвычайно опасно не учитывать того факта, что в Западной Европе мы можем идти к диктатуре через те или иные этапы. Они будут продолжаться недолго, они кончатся гражданской войной. Но они будут»³; б) молчаливо предполагается, что это беспощадное отстаивание классовых интересов будет производиться коммунистами вместе с социал-демократами. При этом на протяжении обоих упомянутых резолюций съезда не дается установки о неизбежном предательстве социал-демократов, хотя в проекте левых (тезисы Берлин-Бранденбургской, Приморской-Гамбургской, Средне-рейнской, Гассен-Франкфуртской и Лаузицкой партийных организаций) вопрос о разоблачении социал-демократов в процессе существования рабочего правительства поставлен весьма четко; в) резолюции съезда тщательно подчеркивают, что буржуазная демократия остается неприкосновенной, что рабочее правительство должно использовать аппарат буржуазного государства. И в то же время—полная защита классовых интересов пролетариата. Таким образом тезисы создают иллюзию о революционных возможностях буржуазной демократии⁴. На V конгрессе Ком-

¹ «Берихт» о Лейпцигском партийтаге, стр. 420.

² Там же, стр. 415.

³ «Пятый Всерос. конгресс Коммунистич. Интернационала», Стеногр. отчет, стр. 161.

⁴ По поводу приведенного пункта резолюции представитель левых Маслов на Лейпцигском партийтаге в общем правильно замечает: «Использование государственных рычагов власти—это как раз то, что Отто Бауер и Ф. Адлер в австрийской социал-демократии проповедают в теории и предельвают на практике. Они предоставили арсенал в распоря-

интерна приводилась следующая цитата из статьи Брандлера от апреля 1923 г.,—цитата, как бы поясняющая и дополняющая решения Лейпцигского съезда: «Исходным пунктом нашей агитации не должно быть: рабочее правительство—это диктатура; или—пока рабочее правительство не приступит к диктаторским мероприятиям, об участии коммунистов в этом рабочем правительстве не может быть и речи. Не таким путем мы достигаем разложения Объединенной социал-демократической партии Германии, не таким путем мы завоюем рабочие массы для коммунизма; мы достигнем этого только в том случае, если будем отправляться от демократических иллюзий рабочих, если построим мост к мировоззрению лучше поставленных рабочих и если по возможности поставим на службу пролетарской классовой борьбе завоеванное парламентским путем государство и государственную власть»¹. Это—прямая социал-демократическая по существу теория использования буржуазной демократии и буржуазного государственного аппарата.

В указанных резолюциях Лейпцигского съезда не только ничего не говорится о задаче разоблачения социал-демократии, но чрезвычайно туманно ставится вопрос о переходе от рабочего правительства к диктатуре пролетариата. Мы уже цитировали место, что рабочее правительство это не диктатура и не мирный переход к диктатуре. Но такое определение явно недостаточно. В другом месте резолюции о едином фронте мы читаем: «Только весь в целом класс, организованный в политических советах рабочих, служащих, чиновников и мелких крестьян и в фабзавкоммах, сможет противопоставить буржуазии, как единую силу, всю мощь эксплуатируемого класса, чтобы методами диктаторского насилия подавить всякое сопротивление контрреволюции. Революционный единый фронт для свержения буржуазии в политических советах может быть создан не в начале, а лишь в конце борьбы за завоевание масс на сторону коммунизма»². Нетрудно показать, что в этом тезисе двусмысленностей и недоговоренностей весьма много. Во-первых, почему не говорится ясно о диктатуре пролетариата? Во-вторых, неверно ставить вопрос так, что для завоевания власти нужно весь в целом класс—да и не только рабочий класс, но и мелких крестьян, чиновников, служащих—организовать против буржуазии. Известно, что если ждать *такого* большинства, то захват власти становится невозможным. Ведь и в отношении рабочих мы ставим задачей завоевание

жение социал-демократических рабочих, а государственные рычаги власти: школа, церковь, юстиция, печать, армия—все это в действительности осталось в руках буржуазии. Использовать государственные рычаги власти для меня значит, что мы аппарат буржуазного государства начинаем разбивать, что мы разлагаем войска, выделяя из них ту часть, которую можно революционно обработать. Но если этот тезис должен означать использование государственных рычагов власти государственным, легальным, демократическим и мирным путем, то это напоминает мне стремление завоевать диктатуру Советов в рамках Веймарской конституции» («Bericht», стр. 341).

¹ V Всемирный конгресс Коминтерна, стр. 176.

² «Bericht» о Лейпцигском партийтаге, стр. 417.

большинства, а не всего класса, ибо последнее в рамках капиталистического строя невозможно. В-третьих, ясного ответа о переходе от рабочего правительства к диктатуре пролетариата мы и здесь не получаем.

Бесспорным является такой дополнительный вывод к уже сказанному: *брандлеровцы периода Лейпцигского конгресса под флагом расширительного толкования рабочего правительства делают попытку ревизии марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Вопрос о диктатуре брандлеровцы отодвигали, делая ставку на длительное сотрудничество с социал-демократами.* Тов. Тельман на V конгрессе рассказывает: «Брандлер позже, в августе, на районном партийном съезде Побережья, когда все партработники требовали, чтобы партия, наконец, ориентировалась на борьбу за политическую власть и на диктатуру пролетариата, имел не то наглость, не то наивность сказать: «Если вы не прекратите болтовню о диктатуре, вы будете исключены из партии»¹. Брандлер не хотел дразнить соц.-демократов, да и вопрос о диктатуре в его глазах не был столь актуальным, поскольку на очереди было—рабочее правительство, как целый длительный этап, пока весь в целом рабочий класс объединится против буржуазии. Левые² правильно в своем проекте тезисов о тактике единого фронта предупреждали «о возможности ревизии коммунистической теории государства, которая (ревизия) состоит в том, что государство, возглавляемое рабочим правительством, изображается, как новый вид государства, ни буржуазный, ни пролетарский; отсюда делается вывод, что этап рабочего правительства—эпоха с стабильным темпом государства»³. Здесь дана верная характеристика взглядов Брандлера. И злой иронией звучат слова из резолюции Лейпцигского съезда: «Вся партия настолько зрела и здорова», что для нее уклоны вправо и «влево» не представляют серьезной опасности, так как эти уклоны вправо своевременно познаны и преодолеваются в зародыше»⁴. Это говорит съезд, вынесший под руководством Брандлера ряд оппортунистических решений...

¹ V Всемирн. конгресс Коминтерна, стр. 245.

² Левые в свою очередь отличались доктринерской недооценкой и боязнью проведения тактики единого фронта, но в своей критике правых ошибок Брандлера—Тяльгеймера они были в основном правы. Несомненно, что главной опасностью в германской компартии в тот период был правый оппортунизм.—Я. Б.

³ «Берихт» о Лейпцигском партийтаге, стр. 150. Происходивший после Лейпцигского—Пражский съезд чехо-словацкой компартии поставил все точки над и: «Рабочее правительство может представлять собой не что иное, как мирный переход к диктатуре пролетариата. Это—попытка рабочего класса проводить рабочую политику в рамках и в первую голову средствами буржуазной демократии, опираясь на пролетарские органы и пролетарское массовое движение» (см. V Всемирн. конгр. Коминтерна, стр. 74). Как видим, здесь дословно повторена формулировка Лейпцигского съезда,—только с прямым признанием, что рабочее правительство означает мирный переход к диктатуре. И надо сказать, что это дополнение—вполне логичное и закономерное. Брандлер просто не договорил.

⁴ Там же, стр. 418.

* * *

Теоретические установки Лейпцигского съезда получили опытную проверку на примере саксонского рабочего правительства.

Вопрос о вхождении коммунистов в саксонское правительство был решен Коминтерном в октябре. Данная по этому вопросу инструкция во главу угла ставит два момента: закрепление Саксонии, как плацдарма для подготовки сил к борьбе за свержение буржуазии, и вооружение рабочих. Инструкция предлагает *немедленное вооружение* от 50 000 до 60 000 рабочих ¹. Коминтерн указал на необходимость широчайшего развертывания массового движения. Как говорят цитированные уже январские решения президиума ИККИ, коммунисты в Саксонии должны были развить действительную революционную активность; уже с первых часов своего участия в рабочем правительстве коммунисты должны были главной основной темой сделать вопрос о вооружении рабочих. «Они должны были понести в массы, должны были развить со всей силой пропаганду за политические советы, дабы таким образом парализовать саботаж «левых» с.-д. министров». «Коммунисты обязаны были с первого же часа их пребывания в правительстве заклеить в широчайших массах двурушническое поведение Цейгнера, его закулисные переговоры с военными диктаторами, и разоблачать всю в целом контрреволюционную роль «левых» социал-демократических вождей» ².

На самом деле все было «наоборот». Коммунистические министры почти ничего не успели сделать по части вооружения рабочих. Члены правительства—коммунисты не сумели организовать и опереться на массовое движение, в частности крайне мало было сделано для организации фабзавкомов. На V конгрессе Коминтерна Брандлер рассказывает, что на Хемницкой конференции (в 20 числах октября) он впервые связался с пролетарскими массами Германии, с тех пор как вернулся из-за границы» ³. Это—руководитель партии, который должен был готовить массы в бой за свержение буржуазии! Министры-коммунисты не только не разоблачали, не заклеили в массах предательскую роль «левых» саксонских социал-демократов, но проявили к ним всяческую «лояльность». Исключительно ярким и поучительным является факт, сообщенный на V конгрессе и не опровергнутый Брандлером: «Согласно протоколу политического бюро левые пять раз вносили в ЦК предложение о созыве съезда фабзавкомов. Но т. Брандлер решил созвать фабзавкомы во всех районах, только не в Саксонии и Тюрингии, потому что это могло испортить соглашение с социал-демократами» ⁴. Отказ от организации масс ради «добрых отношений» с социал-демократами! Это, конечно, была капитуляция перед социал-демократией. Во вступительной декларации Цейгнер заявил, что

¹ «Берихт» о IX партийгаге, стр. 30.

² Там же.

³ V Всемирн. конгресс Коминтерна, стр. 214.

⁴ Там же, стр. 181.

вхождение коммунистов в правительство имеет целью предотвратить гражданскую войну. А присутствующие коммунисты молчат, создавая у рабочих впечатление согласия с этим утверждением. Коммунист-министр Бетхер (теперь исключен вместе с Брандлером) заявляет, что «мы ответственны перед большинством Ландтага и перед конституцией»; у него даже не нашлось мужества заявить, что коммунисты чувствуют себя ответственными только перед революционным пролетариатом¹. На Хемницкой конференции, которая должна была быть революционной, подготовительной к вооруженному восстанию и которой руководил Брандлер, сперва обсуждаются все хозяйственные вопросы и только к концу—вопрос о всеобщей стачке. Как только к этому вопросу подошли, с.-д. министр Граупе заявил, что он покинет конференцию, если только она примет решение о всеобщей стачке. И это выступление не получило отпора, хотя на конференции было 60—70% коммунистов. А происходившая в одно время с Хемницкой конференцией конференция судостроительных рабочих в Гамбурге, руководимая коммунистами революционерами, приняла единогласное решение о всеобщей забастовке².

В конечном итоге в Саксонии вместо революционной стратегии получилось не революционное, парламентское сотрудничество с «левыми» социал-демократами³; получилась, как это говорилось на V конгрессе, «банальная парламентская комедия» (Зиновьев).

Не менее поучительны, чем сами оппортунистические ошибки брандлеровского руководства, являются последующие попытки бландлеровцев теоретически осмыслить сделанные ошибки. Группа Брандлера на январском совещании 1924 г. при президиуме ИККИ была против принятых решений об уроках германских событий. В своем докладе на IX Франкфуртском партийтаге Брандлер эти решения признает ошибочными⁴. Как же брандлеровцы оценивали итоги октябрьского поражения? Всю их «философию истории» можно свести к следующим нескольким положениям.

а) Никаких оппортунистических ошибок ни на Лейпцигском партийтаге, ни при проведении саксонского опыта сделано не было. Изображать брандлеровскую группу как правую,—это «абсурдная, вредная для партии точка зрения»⁵. Брандлер заявляет, что он «не стыдится» лейпцигских решений; они теперь (к апрелю 1924 г.) нуждаются в изменениях, ибо события текут быстро и меняется обстановка, но в свое время эти решения были правильны⁶. Брандлер политически оправдывает также свой саксонский опыт⁷.

б) Основная причина поражения—настроения масс. «Массы,—заявляет

¹ V Всемирн. конгресс Коминтерна, стр. 248.

² Там же, стр. 249—250.

³ «Берихт» о IX партийтаге, стр. 31, решения президиума ИККИ в январе 1924 г.

⁴ «Берихт», стр. 239.

⁵ Брандлер, там же, стр. 239.

⁶ Там же, стр. 242.

⁷ Там же, стр. 244.

Брандлер в речи на V конгрессе Коминтерна,—не были готовы к борьбе». «В широких массах не было того настроения, что в 1918 г.». «Поражение было результатом не нашего отбоя, а панического настроения в партии, настроения, которое мы не в силах были подавить»¹. Этот крайний пессимизм в оценке революционных возможностей рабочих масс весьма характерен для всех без исключения правых оппортунистов.

в) Брандлер признает «главной ошибкой», что из революционной ситуации «мы не сумели достаточно быстро сделать все необходимые выводы»². Но он ни словом не обмолвился и не в состоянии был понять, что прежде всего оппортунистическая установка в оценке социал-демократии не давала сделать своевременно «необходимые выводы». Дальше Брандлер поясняет: «Когда было объявлено осадное положение, мы не смогли мобилизовать массы. Да, мы и не сделали все необходимое для этой мобилизации, так как мы верили, что это нам больше не нужно. Нам сильно вредила фраза, ставшая лозунгом: «Политику за нас делает противник». Было ли такое убеждение, что силы у нас уже достаточно, оппортунистической ошибкой (Возглас: да!)? Нет! Переоценка собственных сил и недооценка сил противника никогда не определялись, как оппортунистическая ошибка, это была левая ошибка»³. Вся эта тирада очень характерна для органического непонимания Брандлером сущности своих ошибок и для его неспособности диалектического анализа обстановки. Конечно, абстрактно рассуждая, «вне времени и пространства», переоценка своих сил и недооценка сил противника—есть «левая» ошибка. Но суть-то в данном конкретном случае та, что это «левое» утверждение имело «служебной целью» оправдание архи-оппортунистической тактики: если противник «за нас делает», значит нечего разворачивать массовое движение, нечего завоевывать социал-демократических рабочих, нечего вооружать рабочих. Известно, что именно Брандлеру принадлежало крылатое словечко, что в Германии власть валяется на улице (это он заявил незадолго до октября); но это было не столько «головокружение от успехов», сколько формула, освящающая пассивность в борьбе за власть. Приведенные утверждения Брандлера нуждаются и в другом коррективе: совершенно неверно, что Брандлер переоценивал революционные настроения масс, здесь для него как раз характерна пессимистическая оценка; его оптимистические выводы были основаны на оппортунистической оценке социал-демократии, которой, особенно ее «левому» крылу, Брандлер отводил почетное место в балансе революции.

г) Брандлеровцы выдвинули тезис, что исход октябрьских событий знаменует «победу фашизма над социал-демократией». В этом тезисе в концентрированном виде дается оппортунистическая оценка роли социал-демократии, как силы, *противостоящей* фашизму. Тезисы брандлеровцев

¹ V Всемирн. конгресс Коминтерна», стр. 213, 216, 217.

² «Берихт» о IX партийтаге, стр. 244.

³ «Берихт» о IX партийтаге, стр. 245.

на франкфуртском партийтаге «к политическому отчету» приходят к выводу, что ликвидируется ставка буржуазии на рабочую аристократию, как свою опору¹.

д) Венчает философию брандлеровцев следующий обобщающий тезис: «неправильно думать, что в октябре КПП упустила историческую возможность для свержения буржуазии; но она (партия), так как хотела большего, чем это было возможно по наличным силам, сделала меньше, чем это было возможно»². События 1923 г. в Германии—исключительно яркий пример того, как, при наличии всех объективных данных, пролетарская революция потерпела поражение в силу слабости субъективного фактора—отсутствия подлинно-большевистской массовой партии пролетариата. В решающий период 1923 года во главе партии оказалось оппортунистическое руководство. Как правильно указал т. Тельман на V конгрессе, события 1923 года показали, что германская партия еще не была большевистской партией. А у брандлеровцев получается, что ничего собственно особенного не произошло, что КПП просто сделала меньше, чем могла, и то только потому, что хотела большего, чем можно было взять.

Отставание от развития революционных событий, громадное запоздание в оценке революционной ситуации, взгляд на социал-демократию как на силу, еще не исчерпавшую свои революционные возможности, готовую решительно бороться с фашизмом, понимание тактики единого фронта как политики длительного блока с социал-демократами для борьбы «со всей беспощадностью» с буржуазией; взгляды на рабочее правительство и на переход от него к диктатуре пролетариата, которые по существу означают ревизию учения Ленина о диктатуре пролетариата, о сущности буржуазной демократии; наряду с оппортунистическим взглядом на революционность социал-демократии—неверие в революционные силы рабочих; капитуляция в конечном счете перед социал-демократией, отказ ради «честного соглашения» с ней от революционной мобилизации масс,—во всем этом мы видим черты, сходные с разобранными нами выше правооппортунистическими платформами 1917 г. и 1919—1930 гг., несмотря на существенные различия, разделяющие эти последние и разобранный брандлеровскую платформу.

* * *

Группа Брандлера внутри ГКП сохранялась ряд лет. При обострении классовой борьбы в стране победоносного строительства социализма, в условиях обострения противоречий капитализма и открывающихся перспектив нового мощного подъема революционной волны в странах капитализма группа Брандлера оказалась вне рядов коммунистического движения. Она превратилась в придаток к социал-демократии, выполняя ее «социальный заказ» по разложению коммунистических рядов. Это теперь—маленькая

¹ «Берихт», стр. 177.

² Там же.

группка, без влияния в массах, открыто выступающая, в частности в проф-союзах, в союзе с социал-демократами против коммунистов. Часть этой группировки уже перешла к социал-демократам, другая, хотя идейно уже «созрела» для такого перехода, еще сохраняет видимость самостоятельного существования, ибо в таком своем качестве «коммунистической оппозиции» они представляют большую ценность для социал-демократии.

В марте текущего года состоялось «интернациональное собеседование» ренегатских групп, как предварительный шаг к созыву «международной конференции». На этом «собеседовании» были приняты тезисы: «принципы и цели международной коммунистической оппозиции»¹. Это документ в своем роде примечательный для идеологии ренегатов, как яркая иллюстрация, к чему в конечном счете приходит правая оппозиция в результате фракционной борьбы с революционной линией Коминтерна.

В тезисах можно найти определенную долю «революционной» фразеологии. Ренегаты—не шутите!—даже считают одной из своих главных задач защиту СССР. Но все это—мишура, неизбежная и необходимая для выполнения социального заказа социал-демократии: оказать разлагающее влияние на революционных рабочих. Но за этой мишурой социал-демократическое нутро выпирает со всей наглядностью.

Исходное положение социал-фашизма—это апология капитализма, «теория» α наступившей новой эре его процветания и восхождения, как обновленного, организованного и т. д. капитализма. И ясно само собой, что анализ мирового хозяйственного положения брандлеровцы начинают с тезиса о *«преодолении послевоенного кризиса капитализма»*. При этом делается немедленно оговорка: «это не значит, что капитализм преодолел свои основные противоречия». Очевидно, что эта оговорка мало меняет существо дела. Если капитализм преодолел кризис, начавшийся мировой империалистической войной (которая сама была результатом общего кризиса капитализма), то отпадает оценка нашей эпохи, как эпохи мировой пролетарской революции. Тогда прав Гильфердинг, утверждающий, что началась целая эра капиталистического процветания.

Второй существенный тезис—«доказательство», что социал-демократию нельзя считать социал-фашистской. «Теория социал-фашизма, будучи основана на ошибочной оценке классовых сил, препятствует действительной борьбе против действительно существующей реакционной, буржуазно-демократической политики социал-демократического руководства; она («теория социал-фашизма») препятствует действительной борьбе против действительного фашизма». Основным характерным моментом эволюции социал-демократии является именно ее перерастание в социал-фашизм,—процесс, протекающий параллельно с фашизацией современного буржуазного государства. «Особой формой фашизма в странах с сильными социал-демократическими партиями является социал-фашизм, который все чаще служит буржуазии как средство парализования активности масс в борьбе против

¹ «Геген ден Штром», № 15 от 12 апреля, стр. 235—236.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ ОТСТАЛЫХ СТРАН

(Окончание)¹

4. МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ И ИХ КРИТИКА

Наш анализ проблемы некапиталистического развития был бы недостаточным и неполным, если бы мы не остановились на рассмотрении и на критике мелкобуржуазных народнических теорий некапиталистического пути развития. С одной стороны, это необходимо для выяснения существенного отличия в постановке этой проблемы народниками и марксистами-ленинцами. Само это сопоставление позволит глубже и полнее выявить марксистско-ленинскую методологию в этом вопросе. С другой стороны, наш разбор мелкобуржуазных теорий некапиталистической эволюции даст нам возможность попутно опровергнуть и отместить спекулятивные, рассчитанные на дешевую демагогию упреки «социалистов» типа Бауэра, будто бы Коминтерн, выдвигая перспективу некапиталистического развития отсталых стран в условиях современной эпохи, лишь повторяет народнические зады. Так, Отто Бауэр на Брюссельском конгрессе С. Р. И. в 1927 г. говорил, что «большевизм возродил народнические теории о некапиталистических путях и применил их к Китаю».

Вот почему,—хотя мы уже касались частично в предыдущей главе народнических представлений в этом вопросе,—все же мы считаем полезным подвергнуть мелкобуржуазные теории некапиталистического развития специальному разбору. Говоря о мелкобуржуазных теориях, мы имеем в виду, в основном, народнические теории, выдвигавшиеся не только в России (в 60-х—80-х годах), но и в несколько видоизмененной форме на Востоке в учении Сун-Ят-Сена и других. Целая плеяда революционной интеллигенции в течение нескольких десятилетий облачала революционную в определенных условиях буржуазно-демократическую программу преобразования этих стран в якобы социалистическую идею некапиталистического их развития. Эти теории были разбиты объективной исторической действительностью, сорвавшей с них покров утопизма и обнажившей их социальную сущность.

¹ См. № 5 (100) «Прол. рев».

Все в меньшей мере коллективное землевладение связывало крестьян солидарными производственными интересами и все в большей мере сохранялось оно лишь как удобная форма грабежа прибавочного труда со стороны государства. Не видя внутреннего дуализма, народники отождествляли с точки зрения обобществления труда общину с фабрикой. Этот вывод вызывал у марксистов наибольшие недоумения, ибо община далеко не представляла собою социалистической формы организации труда. Как раз наоборот—развивавшиеся товарно-капиталистические отношения встречали благоприятную почву в частнособственнической форме организации труда и присвоения в общине.

Само проникновение и развитие капиталистических отношений в общине, когда оно не могло уже отрицаться народниками, рассматривалось ими не как социально-экономический процесс, подверженный определенной исторической закономерности, а как проявление дурных качеств личностей, как результат пагубной политики государства и т. д. Важно еще отметить, что при анализе общины народники брали отношения деревни не во всей их совокупности. Эти отношения в крестьянском хозяйстве они искусственно отрывали от отношений эксплуатации крестьян помещиком; а это по существу было основным и определяющим в системе социально-экономического уклада России того времени. Народники проходили мимо этого. Их экономические теории, таким образом, служили не для обоснования позиции основных классов тогдашнего русского общества, не для понимания характера и направления классовой борьбы, а лишь для защиты своих идеалистических и чисто-утопических мечтаний.

Таков был подход народников к общине, к этому их основному аргументу о подготовленности России к социализму. По сути дела подобным же образом подходили народники к анализу кустарного производства, которое выдавалось ими за «народное производство» в противовес капиталистической фабрике. Социалистические начала в нем народники усматривали в преобладавшей артельной форме организации кустарного производства, в отсутствии отчужденности труда от производителя и в связи его с землей.

Мы не станем распространяться на тему о том, что кустарное производство нельзя было отождествлять с социалистическим, нельзя было устанавливать глубокое принципиальное отличие его от системы капиталистических отношений. Подобно тому, как община бралась народниками вне ее отношения к помещичьему хозяйству, вне связи с историческими процессами и вне влияния на нее капиталистической обстановки, точно так же и кустарные промыслы они рассматривали изолированно от тех отношений, которые связывали их с подрядчиком, с торговцем, ростовщиком, скупщиком и фабрикантом. Ясно, что такое абсолютное игнорирование этих моментов, как и непонимание роста капиталистических отношений внутри самих артелей, могло приводить народников к оценке кустарных промыслов как преграды капитализму, как гранитной опоры социалистических начал в России. Народники подчеркивали удачное соче-

режима фашистской диктатуры»¹. Путь фашизации германской социал-демократии выступает весьма ярко. Устами Вельса она на Магдебургском партийтаге прямо угрожала рабочему классу открытой фашистской диктатурой. Ополчаясь против «теории социал-фашизма», брандлеровцы имеют целью приукрасить социал-демократию, обелить социал-демократического негра в глазах рабочих масс.

Третий существенный момент тезисов—вопрос о работе в профсоюзах. Брандлеровцы выступают против работы партии по организации неорганизованных рабочих. Нельзя создавать комитеты действия, если не иметь за собой большинства организованных в профсоюзы рабочих. Если дело доходит до стачки там, где рабочие не организованы, то коммунисты обязаны «подвести» их к профсоюзам, дабы те могли руководить стачкой неорганизованных. Нужно ли доказывать, что смысл всей этой премудрости—отказ от борьбы с социал-демократами за коммунистическое влияние на рабочие массы. В практике брандлеровцы свою теорию иллюстрируют союзом с социал-демократами в профсоюзах против коммунистов, поддержкой социал-демократической политики исключения революционных элементов из профсоюзов.

Стоит ли приводить еще, что брандлеровцы считают необходимым устранение «фактической монополии ВКП(б)» в руководстве Коминтерном.

Брандлеровцы «тихо и плавно» направляются и вот-вот окончательно пристанут к социал-демократической гавани.

На основании всего изложенного мы можем сделать такой общий вывод в отношении проблемы исторической необходимости, цели и роли субъективного фактора:

а) Марксистско-ленинское понимание исторической необходимости правый оппортунизм ревизует в сторону недооценки значения субъективного фактора. Там, где правый оппортунизм обладает сильными позициями, как это было в Германии в 1923 г., субъективный фактор победы пролетарской революции умалывается, снижается. Организация сил для победы, организация революции выпадает у правого оппортунизма, он не понимает организаторских задач класса, «заведующего» данной исторической необходимостью.

б) Правый оппортунизм не в состоянии выдвигать перед рабочим классом такие цели, которые соответствуют данному конкретному соотношению классовых сил и направляют борьбу пролетариата. Выдвигаемые им цели—это цели, дезорганизующие силы революции, вокруг этих целей нельзя организовать массы, нельзя их мобилизовать. Цели и лозунги правых ведут к поражению рабочего класса и торжеству его классовых врагов.

Я. Бронни

(Окончание в следующем №)

¹ Тезисы, резолюции, постановления X пленума ИККИ, стр. 12.

БОЛЬШЕВИКИ О ГЕРМАНСКОЙ С.-Д. В ПЕРИОД ЕЕ ПРЕДВОЕННОГО КРИЗИСА ¹

Для понимания процессов, происходивших накануне войны в недрах II Интернационала и в его отдельных партиях, чрезвычайно важно установить действительную позицию различных групп и течений, боровшихся внутри международного социализма по основным проблемам рабочего движения того периода, понимание ими происходивших событий и ту тактическую линию, которую намечали они. Но не меньший интерес для историка представляет выяснение и другого вопроса: притяжение и отталкивание различных групп и течений международного социализма, взаимное понимание и отношение их друг к другу. С этой точки зрения перво-степенный интерес для нас представляет проблема левых групп во II Интернационале, так как разрешение ее дает ключ к предистории Коминтерна.

Известно, что германская социал-демократия была долгое время руководящей партией II Интернационала. Вот почему кризис внутри этой партии в период кануна империалистической войны (1910—1914 гг.) был симптоматичным для самого II Интернационала, а отношение к этому кризису внутри партий, к различным боровшимся группировкам, понимание происходивших исторических событий со стороны различных групп и течений международного социализма могут в некоторой степени служить тем оселком, на котором может быть выявлен их подлинный лик. Нам здесь в первую очередь интересует оценка и отношение большевизма к германской социал-демократии в этот критический период ее жизни. Этот вопрос представляет интерес не только с точки зрения межпартийных отношений интернациональных сил внутри II Интернационала. Но прежде чем перейти к основной задаче настоящей статьи, необходимо выяснить, как оценивали внутрипартийный кризис в германской социал-демократии участники движения, его руководители и представители различных борющихся групп.

I

Теперь уже не подлежит сомнению, что германская социал-демократия не была единой на всем протяжении своей истории. Внутрипартий-

¹ Считая ряд положений статьи т. Слущкого спорными и в частности не соглашаясь с автором по вопросу об оценке Лениным международного оппортунизма в довоенный период, редакция печатает настоящую статью в порядке обсуждения. Редакция

тийная борьба в ней особенно обострялась в период 1910—1914 гг. Борьба эта уже не была только спором литераторов. Начиная с Магдебургского партийтага (1910 г.), борьба принимает все более ожесточенный характер, заканчивающийся определенными оргвыводами в отношении к левым (вышибание из «*Neue Zeit*» и «*Leipziger Volkszeitung*» Розы и др., смена неугодных редакторов, отказ печатать статьи Меринга через партийное прессбюро и т. п.). Каждый новый партийтаг вынужден был так или иначе давать ответы на происходившие споры, Магдебург, Иена, Хсмниц, Иена—все это этапы все более и более развертывающихся внутрипартийных боев, сперва по отдельным центральным вопросам движения, потом—почти по всем основным и решающим.

Что германская социал-демократия не была единой, стало общепризнанным. Это вынуждены констатировать и социал-демократические историки. В недавно вышедшей брошюре, посвященной 75-летию Каутского, Реннер, этот изворотливый из изворотливых австро-марксистов, пишет: «Наше изложение показало, что уже до мировой войны немецкая социал-демократия не была единой, что она долгое время делилась на ортодоксальное и ревизионистское направления, пока, наконец, она расчленилась на три фракции: правых, левых и марксистский центр, который был образован Каутским и его ближайшими приверженцами... Программное содержание трех групп было сначала не ново; оно состояло из традиционных представлений, и все тактические противоположности, возникшие ранее, проявились вновь только усиленные, только актуальнее, только в полном разобщении»¹. Но Реннер здесь повторяет только ставшую традиционной схему борьбы направлений в германской социал-демократии. В действительности он в ряде мест своей брошюры вынужден признать, что так называемая «марксистская ортодоксия», противостоящая ревизионизму, также не была едина. На крайнем левом фланге ее стояла Р. Люксембург. Реннер пишет: «на крайней левой уже тогда стояла Р. Люксембург и выражала мнение о необходимости *решать практические вопросы дня, органически связывая их с конечной целью движения*. Классовая борьба должна быть рассматриваема как задача *политической стратегии*; неправильно противопоставлять принцип тактике. Но конечной целью будет революция и завоевание политической власти пролетариатом на пути революции»². Нельзя отказать в проникательности классовому врагу, ретроспективно рассматривающему события. Но характерным в этом замечании Реннера является не только то, что он отмечает политическую позицию Р. Люксембург в борьбе с реформизмом, считая последнюю представительницей подлинно левых элементов внутри германской партии, но и подмечает тот водораздел, который пролегал между

¹ Renner, K. Kautsky. Skizze zur Geschichte der geistigen und politischen Entwicklung d. deutsch. Arbeiterklasse. Berlin, 1929, Verlag Dietz, S. 87.

² Ibidem, S. 55, курсив Реннера.

Люксембург, с одной стороны, Каутским и Бебелем—с другой, в своеобразном блоке, противостоящем Бернштейну.

Этот водораздел происходил не только по линии основного методологического требования марксизма—диалектической связи теории с практикой, принципов с тактикой, подчинения тактики принципам. Если Бебель и К. Либкнехт противопоставляли теории практику³, если Каутский в своих писаниях всегда подчеркивал, что он рассуждает только как теоретик, предоставляя практикой заниматься политикам, то Р. Люксембург и ее единомышленники всегда требовали диалектической увязки теории и практики. Не случайной обмолвкой для Каутского, вынужденного выступить против Бернштейна, было неоднократное заявление о благодарности старому другу за его статьи, «толкающие нас к размышлению»⁴. Не случайным для Каутского было в спорах с Бернштейном допущение следующих посылок. «Единообразие тактики есть единообразие поведения и совершенно не исключает разногласия во мнениях и теоретических воззрениях»⁵; или: «я охотно допускаю, что социализм может получить иное обоснование, чем то, какое дает ему марксизм»⁶. Каутский считал возможным соединение исторического материализма с какой угодно философской теорией⁷. Этот разрыв теории и практики позже привел Каутского к тому, что его теория прямо и неприкрыто была поставлена на службу оппортунистической тактике форштанда.

Для Розы и ее единомышленников на всем протяжении ее борьбы как раз характерно понимание необходимости этой связи, необходимости диалектического подчинения практики теории. Вместе с Парвусом она во время бернштейниады одна из первых поняла, что именно с этого пункта ревизионисты наносят удар по всему целостному учению Маркса. Вот почему она одна из первых ополчилась против Бернштейна серией своих статей, где поставила вопрос «быть или не быть» революционной социал-демократии. На Штутгартском партийтаге (1898 г.) в спорах о тактике она говорила: «Я утверждаю, что для нас, как партии революционной и пролетарской, не существует более практического вопроса, чем вопрос о конечной цели»⁸. От этой постановки вопроса Роза и ее сторонники не отходят никогда. И в спорах с Шиппелем и Гейне, и в спорах с баденцами и другими оппортунистами левые всякий

³ На Эрфуртском партийтаге В. Либкнехт в своем докладе о программе сформулировал это следующим образом: «Теория и практика — две разные вещи, и поскольку я доверял в теории Марксу, настолько я шел собственным путем в практике «Protokoll d. Parteitages in Erfurt», S. 327.

⁴ Protokoll d. Partei. in Stuttgart.

⁵ К. Каутский, Антибернштейн, Гиз, 1922 г., стр. 8, курсив Каутского.

⁶ Ibidem, стр. 154.

⁷ См. Письмо Каутского к Плеханову от 22/V 1898 г., в «Kampf» 1925, I или сб. «Группа «Освобождение труда» № 5, а также ответ Каутского Бендианидзе от 26/III 1909 г., напечатанный в «Kampf», № 10, 1909 г., S. 451—452 или «Возрождение» № 9 за 1909 г. «Карл Каутский о Марксе и Махе», стр. 78—80.

⁸ Protokoll d. Partei. in Stuttgart.

раз вынуждены возвращаться к этому вопросу. К. Цеткин на Любекском партийном собрании в спорах по вопросу о голосовании бюджета вновь сформулировала это таким образом: «Принципы и тактика, с моей точки зрения, не суть нечто такое, между чем лежит глубокая, непроходимая бездна. Наши принципы не витают где-то высоко в облаках теории, в то время как здесь, на земле фактов, стоит одна только тактика. Наша тактика диктуется и обуславливается нашими принципами. Наша тактика не есть нечто такое, что дает нам возможность увернуться от необходимости применения своих принципов и в любую минуту выбросить их за борт под более или менее благовидным предлогом. Нет, наша тактика есть совокупность наиболее целесообразных средств для осуществления и приведения в жизнь наших принципов»⁹.

О ведущей роли революционной теории не раз высказывалась Р. Люксембург. Правда, мы не найдем у нее и ее соратников критического отношения по этому вопросу к Каутскому и Бебелю в период борьбы с бернштейнианством, когда она выступала их союзником и острее своей борьбы должна была направлять на явных ревизионистов. Но уже в тот период, когда начала выясняться с достаточной очевидностью вся реакционная и тормозящая движение роль теории Каутского, Р. Люксембург вновь с заостренностью ставит эту проблему. По существу первый тур ее полемики с Каутским в 1910 г. о массовой стачке сводится к уяснению этой проблемы. В своих статьях периода 1910—1912 гг. она вновь повторяет марксистское положение о роли революционной теории и в рабочем движении. Но с особенной заостренностью она возвращается к этому вопросу в 1913 г. в статье «Das Offiziosentum der Theorie», где характеризует роль каутскианской «теории». Она пишет: «Это такое употребление теории, которое ничего общего не имеет с духом марксизма. Далеко от духа марксизма такое теоретическое познание, которое плетется позади практики и которое для всего совершаемого и поощряемого «верховными властями» социал-демократии стряпает успокоительную кашу вместо того, чтобы предшествовать ведущему действию масс, чтобы подстрекать партию к постоянной самокритике, открывая недостатки и слабости движения, указывать новые пути и далекие горизонты, которые невидимы за низинами мелкой работы»¹⁰.

Но не только по линии этой методологической проблемы марксизма было отличие позиции Розы и ее единомышленников от Каутского, Бебеля и других. Она отмечается и в главных пунктах марксистской теории: в вопросах революции и парламентаризма. Если для Бебеля проблема революционного захвата власти пролетариатом в духе Маркса и Энгельса в этот период уже не существовала¹¹, если Каутский еще стоял на своей старой позиции, развитой им в комментариях к Эрфурт-

⁹ Protokoll des Parteitages in Lubek, S. 279.

¹⁰ «Neue Zeit», 31—II, S. 341, или R. Luxemburg, Gesammelte Werke, B. IV, S. 667.

¹¹ Мы не имеем возможности здесь заниматься этим вопросом. См. на эту тему ст. Ривлина, «Под знаменем революции», 1929 г., № 4.

ской программе и в ряде статей 1893 г. (в частности в статье «Ein Sozialdemokratischer Katechismus», написанной в 1893 г.)¹² и сформулированной позже как «ни революция во что бы то ни стало, ни законность во что бы то ни стало»¹³, то для Розы и в этот период не существовало альтернативной постановки проблемы революции. В брошюре «Социальная реформа или революция», вышедшей первым изданием в 1900 г., она писала: «Эту стену (между капиталистическим и социалистическим обществом.—А. С.) нельзя пробить ни развитием социальных реформ, ни демократией,—она, наоборот, становится более несокрушимой. Единственное, что может ее разрушить,—это удар молота революции, т. е. *завоевание пролетариатом политической власти*»¹⁴. При этом Р. Люксембург понимала и революцию и завоевание пролетариатом политической власти, конечно, не в том смысле, как это понимали В. Либкнехт и А. Бебель или К. Каутский, а так, как это вытекало из взглядов Маркса и Энгельса. Во всяком случае она была ближе к революционному марксизму, чем все остальные представители германской социал-демократии.

Еще в 1902 г. в дружеском письме к Плеханову Каутский, выражая тить у Каутского уже в тот период, если как раз на этой ~~ноше~~ Каутский сдавал Бернштейну свои позиции, то Роза свободна от этих фетишей мелкобуржуазного мышления. Она знала цену буржуазной демократии, в особенности в эпоху империализма. Недаром она писала в цитированной уже нами брошюре: «Демократия необходима не потому, что она делает *излишним* завоевание политической власти пролетариатом, а, наоборот, потому, что она делает этот захват власти настолько же *необходимым*, насколько и единственно возможным». И дальше следуют строки, направленные как будто бы специально против всех извратителей и ополчителей марксизма: «Когда Энгельс в своем предисловии к «Борьбе классов во Франции» подверг пересмотру тактику современного рабочего движения и противопоставлял баррикадам законодательскую борьбу, то он имел в виду не вопрос об окончательном завоевании политической власти, как это ясно из каждой строки предисловия»¹⁵, а вопрос современной, повседневной борьбы, не тактику пролетариата по отношению к капиталистическому государству в момент захвата политической власти, а тактику в рамках капиталистического государства. Одним словом, Энгельс указывал путь *порабощенному* пролетариату, а не победоносному... В самой необходимости захвата политической власти пролетариатом ни Маркс, ни Энгельс никогда не сомневались. Только *Берн-*

¹² «Neue Zeit», 12—I, № 12 и 13.

¹³ «Путь к власти», Гиз, 1923 г., стр. 40.

¹⁴ Р. Люксембург, Против реформизма, Избр. соч., т. I, ч. I, стр. 69. Курсив Р. Люксембург.

¹⁵ Надо иметь в виду, что Р. Люксембург имела дело с фальсифицированным форштадом предисловием Энгельса. Подлинный текст был восстановлен Д. Рязановым только в 1924 г. и опубликован в I т. «Архива Маркса и Энгельса». Только правильное понимание духа марксизма позволяло Р. Люксембург так толковать предисловие Энгельса.

штейн додумался до того, чтобы считать курятник буржуазного парламентаризма тем самым органом, которому суждено осуществить грандиознейший, всемирно исторический переворот: перевести общество от капиталистических форм к социалистическим»¹⁶.

Наконец, нельзя не отметить различного отношения Каутского и Розы к бернштейнианству, понимания ими социальных корней его, действительной угрозы и опасности ревизионизма для партии. Здесь характерным является не только то, что Каутский под напором извне (Плеханова и др.) с неохотой вступает в дискуссию, всячески щадя своего старого друга¹⁷, не только то, что он попрежнему считает его товарищем по партии и продолжает благодарить его за выступление¹⁸. Самым существенным во всем этом является непонимание всей серьезности угрозы ревизионизма для революционной партии, связи бернштейнианства с теми объективными опасностями разложения и перерождения партии, которые наметились как реальная тенденция. Вот почему Каутский рассматривает ревизионизм как незначительный кризис в теоретической области, кризис, легко преходящий и не затрагивающий «практического марксизма».

Еще в 1902 г. в дружеском письме к Плеханову Каутский, выражая свое удовлетворение партии по поводу «моральной победы» над Бернштейном на Мюнхенском съезде, пишет: «Сам Бернштейн играл жалкую роль. Национал-социалистический священник Науман уже отказывается от него. Он пишет в своей газете («Die Zeit») приблизительно следующее. Теоретический ревизионизм умер. Жизнеспособен практический ревизионизм, который стремится при помощи писем и статей контрабандой проводить свои идеи в партии. Итак, бернштейнианство из пересмотра теории становится интригой нескольких выскочек». «Это,—делает заключение Каутский,—очень правильное определение настоящего положения ревизионизма в Германии. Я был бы счастлив, если бы о России и Франции можно было сказать то же»¹⁹. Вот почему в своей статье от 1903 г. «Три кризиса марксизма», посвященной подведению итогов долгого периода борьбы с ревизионизмом, Каутский пишет: «Ревизионизм так же мало мог теоретически поколебать марксизм, как и оппортунизм практически. Он положил только конец модному марксизму, но об этом мы не будем проливать

¹⁶ Р. Люксембург, Избр. соч., т. I, ч. I, стр. 98—99. Курсив автора.

¹⁷ См. Письмо Каутского к Плеханову, опубликованное в «Kampf'e» 1925, № 1, а также переписку Каутского с Плехановым, опубликованную в сборниках 5 и 6 «Группы «Освобождение труда»».

¹⁸ Любопытно отметить, что в Штутгарте Каутский призвал благодарить Бернштейна за его статьи, а в Ганновере заявил следующее: «Я не хочу зря выступать против Бернштейна. Я полагаю, что выражу всеобщее мнение, если скажу, что мы все еще считаем Бернштейна товарищем, который на протяжении десятков лет боролся с нами (общее одобрение). Против него нужно выступать, если он высказывает взгляды, могущие ввести партию в заблуждение, но причинять ему боль там, где это не нужно, излишне. Если же я в ходе моего изложения все же вернусь к Бернштейну, то не для того, чтобы возражать ему, а лишь для того, чтобы защитить его от защиты, с которой выступил Давид и Вельтман».

¹⁹ Сб. «Группа «Освобождение труда» № 5, стр. 263.

слез»²⁰. Или еще: «Прежние кризисы марксизма были следствием больших практических поражений; они касались гораздо больше практического движения, чем теоретического. Последний же кризис возник, напротив, среди полного победоносного шествия практического марксизма. У него не было никакого внешнего повода, если не считать смерти и второго из отцов марксизма»²¹. Это поверхностное, чисто внешнее понимание ревизионизма приводит Каутского к тому, что он в 1912 г. заявляет о ревизионизме как об умершем течении. В следующем году в статьях, написанных перед Иенским партийным съездом, он вновь развивает это положение. Он пишет: «Уже в прошлом году перед Хемницким партийным съездом, мы могли констатировать, что демаркационная линия двух крыльев, которую повлек за собой ревизионизм, становится все более незначительной. Ревизионизм скоро совершенно будет принадлежать прошлому»²².

В понимании как природы, так и опасности ревизионизма Р. Люксембург на голову выше Каутского. Стоит только сравнить постановку проблем Каутским хотя бы в его статье «Три кризиса марксизма» с тем местом работ Розы из «Социальной реформы или революции» или «Всеобщей стачки и немецкой социал-демократии», которые посвящены непосредственно выяснению этого вопроса, чтобы прийти к этому выводу²³.

Нам кажется совершенно достаточным бегло и схематично отметить только эти черты в позиции Р. Люксембург и ее сторонников уже в период борьбы с бернштейнианством (1898—1903 гг.), чтобы увидеть различие в исходных моментах различных групп внутри так называемой «марксистской ортодоксии». Р. Люксембург со своими сторонниками в этот период действительно стояла на левом фланге антибернштейнианцев. На значительном этапе развития германской партии она находилась в блоке со всеми другими направлениями, противостоящими ревизионизму. Борьба с ревизионизмом, как с главной опасностью на этом этапе развития партии, на время затушевывала разногласия внутри так называемой «марксистской ортодоксии» и выдвигала на передний план то, что объединяло все борющиеся силы против ревизионизма. Вот почему на первый взгляд кажется, что так называемая «марксистская ортодоксия» едина. На самом деле направления, противостоявшие ревизионизму, не только били его по-разному, не только отличались друг от друга силой удара и его интенсивностью, но и характером самого удара.

Но даже и в этот период кажущегося единства Р. Люксембург считает возможным выступить не только против Бернштейна и его компании, но и против руководства партии, когда она считает политику партии недо-

---

²⁰ К. Каутский, «Три кризиса марксизма», сб. «Очередные проблемы международного социализма», 1918 г., стр. 20.

²¹ Ibidem, стр. 19.

²² Kautsky, «Nachgedanken zu den nachdenklichen Betrachtungen» «Neue Zeit», 1913. В. II, № 41, S. 582.

²³ См. подробнее по этому вопросу брошюру т. Альтера «Р. Люксембург в борьбе с реформизмом».

статочно отвечающей требованиям дня. Подстегивание Правления партии и Бебеля со стороны подлинных левых и в первую очередь со стороны Р. Люксембург можно отметить неоднократно уже в этот период. Напомним хотя бы выступление Р. Люксембург на Майнцком партийтаге по докладу Зингера или на Мангеймском партийтаге.

В этих выступлениях еще нет единой продуманной линии. Но все это создает предпосылки для того, чтобы в новых условиях на новом этапе развития партии из этих отдельных, порой разрозненных позиций выросло и развивалось *целое направление*. Это случилось в период после подъема немецкого рабочего движения, в условиях роста внутренних и внешних противоречий, сложившихся уже в основных чертах германского и международного империализмов, в период борьбы за реформу избирательного права в Пруссии.

Когда новая обстановка борьбы по-новому поставила ряд коренных вопросов рабочего движения и привела к перегруппировке внутрипартийных сил, разногласия внутри так называемой «марксистской ортодоксии» должны были неминуемо встать со всей своей остротой. Недаром одни из участников этого антибернштейнманского блока, К. Каутский, должен был констатировать, этот факт еще в 1913 г. в одной своей статье, опубликованной в «Neue Zeit». Он писал: «В действительности между ревизионистами, как и между марксистами всегда существовали различные практические тенденции. Эти разногласия не имели значения, пока вопросы ревизионизма стояли на переднем плане. Общее нерасположение к марксизму спаяло ревизионистов—приверженцев свободной торговли и протекционистов, защитников разоружения и морской политики, друзей либерализма и тех, кто презирает его, в фалангу, против которой спланивались и все марксисты. *Распад фаланги здесь содействовал также распаду фаланги там*»²⁴.

Этот процесс распада «марксистской фаланги», начавший ясно обнаруживаться с Магдебургского партийтага, соприкасался двумя явлениями, проходившими внутри этой фаланги; с одной стороны, перерождением и переходом руководящего кадра партии на позиции ревизионизма и, с другой, кристаллизацией и выделением оформляющегося левого крыла. Уже к Магдебургскому съезду этот процесс зашел довольно далеко, но с особенной силой он обнаружился в Иене и Хемнице. Поэтому не бахвальством звучат заявления Каутского из только что цитированной статьи, когда он пишет: «В последние годы практика сделалась в нашей партии более единой, чем она была ранее. Единство практики между югом и севером, между союзами и партией, точно так же, как и единство внутри фракции рейхстага по важнейшим вопросам сегодня значительно больше, чем раньше»²⁵. Здесь, конечно, надо иметь в виду руководящую поли-

²⁴ К. Kautsky, «Nachgedanken zu den nachdenklichen Betrachtungen», «Neue Zeit», 1913 г. II, № 41, S. 533. Курсив наш.

²⁵ Ibidem, S. 533.

тику, ибо только о ней идет речь. Это «единство» происходило на основе консолидации правых и «центра» внутри партии по основным вопросам партийной политики. И характерным в этом отношении является то, что застрельщиком борьбы против левых в этот период выступает не кто иной, как центр партии. Бебель и Каутский возглавляют кампанию. Эберт и Шейдеман только повторяют аргументы общепризнанных вождей. Несмотря на существование по некоторым вопросам «теоретических» разногласий ревизионизма с центром (главным образом по вопросам внешней политики), ревизионисты голосуют на партийтаге за резолюции ферштанда. Ревизионисты и Бернштейн поддерживают правление не только в Иене, по вопросам массовой стачки и налоговой политики, но и на Хемницком партийтаге по вопросам империализма.

Особенно активную роль играет в этот период Каутский. Если во время бернштейниады его нужно было тащить на аркане в дискуссию, если он вступал тогда в драку «с большой неохотой», как он сам рассказал об этом впоследствии ²⁶, то теперь он ринулся в бой без какого бы то ни было нажима на него извне. «С 1910 г. большинство каждого партийтага,— пишет Каутский,—повернулось также против мятежного нетерпения, против крайних левых. Это теперь становится правилом. Наоборот, имеют уже место партийтаги, которые не дают никакого основания к выступлению против правой. Таковы последние иенские партийтаги 1911 и 1913 гг.» ²⁷. И Каутский выполнял социальный заказ своей большой литературной продукцией, выступая всей тяжестью против так называемых «левых радикалов», как их стали называть. Чрезвычайно характерно, что Шейдеман, докладчик ферштанда на Иенском партийтаге, все свое выступление построил на атаке против левых и, в первую очередь, Р. Люксембург. При этом он повторял целиком и полностью всю аргументацию Каутского ²⁸. Сам Шейдеман заявлял об этом на партийтаге в заключительном слове. «Говорят, что я вел борьбу против придир. Конечно я вел борьбу, но не вообще против придир в партии,—для этого бы нехватало времени одного партийтага,—но против придир, которые явно несправедливо отнеслись к партийферштанду и партии, которые хотят отклониться от тактики, которую мы соблюдаем в продолжение 40 лет с блестящими успехами» (оживленное согласие. Возгласы: Надо еще имена). И Шейдеман продолжает: «Я охотно готов на это. *Это специально направлено против Розы Люксембург.* (Очень хорошо!) То, что я хотел сказать, было достаточно ясно и отчетливо. Я думал о Р. Люксембург, которая поучает весь свет и тем причиняет партии уже значительные трудности» ²⁹.

Важно отметить, что этот поворот фронта со стороны центра понимают и отмечают не только его представители, руководители партийных

²⁶ Kautsky, «Die Volkswirtschaftslehre der Gegenwart in Selbstdarstellung», S. 18—19.

²⁷ Kautsky, «Der proletarische Massenstreik» S. 247.

²⁸ Ср. Protok. d. Parteit. zu Jena, 1913, доклад и заключительное слово Шейдемана и статью Каутского «Neue Zeit». 1913, В. II, № 41 и 42.

²⁹ Protok. d. Parteit. zu Jena, 1913, S. 328.

учреждений, и Каутский. Не менее ясно понимают это и левые. Паннекук в серии статей 1912 г., помещенных в «Neue Zeit», пишет: «Империализм и массовое действие составляют новые явления, значение и сущность которых могут быть лишь постепенно поняты и преодолены. Это возможно только путем партийной полемики... Она произвела переворот в мыслях и чувствах, вызвала новую ориентацию умов, которая идет гораздо дальше противоположности между радикализмом и ревизионизмом, проистекающим из парламентской тактики борьбы... Она разделяет временно или надолго тех, которые до сих пор были тесно связаны общей борьбой и не сознавали никаких разногласий»³⁰. В статье того же автора, помещенной в «Neue Zeit» через несколько месяцев спустя и являющейся продолжением дискуссии с Каутским, но уже на новой стадии, Паннекук отмечает раскол внутри радикального крыла партии и перечисляет вопросы, разделяющие его на два направления³¹. Отмечают этот поворот Форштанда и Каутского и другие представители левого радикализма—Радек, Ленш³². Но с особенной четкостью рисует положение Роза Люксембург в своей статье: «Nach dem Jenaer Parteitag», написанной в 1913 г. для «Leipziger Volkszeitung», в статье, так и не увидевшей света до 1927 г., когда она была опубликована в «Die Internationale». «Партейфорштант, который в течение многих лет под руководством Бебеля боролся против правых, принял теперь поддержку правых для защиты консерватизма против левых. Наконец, и научный журнал «Neue Zeit» с 1910 г. вместе с партийным Правлением сделал этот поворот фронта. В последнее время в кругах его друзей пользовались излюбленным выражением «марксистского центра». Точнее говоря, этот мнимый «марксистский центр» существует для теоретических выражений современной политической функции болота. Опираясь на болото, в союзе с правыми, партийное Правление и большинство фракции одержало победу на Иенском партейтаге в решительных вопросах»³³.

Это новое размежевание внутрипартийных сил, начавшись расхождением по определенному вопросу тактики в борьбе за избирательное право в Пруссии (дискуссия Р. Люксембург с Каутским), скоро развернулось в расхождение не только по вопросам тактики сегодняшнего дня, но и генеральной линии партии. А это расхождение вытекало из различной оценки положения и коренилось в различии теоретических исходных пунктов и методов познания действительности. Совершенно закономерным явлением поэтому было направление споров от частных вопросов тактики

³⁰ Pannekök, Massenaktion und Revolution. «Neue Zeit», 1912, № 41—II, S. 542.

³¹ Marxistische Theorie und revolutionäre Taktik, «Neue Zeit» 1912, B. I, № 8. См. также статьи Паннекука в «Leipziger Volkszeitung», 9, 10, 11 September 1912, и в «Bremer Bürgerzeitung», 10, 11, 12 September 1912.

³² См. статьи Ленша в «Neue Zeit»: «Miliz und Abrüstung», 1912, 47—II. «Eine Improvisation» 1912, 35—II, серию статей Радека об империализме и разоружении в «N. Z.», перепечатанных в книге «Германская революция», т. I.

³³ «Die Internationale», 1927, № 5, S. 152—153.

к общим проблемам теории и методологии марксизма. Скоро для борющихся сторон стало ясно, что по существу спор идет не о частностях, не о темпе движения или возможности или невозможности применять новую тактику массовых действий, но что он *коренится гораздо глубже и вытекает из различного понимания основных проблем рабочего движения*. Но по существу это был спор *двух мировоззрений, двух линий поведения* пока еще в рамках одной партии.

Центристская природа позиции Каутского и всех, кого он прикрывает своей теорией, маскировала ее истинную природу. Если в начале споров Каутского с Розой могло казаться, что они стоят на одной и той же принципиальной позиции, на общей почве марксизма, исходят из одних и тех же положений и спорят только о сроках применения революционных методов борьбы, то теперь не подлежит сомнению, что это был спор *двух направлений*. Впрочем, для левых радикалов это было ясно уже тогда, когда дискуссия от частных вопросов тактики в борьбе за избирательное право и предвыборных соглашений перешла в плоскость общих и коренных вопросов теории пролетарской революции, отношения к буржуазному государству, к пониманию империализма. И здесь обнаруживается, что позиция Розы и других левых этого периода была логическим продолжением позиции, занятой ими в борьбе с бернштейнианством, когда Люксембург защищала тезис, что: «*оппозиция против преждевременного захвата власти есть не что иное, как оппозиция против стремления пролетариата к завоеванию политической власти вообще*»³⁴, как она защищала положение о примате революции над реформой, о единственно возможном пути к социализму через социальную революцию, когда она вслед за Энгельсом зло высмеивала формальные стороны демократии и видела классовую природу современного государства и ограниченность парламентской системы. В спорах с Каутским о «массовых действиях» и новой тактике она только дальше развивала свою точку зрения на парламентаризм, высказанную ею еще в ранний период и продолженную в выступлениях о всеобщей стачке в период 1905—1906 гг.³⁵ Здесь можно установить одну линию развития. Точно так же Паннекук в понимании процесса социальной революции, которое он развивал в спорах с Каутским в 1912 г.³⁶ в статьях в «*Neue Zeit*», «*Leipziger Volkszeitung*» и «*Bremer Bürger Zeitung*», он, повторяя по существу постановку проблемы Р. Люксембург периода 1898—1900 гг. о длительности процесса социальной революции как целой эпохи побед и поражений пролетариата, которые сами входят как фактор, создающий политические условия для окончательной победы³⁷. И здесь можно отметить

³⁴ Р. Люксембург, Избр. соч., т. I, ч. 1, стр. 101.

³⁵ Ср. «Социальная революция или реформа», «Всеобщая стачка и германская социал-демократия» и статьи Розы по вопросу о массовых действиях и новой тактике периода 1910—1913 гг., собранные в IV томе «*Gesammelte Werke*».

³⁶ «*Massenaktion und Revolution*», «*Neue Zeit*», 1912, № 41—II, «*Marxistische Theorie und revolutionäre Taktik*», «*Neue Zeit*», 1912, № 8—I.

³⁷ См. «Социальная революция или реформа», Избр. соч., т. I, ч. 1, стр. 100—103.

вновь, что аргументировка левых против Каутского, защитника «старой испытанной тактики», напоминает аргументировку Розы против Берштейна: «отказ ревизионистов от всяких революционных массовых действий и отсрочка их до неопределенного времени у Каутского есть по существу одна и та же позиция, позиция отказа от социальной революции»³⁸.

Если теоретическая и тактическая позиция левых радикалов в борьбе 1910—1914 гг. была дальнейшим развитием их старых исходных положений, то Каутский в этот период целиком и полностью перешел с позиции двух возможных перспектив разрешения коренной социальной проблемы (революционной или реформистского) на позицию единственно для него возможной перспективы—парламентаризма. Это выявилось уже в спорах о массовых действиях, но с особенной силой это стало очевидно в дискуссии о социальной революции и государстве³⁹.

Но споры о путях развития рабочего движения и его тактике в эпоху империализма упирались в конечном счете в понимание сущности марксизма, в его методологию. Вот почему левые радикалы вынуждены были чтобы вскрыть истинный характер марксизма Каутского и его сторонников, поставить на обсуждение такие основные проблемы, как вопрос о природе монополистического капитализма, путях его развития и его преодоления, как проблемы пролетарских требований в условиях империализма. Необходимо при этом отметить, что какой бы вопрос ни всплывал в этот период в центр внимания борющихся сторон,—будь то вопрос о новой тактике, о парламентаризме, о всеобщей стачке или массовых действиях, об избирательных блоках или о кредитах буржуазному государству, вопрос о разоружениях и ограничении вооружений, о Соединенных штатах Европы или народной милиции,—все они были теснейшим образом связаны с пониманием основной проблемы—проблемы империализма. Эту связь прекрасно понимали участники споров, и мы неоднократно в их выступлениях найдем указания по этому поводу⁴⁰.

Хотя левые радикалы и не дали единой и законченной марксистской теории империализма, все же не подлежит сомнению, огромная историческая заслуга их, заключающаяся в том, что они впервые попытались беспощадной и абстрактной спекуляции Каутского противопоставить марксистское понимание империализма. Основной тезис, который защищали все левые радикалы, заключался в том, чтобы доказать, исходя из марксистского

³⁸ Pannekök, «Marxistische Theorie und revolutionäre Taktik», «Neue Zeit», B. I, 1912, № 8 и 10.

³⁹ Kautsky, «Neue Zeit», 1912, № 46, «Der Jüngste Radikalismus», «Neue Zeit», 1912, № 12—1.

⁴⁰ См. хотя бы Радек, «Пути и средства борьбы с империализмом», «Neue Zeit», 1912 г., указанные уже статьи Паннекука, а также его «Das Wesen unserer Gegenwartsforderungen», «Neue Zeit», 1912, № 48—II, «Deckungsfrage und Imperialismus», «Neue Zeit», 1913, № 4—I, «Der Streit um die Deckungsfrage», «Neue Zeit», 1913, № 48—II, статьи Lensch'a, «Die neue Wehrvorlagen», «Neue Zeit», 1912, № 29—II, «Eine Improvisation», «Neue Zeit», 1912, № 35—II, «Militz und Abrüstung», «Neue Zeit», 1912, № 47—II.

понимания законов развития капиталистического общества, закономерность и историческую обусловленность империализма. Империализм, как закономерная и неизбежная и единственно возможная фаза развития капиталистического общества, при этом последняя фаза его развития,— вот вывод, к которому приходили левые радикалы в своих теоретических изысканиях, противопоставляя этот вывод каутскианскому пониманию империализма, как испорченному, «дурному» капитализму, развитие которого может пойти и по другому пути. Этот теоретический вывод открывал целую систему *иной политики*, был исходным моментом *иной тактики*, отличной от политики и тактики центризма. Ибо «попытка научно-теоретического обоснования необходимости краха капитализма и неизбежности социализма»⁴¹ неминуемо вела к иной политике, чем теоретическое представление о живучести капиталистической системы и возможности ее еще большего развития в фазе ультраимпериализма, которую предсказывал Каутский. Это сугубо политическое значение теории империализма прекрасно понимали представители левых радикалов⁴².

Мы здесь не имеем возможности остановиться на основных теоретических посылах и выводах из теории империализма левых радикалов и центризма. Для нас в данной связи важно отметить только, что в процессе борьбы с Каутским и его сторонниками левые радикалы уже в 1911—1913 гг. приходят к пониманию *антимарксистской сущности каутскианства: они борются не только с практическими и политическими выводами из его посылок, разоблачая их мелкобуржуазную сущность, но и против его методологии.*

Паннекук после дискуссии с Каутским в 1911—1912 гг. по вопросам

⁴¹ Так характеризовал Меринг работу Розы об империализме. См. его отзыв на книгу «Накопление капитала», появившийся в «Leipziger Volkszeitung» в 1913 г. от 16, 17 и 18 января.

⁴² В предисловии к «Накоплению капитала» Роза писала: «Моя работа помимо теоретического интереса, как мне кажется, должна иметь и некоторое значение для нашей практической борьбы с империализмом». В работе, написанной ею уже во время войны (1915 г.), «Накопление капитала или что эпигоны сделали из теории Маркса», являющейся ответом ее социал-демократическим критикам, она еще сильнее подчеркивает этот вывод. Роза пишет: «Между пониманием, способом рассмотрения теоретических проблем, с одной стороны, и практикой политических партий, с другой, если брать более продолжительный период, всегда существует теснейшая связь. В десятилетие, предшествовавшее возникновению мировой войны, в германской социал-демократии, этой метрополии Интернационала и духовной жизни пролетариата, во всеобщем упадке, как в области теоретической, так и области практической, обнаружилась полная гармония: и тут и там чувствовалась та же беспомощность и то же окостенение, и не что иное, как тот же империализм в качестве явления, безраздельно господствующего над всей общественной жизнью... Безжизненной рутин, которая умела двигаться только по рельсам «старой испытанной тактики», не знавшей ничего, кроме парламентаризма, соответствовали теоретические эпигоны, которые цеплялись за формулу учителя, отрицая живой дух его учения... Но связь с практикой была еще ощутительнее, чем это могло показаться с первого взгляда. Речь идет о двух разных способах преодоления империализма». «Накопление капитала», Гиз, изд. 3-е, перевод под редакцией Дволайцкого, стр. 660—661.

массовых действий и революции приходит к следующему выводу о «марксизме» Каутского: «Каутский обвиняет меня, что мой метод—«упрощенный марксизм», я заявляю ему, что его собственный—ни упрощенный, ни сложный, но и вообще не марксистский»⁴³.

К. Радек в серии своих статей об империализме в период 1911—1912 г., которые публиковались в «Leipziger Volkszeitung», «Bremer Bürgerzeitung», «Neue Zeit», считает необходимым начинать критику и пересмотр «каутскианского понимания империализма» с его метода. В статье «Пути и средства борьбы с империализмом», помещенной накануне Хемницкого партийного съезда в «Bremer Bürgerzeitung» (Beilage)⁴⁴, Радек характеризует метод Каутского как «беспочвенную спекуляцию». Он пишет: «Разница в наших пониманиях империализма оказывается *результатом различного применения марксистского метода изучения. Нам этот метод служит для изучения действительно имевших место процессов и для установления их тенденций. Товарищу же Каутскому он служит только трамплином для прыжков в воздух и средством для вариаций на интересную тему: а могло бы быть и лучше, и что было бы, если бы так и было*»⁴⁵.

Мы выше уже видели, как Роза Люксембург, подводя итоги теоретическим спорам с Каутским, характеризовала «официальную теорию» централизма⁴⁶.

Ставя в связь застой и разложение, наблюдавшиеся в партии в этот период, со всей системой политики форштанда, теоретическое оправдание которому давал Каутский, левые радикалы считали своей первейшей обязанностью борьбу и разоблачение каутскианства в теории. Это положение было ясно для них, начиная с Магдебургского партийного съезда.

В отличие от Каутского, левые радикалы ни на минуту не упускали из виду ревизионистской опасности в партии. Но в период после Магдебургского съезда в центре их внимания встала борьба с *каутскианством*. Это, конечно, не означало притупление борьбы с ревизионизмом. Кольбу, Шиппелю, Гейне, Франку и другим ревизионистам, а в особенности тупым и ограниченным профессионалистами, попадало теперь не меньше, чем и раньше. Но, выражаясь современным языком, *главную опасность левые радикалы видели в централизме*, представленном руководством партии и Каутским, сползающим к ревизионизму. Вот почему почти в каждой полемике с Каутским они считали необходимым противопоставлять старого Каутского новому, переродившемуся Каутскому. Это конечно не означало, что левые радикалы солидаризировались во всем со старым Каутским, что по существу они стояли на прежних позициях. Такое утверждение с действительным положением дел ничего общего не

⁴³ Pannekök, «Marxistische Theorie und revolutionäre Taktik», «Neue Zeit», 1912, № 8—1.

⁴⁴ К. Радек, Германская революция, Гиз, т. I, стр. 166—198.

⁴⁵ Ibidem, стр. 175, курсив К. Радека.

⁴⁶ «Neue Zeit», 1913 г. № 31—II или «Gesammelte Werke», B. IV, S. 667 «Das Offiziosentum der Theorie».

имеет. Верно лишь то, что левые радикалы в борьбе с новым Каутским по тактическим соображениям вынуждены были прибегать к старому Каутскому, сопоставляя их. Но даже ссылаясь на старого Каутского, они брали у него не все, а только то, с чем они могли солидаризироваться.

Каутскианская опасность, опасность «официозного марксизма», которая надвинулась на партию, стала *главной опасностью* для левых радикалов. Вот почему основное внимание в этот период в своих спорах в печати, на собраниях, на партийтагах они уделяют ей. Но с особенной ясностью формулирует эту тактическую линию Роза Люксембург в своей статье «Nach dem Jenaer Parteitag». Отмечая в партии острую борьбу групп (правых, левых, «болото», или «центр») и победу на Иенском партийтаге партийфорштанда, «опиравшегося на болото, в союзе с правыми», Р. Люксембург дает такую установку: «Чем яснее мы видим вещи, тем энергичнее, сознательнее и радостнее можно будет дальше бороться. Ближайшей задачей, которая вытекает из Иенского партийтага, является *систематическое наступление против «болота», т. е. против духовного консерватизма партии*»⁴⁷. Об этом же свидетельствует переписка Карского (Мархлевского) с редактором «Leipziger Volkszeitung» Гансом Блоком⁴⁸.

Мы здесь не имеем возможности остановиться на выяснении этапов этой борьбы и тех методов, к которым считали необходимым прибегать левые радикалы. Это завело бы нас в сторону от основной темы настоящей статьи. Отметим только, что здесь больше, чем в других областях, обнаружилось *непоследовательность и колебания* левого радикализма, который до войны еще целиком находился во власти теории стихийности, развитой Розой.

Теперь мы можем подвести некоторые итоги. Левые радикалы во главе с Р. Люксембург в процессе борьбы с партийфорштандом и прежде всего с его теоретиком Каутским уже до знаменитого голосования 4 августа ясно видели и сознавали всю глубину кризиса, в который вступила германская партия. Наиболее заостренно это формулирует Карский в своем письме к Г. Блоку от 6/X 1913 г. Он пишет: «Мы трое (Меринг, Роза, Карский) придерживаемся того мнения, что *партия переживает внутренний кризис, во много-много раз более тяжелый, нежели в то время, когда возник ревизионизм*. Быть может, это жестоко сказано, однако мое убеждение таково, что *партии угрожает опасность впасть в маразм, если так дальше будет продолжаться*. При таком положении для революционной партии имеется только одно спасение: *возможно более заостренная беспощадная самокритика*»⁴⁹.

По мнению левых радикалов этот кризис внешне выражается в застое и «заблачивании» партийной жизни, при придушении самокритики,

⁴⁷ «Die Internationale», № 5, 1927 г., 153. Курсив мой.

⁴⁸ Ibidem, S. 157—158 или «Пролетарская революция», 1928 г., № 4, стр. 176.

⁴⁹ «Die Internationale», 1927 г., № 5, S. 157—158, курсив автора письма.

в усилении роли «инстанций», в падении интереса широких пролетарских масс к партжизни. Среди многообразных факторов, определяющих его, на первое место следует поставить тактику партии, не желающую ничего знать, кроме парламентаризма, когда условия требуют другого. Эта тактика партийных «инстанций», опасаящаяся массовых действий, направленная против «смелой и решительной инициативы» широких пролетарских масс, как организованных, так и неорганизованных, связана с теоретическими представлениями эпигонов марксизма, не имеющими ничего общего с подлинным марксизмом. В партии борются три направления: ревизионисты, центр, левые. Настоящий кризисный период характеризуется перерождением центра, его переходом на позиции ревизионизма против левых. Ревизионизм попрежнему остается враждебным революционному марксизму течением. Но на настоящем этапе основной опасностью, тормозящей движение, является центр, или «болото». Сюда должна быть направлена вся энергия левых. «Что Иенский партийтаг принес ясность во взаимное соотношение сил в партии,—заканчивает уже цитированную нами статью Р. Люксембург,—и привел левых впервые к замкнутому ряду против блока болота с правыми,—это нужно только приветствовать, как радостное начало дальнейшего развития»⁵⁰.

Левые радикалы не сделали из оценки этих фактов всех необходимых для себя политических и организационных выводов. И прежде всего они не выявили *социальных корней* происшедшего внутрипартийного сдвига. Делая ставку на революционный инстинкт масс, надеясь на то, что ход истории работает на них, они думали путем дискуссии и давления низов переубедить вождей центра или создать соотношение сил внутри партии, выгодное для них. События показали, что они в этом ошибались.

II

Как относились к явлениям, происходившим в этот период в германской социал-демократии, большевики, как оценивали они события, к каким группировкам внутри германской социал-демократии проявляли они свои симпатии и антипатии?

Перед исследователем этого вопроса прежде всего встают две трудности: 1) отсутствие достаточных материалов, могущих пролить исчерпывающий свет на взаимоотношения различных групп, и 2) привходящие, порой затемняющие, «посторонние» тактические и иные соображения, чрезвычайно важные в процессе обостренной внутрипартийной борьбы большевизма и меньшевизма на русской почве, но не имеющие непосредственного отношения к разбираемому нами вопросу. Известно, что Владимир Ильич все время поддерживал переписку с отдельными представителями левых радикалов (Розой, Радеком, Карским и др.)⁵¹. Но полностью мы содержания этой переписки до сих пор еще не знаем.

⁵⁰ Ibidem, S. 153.

⁵¹ См. III и XIII Ленинские сборники. Письма Ленина Люксембург, Тышко, Карскому, Радеку.

Ценным материалом для суждения были бы также различные заметки, сделанные в этот период Лениным, о теоретических спорах в германской партии, замечания на полях отдельных работ германских социал-демократов того времени. Но и этим материалом мы также не располагаем.

Известно, наконец, как усиленно Мартов, Аксельрод и другие столпы российского меньшевизма «обрабатывали» относительно русских и иных дел Каутского и других вождей германской партии⁵². Но опять-таки содержание всей этой переписки нам неизвестно.

Нельзя, наконец, не принять во внимание и того, что на окончательные суждения борющихся в России партий не могло не влиять отношение к расколу и организационному оформлению большевизма в 1912 г. со стороны Р. Люксембург и др. Ее позиция в вопросах единства русского движения хотя и отличалась от позиции Каутского, но также носила на себе печать его непонимания и западно-европейской социал-демократической ограниченности. Точно так же позиция Розы и ее сторонников в польской партии, отношение ее к расколу в Варшавской организации, борьба «разломовцев» с главным правлением,—все это не могло не отразиться в конечном итоге на отношении к ним. Вот почему необходимо иметь все время в виду эти обстоятельства, чтобы составить себе правильное суждение.

Конечно, прежде всего нас интересует отношение к германской социал-демократии этого периода В. И. Ленина, его отношение к борьбе групп и направлений в ней. К сожалению, мы у него не найдем прямых указаний на этот счет, мы не найдем специальных статей по интересующему нас вопросу. Единственная статья, которая имеет непосредственное отношение к нашей теме, это статья «Два мира», помещенная им в «Социал-демократе» № 18 от 29 (16) ноября 1910 г. (перепечатана в XIV т. 2 изд. Сочинений). Период острейшей внутрипартийной борьбы в Германии (Иена 1911 г.—Иена 1913 г.) не нашел прямого литературного отражения в работах Ленина, как и вообще находил чрезвычайно скудное освещение в нелегальной большевистской прессе. Но это, конечно, ни в коем случае не означает, что Ленин не придавал им серьезного значения. Как раз наоборот.

Из отдельных разбросанных по различным статьям и письмам этого периода замечаний Ленина можно составить сумму высказываний по интересующему нас вопросу. И первое, что бросается в глаза, это то, что Ленин, несмотря на чрезвычайно высокую оценку германской социал-демократии и ее руководства, подходил к ней критически, настороженно. Соприкосновение на международных конгрессах и в МСБ с вождями немецкого социалистического движения внушило ему сомнение в их революционной выдержанности. Уже в статьях 1907 г.⁵³ можно заметить

⁵² См. переписку Мартова и Аксельрода, а также письмо Каутского Мартову, выражающее ему благодарность за информацию. Письмо это опубликовал Мартов.

⁵³ См. предисловие к русскому переводу книги «Письма Беккера, Маркса, Энгельса к др. к Зорге», «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» и другие статьи.

критическую настороженность к представителям немецкой социал-демократии. В статье «Международный социалистический конгресс в Штутгарте» Владимир Ильич несколько раз отмечает оппортунистический характер большинства немецкой делегации. И что должно быть особенно подчеркнуто,—Ленин в этот период нередко выступает не только против отъявленных оппортунистов типа Фольмара и Бернтшейна, но считает необходимым особо отметить ошибки Бебеля и Каутского. В статье «Нейтральность профессиональных союзов» («Пролетарий» № 22, 1908 г.) Ленин, полемизируя с Плехановым, сославшись на авторитет Бебеля, считает необходимым перечислить ошибки последнего, в особенности в вопросах «обороны отечества». Ленин отводит плехановскую ссылку на Бебеля, заявляя: «Мы все же думаем, что подражать Бебелю следует не тогда, когда Бебель ошибается»⁵⁴.

Специально к критике оппортунистической позиции большинства немецких социал-демократов с Бебелем и Фольмаром во главе Ленин счел необходимым возвратиться в статье «Воинствующий милитаризм и антимилиитаристская тактика социал-демократии»⁵⁵. Здесь Ленин вскрывает «оппортунистические тенденции» западно-европейского рабочего движения, которые особенно проявляются в вопросе об отношении к милитаризму и войне. Позицию Фольмара—Бебеля он характеризует как «оппортунистическую трусость». Отметим кстати, что в этой же статье Владимир Ильич считает необходимым обратить внимание на «великолепную оценку и горячую отповедь», данную Розой Люксембург Жоресу в ее «Открытом письме» в «Neue Zeit», и приветствует Розу за «этот ее протест и за защиту русской революции перед лицом интернационального пролетариата».

В сочувствии оппортунизму обвиняет Ленин также и Исполнительный комитет МСБ. Сочувствие это проявилось, по его мнению, в принятии на заседании XI сессии МСБ Адлеровской резолюции по вопросу о расколе в Голландской партии. При этом Ленин цитирует «органы немецких революционных социал-демократов «Leipziger Volkszeitung» и «Vremet Bürgerzeitung», которые квалифицировали Адлера, как адвоката международного оппортунизма»⁵⁶.

Но если эти замечания Ленина касались отдельных вопросов, по которым линия оппортунизма в теории и на практике особенно выявилась, то в статье 1910 г. «Вопрос о кооперативах на Международном социалистическом конгрессе в Копенгагене» он подводит *общий итог* линии поведения немецкой партии. Он пишет: «В общем немцы неспособны вести выдержанной принципиальной линии на международных съездах, и гегемония в Интернационале подчас ускользает из их рук»⁵⁷. В этой же статье Владимир Ильич пишет, что отмеченное явление не является случайно-

⁵⁴ Ленин, Сочинения, 2-е изд. т. XII, стр. 146.

⁵⁵ Там же, стр. 311 и след.

⁵⁶ Ленин, Сочинения, т. XIV, стр. 244.

⁵⁷ Там же, стр. 362.

... что оно вполне обрисовалось уже на Штутгартском международном съезде». Ленин здесь же вскрывает и причины этого явления: «Бессилие Вурма перед Эльмом только лишний раз иллюстрировало тот кризис в германской социал-демократии, который состоит в нарастании неизбежной решительной разверстки с оппортунизмом»⁵⁸. Этот вывод Владимира Ильича был продуманным и зрелым, проверенным на большом количестве фактов и наблюдений, и он повторяет его несколько раз в своих статьях этого периода. В статье 1914 г. (апрель) «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении» (напечатанной в «Просвещении») он снова обращает внимание читателей на этот факт. «На международном съезде в Штутгарте половина немецкой делегации оказалась вот такими горесоциалистами (типа оппортуниста Легина—«представителя офицерского корпуса армии профессиональных союзов»—А. С.) и голосовали за архипопортунистическую резолюцию по колониальному вопросу»⁵⁹. Ленин считает Штутгартский «случай» симптоматичным и вопреки «официальному объяснению «официальной» германской партии», вопреки «казенному оптимизму» немецкой партии, считает необходимым обратить на него внимание русских рабочих. «Несомненную *болезнь* немецкой партии, обнаруживающуюся в явлениях такого рода, мы должны не затушевывать и не запутывать казенно-оптимистическими фразами,—продолжает Ленин,—а вскрывать перед русскими рабочими, чтобы они учились на опыте более старого движения, учились, чему не подражать»⁶⁰.

«Болезнь немецкой партии» была закономерным явлением. Она родилась и развивалась в условиях «мирной, органической эпохи» парламентаризма, когда марксизм распространял свое влияние «вширь». Русская революция 1905 г. открыла новую эпоху мирового развития. «Революционное движение в разных государствах Европы и Азии дало знать о себе за самое последнее время так внушительно, что перед нами обрисовывается довольно ясно новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата»⁶¹. Этот этап развития характеризуется обострением классово-борьбы во всех передовых капиталистических странах. «Международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах... В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией,—борьбы, во много раз более *подготовленной* со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого великого восстания пролетариев»⁶².

Этот прогноз, данный в ряде статей, написанных после первой рус-

⁵⁸ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 362.

⁵⁹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 335.

⁶⁰ Там же, стр. 336.

⁶¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 304.

⁶² Там же, стр. 308.

ской революции, Ленин обобщает в историческую схему развития марксизма в своей замечательной статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса», напечатанной в «Правде» в 1913 г. Марксизм пережил три периода своего развития. Первый период—с 1848 г. по 1871 г., когда в борьбе с домарксовским социализмом учение Маркса, наконец, одерживает победу. Второй период—1872—1904 гг., когда победа марксизма идет *вширь*,—характеризуется «полосой «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований». Этот период сменяется новым—третьим периодом. «За Азией стала шевелиться—только не по-азиатски—и Европа. «Мирный» период 1872—1904 гг. отошел бесповоротно в вечность... Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом»⁶³.

Уже в этих набросках Владимира Ильича довоенной эпохи мы можем ясно обнаружить корни его позднейшей концепции, гениально развитой им во время войны в теорию империализма. Диалектика развития рабочего движения сложна и противоречива. Победа марксизма во второй период рождает «социалистический оппортунизм», «трусливо проповедующий «социальный мир» (т. е. мир с рабовладельцами), отречение от классовой борьбы»⁶⁴. И Ленин здесь же указывает социальные корни этого «внутренне сгнившего либерализма». Он пишет: «Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующих» интеллигенции у них очень много сторонников». Правда, в этой статье нет еще подробно развитой теории о рабочей аристократии в эпоху империализма и ее роли в рабочем движении. Но элементы этой теории уже встречаются в работах Ленина довоенного периода, хотя, главным образом, это имеет место в связи с анализом английского рабочего движения⁶⁵. Ревизионизм трактуется, главным образом, как мелкобуржуазное влияние на рабочий класс и объясняется неоднородностью пролетариата⁶⁶.

Империалистическая война, крах II Интернационала и измена социалистических партий в начале войны дали новый толчок для дальнейшего развития ленинизма. В результате этой гигантской работы мысли во время войны получают дальнейшее развитие основные контуры стройной во всех своих частях теории ленинизма.

Прежде всего Ленин подвергает внимательному анализу процессы перерождения социалистических партий. Во время войны из элементов довоенной теории об английской рабочей аристократии развивается учение о рабочей аристократии эпохи империализма, основы которой заложены еще в высказываниях Энгельса. Но еще задолго до того, с самого начала

⁶³ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 333.

⁶⁴ Ibidem, стр. 332.

⁶⁵ См. Ленин, Сочинения, т. XVI: «Английские споры о либеральной рабочей политике» «Гарри Квелч» и др.

⁶⁶ См. Ленин, Сочинения, т. XII: «Марксизм и ревизионизм», т. XV: «Разногласия в европейском рабочем движении», «Реформизм в русской социал-демократии» и др.

своей борьбы, Ленин как никто другой из его современников выступает смертельным врагом ревизионизма.

Ленин всегда видел далеко и идейную борьбу с ревизионизмом рассматривал только как *аванпостные* стычки социалистической Горы и Жиронды. Еще в 1908 г. в статье «Марксизм и ревизионизм» он пророчески писал: «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу, то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве,— это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, *когда пролетарская революция обострит все споры*, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, *заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесенных решительных ударов врагу*».

Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX века *есть лишь* преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к полной победе своего дела, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства»⁸⁷.

В другой своей статье, написанной через три года, Ленин вновь возвращается к этому вопросу. Борьба пролетариата с буржуазией вошла в новую стадию, в период борьбы за власть. Обострение борьбы революционной социал-демократии с реформизмом *неизбежно*. К этому ведет вся экономическая и политическая история цивилизованных стран. Он пишет: «Социальную революцию пролетариата нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежевки социалистической «Горы» и социалистической «Жиронды» *перед* этой революцией,— без полного разрыва оппортунистических, мелкобуржуазных и пролетарских, революционных, элементов—новой исторической силы *во время* этой революции»⁸⁸.

Как известно, Ленин до войны не ставил еще на очередь дня как общую задачу организационный откол и очищение рабочего движения от оппортунизма, хотя там, где эти расколы происходили, как например в Голландии или Италии, он всегда становился на сторону левых и оправдывал их⁸⁹. В гигантском кризисе войны, обострившем и вскрывшем все процессы загнивания внутри рабочего движения, встала эта задача на новом этапе развития. Но уже до войны Ленин ясно сознавал неизбежность постановки ее на определенном этапе развития, как очередной международной задачи. Но и в этой довоенной постановке вопроса Ленин видел дальше левых радикалов и в своем прогнозе опережал их.

⁸⁷ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 189. Курсив мой.

⁸⁸ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 208. Курсив Ленина.

⁸⁹ См. например, статью «Съезд итальянских социалистов», т. XVI, стр. 34.

Мы уже неоднократно указывали выше, что в рассматриваемый нами период Ленин видел и отмечал начавшийся кризис, фиксировал внимание на обострении борьбы внутри германской партии. Предсказываемый им этап принципиальной размежевки социалистической Горы и Жиронды начался. Под этим углом зрения он и подходит к оценке Магдебургского партийтага в статье «Два мира»⁷⁰ («Социал-демократ» № 8, ноябрь 1910 г.). Здесь все характерно, даже название статьи. Автор расценивает всю борьбу внутри партии как борьбу «двух миров идей и двух классовых тенденций». Магдебургский партийтаг основное внимание уделил вопросу о бюджете, о голосовании баденцев. Но Ленин рассматривает этот вопрос только как деталь, как частность. «Голосование за бюджет,—пишет он,—лишь одно из проявлений этого расхождения двух миров, расхождения, столь глубокого, что ему несомненно предстоит выразиться по поводам более серьезным, гораздо более глубоким и важным. И теперь, когда в Германии явно для всех надвигается великая революционная буря, следует взглянуть на магдебургские прения, как на маленький смотр небольшой частички армии... *перед* началом сражения»⁷¹.

Выявляя принципиальное значение этой борьбы и идейно-политические корни расхождений, Ленин противопоставляет носителей двух миров—оппортуниста Франка и Бебеля. Но зоркий наблюдатель и диалектик Ленин не может пройти мимо осторожной позиции самого Бебеля, мимо идейной борьбы в рядах так называемой ортодоксии. Ленин пишет: «Говоря о грядущей борьбе, Бебель ограничивается намеками. Ни разу не говорит он прямо о том, что революция надвигается в Германии, хотя мысль его, несомненно, такова... все клонится явственно к тому, чтобы выявить партии, массам неизбежность революционной борьбы». И Ленин спрашивает: «Почему так осторожен Бебель? Почему он ограничивается одними наводящими указаниями? Потому, что нарастающая революция в Германии и встречает особую, своеобразную политическую ситуацию, которая не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах и которая требует поэтому от вождей пролетариата решения некоторой *новой* задачи». И он выясняет своеобразие этой ситуации и новых задач. «Главная особенность этой своеобразной предреволюционной ситуации состоит в том, что грядущая революция неизбежно должна быть несравненно более глубокой, более серьезной, втягивающей более широкие массы в более трудную, упорную, долгую борьбу, чем все предыдущие революции. А в то же время эта предреволюционная ситуация отличается наибольшим (по сравнению с прежним) господством законности... Германская социал-демократическая рабочая партия в течение около полувека использовала буржуазную законность образцово, создав наилучшие пролетарские организации, превосходную печать, подняв на самый высокий уровень (какой только воз-

⁷⁰ Впервые вошло во 2-е изд. Сочинений Ленина, т. XVI.

⁷¹ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 376, курсив Ленина.

можен при капитализме) сознательность и сплоченность социалистического пролетарского авангарда. Теперь близится время, когда эта полувекковая полоса германской истории должна в силу объективных причин смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазней законности *сменяется* эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти *по сути дела* будут разрушением *всей* буржуазной законности, *всего* буржуазного строя, а *по форме* должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности... Вот в чем своеобразие предреволюционной ситуации в Германии. Вот почему так осторожен Бебель»⁷². Ленин видит колебания и осторожность Бебеля, и верит в революционный инстинкт старого вождя, несмотря на его отдельные ошибки. Он еще надеется, что осуждение оппортунистов, борьба с гнилью в условиях предреволюционной обстановки неминуемо приведет также к осуждению оппортунизма в самом руководстве. «Порицая оппортунистов, грозя им исключением,—продолжает Ленин,—германский пролетариат тем самым порицал в своей могучей организации все элементы застоя, неуверенности, дряблости, неумения порвать с психологией умирающего буржуазного общества».

Не отмечая перерождения самого центра, сдачи им революционных позиций ревизионизму в этот период, Ленин видит основную задачу в борьбе с возросшими опасностями оппортунизма. И в этой борьбе Ленин еще в этот период возлагал свои надежды не только на левых, но и на Каутского и Бебеля. Вот почему начавшимся спорам и борьбе внутри так называемой марксистской ортодоксии Ленин не придавал существенного значения, ибо тех и других он считал стоящими на позициях революционного марксизма.

В цитированной уже статье «Два мира» Владимир Ильич писал, что «оппортунисты злорадствовали, старались разжечь *эти, не имеющие первостепенного значения, разногласия*... Мизерность этих приемов оппортунистов, всех стран запечатлена в Магдебурге, где разногласия среди революционных социал-демократов Германии не играли никакой заметной роли. Оппортунисты рано стали злорадствовать. Магдебургский съезд принял первую часть предложенной Розою Люксембург резолюции, в которой прямо указывается на массовую стачку, как на средство борьбы»⁷³. В этот период Ленин считал споры среди так называемых «левых» не имеющими первостепенного значения, так как считал, что по существу спорящие стороны исходят из общих положений марксизма, и разногласия идут *только по линии* «оценки данного момента на счет того, сейчас или еще не сейчас, сию минуту или в следующую минуту наступает или наступит один из таких поворотных моментов, которым было 9-е января в русской революции»⁷⁴.

⁷² Ленин, Соч., т. XIV, стр. 380—381, курсив везде Ленина.

⁷³ Там же, стр. 382, курсив мой.

⁷⁴ Там же, курсив Ленина.

Но приводимая нами формулировка споров среди левых встречается у Ленина не только в этой статье. В статье, напечатанной полгода спустя в «Дискуссионном листке» № 3 (май 1911 г.) и в начале задуманной как ответ в немецкой прессе Мартову и Троцкому, выступившим в «Neue Zeit» (№ 50—51 за 1910 г.) с пасквилями на большевизм и внутривнутрипартийные дела в России ⁷⁵, Ленин вновь повторяет: «Каутский спорил с Розой Люксембург о том, наступил ли в Германии весной 1910 г. момент перехода «стратегии утомления» в «стратегию низвержения», причем Каутский сказал ясно и прямо, что этот переход неизбежен при дальнейшем развитии политического кризиса ⁷⁶. И Ленин защищает Каутского от меньшевика Мартова, уцепившегося за его фалды и желающего на этом деле заработать политический капитал.

Но может быть защита Каутского была вынуждена фракционными соображениями? Дело в том, что с момента споров Р. Люксембург с Каутским вся меньшевистская печать в России усиленно раздувала эту борьбу, всячески дискредитируя левых радикалов, и цеплялась за Каутского и форштанд. Это занятие было для них тем более приятным, что здесь они брали реванш на Каутском, раньше выступавшем с высказываниями о русской революции, которые можно было истолковать в большевистском духе. Если соображения фракционной борьбы и тактики еще могли играть некоторую роль в высказываниях Ленина в печати, то не подлежит сомнению, что суждения в частном товарищеском письме к единомышленнику свободны от них. Письмо Ленина к Карскому от 7 октября 1910 г., опубликованное в III Ленинском сборнике, не оставляет никаких сомнений в том, что Ленин ценит еще Каутского очень высоко и считает его стоящим на позициях революционного марксизма. Он пишет: «Обидно чрезвычайно, что даже Kautsky und Wurm не видят пошлости и гнусности таких статей, как Мартова и Троцкого». И в другом месте: «Rosa Luxemburg спорила с Kautsky о том, наступил ли для Германии момент Niederwerfungsstrategie, причем Kautsky ясно и прямо сказал, что считает этот момент неизбежным и близким, но не наступившим. А. Мартов, «углубляя» (verballhornend) Каутского, отрицает применимость der Niederwerfungsstrategie к 1905 г. в России!... Все меньшевики (особенно в «Нашей заре», «Возрождении» и «Жизни») подхватили спор Р. Люксембург с Каутским, чтобы объявить К. Каутского «меньшевиком». И Мартов из кожи лезет, пуская в ход kleinliche und miserable Diplomatie, чтобы углубить пропасть между Р. Люксембург и К. Каутским. Эти elende приемы не могут удался. Революционные социал-демократы могли спорить о времени наступления Niederwerfungsstrategie в Германии, но не об уместности Niederwerfungsstrategie в России 1905 г. Отрицать ее уместность для России и 1905 г. и в голову не приходило Каутскому. Отрицать это могут только либералы да немецкие и русские Квессели» ⁷⁷.

⁷⁵ См. письма Ленина в III и XIII Ленинских сборниках, письма к Карскому и Радеку.

⁷⁶ Ленин, Соч., т. XV, стр. 17.

⁷⁷ III Лен. сб., стр. 451—452.

Но этот первый период ожиданий, что руководство партии в лице Каутского и Бебеля будет поправлено революционным инстинктом масс, что в начавшемся кризисе и внутривластной борьбе достойные ученики Маркса и Энгельса найдут верный путь, скоро сменяется у Ленина тревогой и некоторым недоверием к ним. Правда, мы не найдем за это время критических и полемических статей Ленина против Каутского и Бебеля по теоретическим вопросам. Ленин по отношению к ним занимает позицию сдержанную и выжидательную; по всей вероятности, он считает необходимым выждать дальнейшего развития событий. С 1911 г. вплоть до войны мы по указанным вопросам не находим печатных выступлений Ленина, хотя в полемике с меньшевиками и Троцким он еще считает возможным защищать Каутского и Бебеля от усердных пользователей. Но сугубо критическое и осторожное отношение к ним прорывается у Ленина в письме к Карпинскому от 8 октября 1912 г.⁷⁸ Он писал: «Несомненно, что общий рост оппортунизма и «уравновешение» его сил с революционной социал-демократией в крупных странах рабочего движения (Германия) должны сказаться и здесь (в вопросе борьбы с милитаризмом и пацифизмом; речь идет об участии немцев на международном конгрессе мира в 1912 г.—А. С.). Пусть Бебель дипломатничает с оппортунистами—ежели это надо (???),—а нам сие не пристало».

Но если по вопросам теоретических и тактических споров в германской партии Ленин до поры до времени не высказывается, то позиция Бебеля и Каутского по вопросам войны, милитаризма и пацифизма вызывает его решительное возражение.

Мы уже видели, к каким выводам пришел Ленин в оценке немецкой делегации в Штутгарте. Пацифистские и оборонческие иллюзии в вопросах борьбы с империализмом, расчет на мелкобуржуазные слои и некоторые слои буржуазии в борьбе за мир вызывают необходимость решительного отпора против мелкобуржуазного обмана. И Ленин выявляет свое отношение к этому вопросу по частному поводу о Бернской конференции парламентариев в статье «Буржуазия и мир»⁷⁹. Основной тезис этой статьи гласит: «Было бы громадной ошибкой довериться прекрасноречивым речам тех немногих буржуазных депутатов, которые присутствовали на конференции и голосовали за резолюции... Единственная гарантия мира—организованное, сознательное движение пролетариата». Стоит только сравнить это заключение Ленина с точкой зрения Каутского по этому вопросу, развитой им в статье «Die Berner Konferenz», появившейся в это же время («Neue Zeit», май 1913 г., № 34—II), чтобы увидеть принципиальное различие исходных пунктов у одного и другого.

Но решительный протест вызывает со стороны Ленина статья Каутского «Der Krieg um die Internationale» (№ 6 «Neue Zeit» от 8 ноября

⁷⁸ XIII Лен. сб., стр. 208.

⁷⁹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 381—382.

1912 г.⁸⁰ В этой статье Каутский развивал капитулянтскую позицию, которая привела его к его взглядам, развитым им в начале войны. И Ленин считает необходимым сейчас же обратиться к Плеханову с письмом от 17/XI 1912 г., в котором пишет: «Статья Каутского в «Neue Zeit» после октябрьского заседания М. С. Б., есть явно официальное мнение немцев, австрийцев и др. Мы решительно не согласны с центральным пунктом этой статьи (стр. 191—192) от слов «Dabei müssen die heischenden Massen» в особенности). У Каутского выходит зарок именно от революционной массовой стачки. Это недопустимо и с русской точки зрения (100 000 политических стачечников теперь в Питере с революционными митингами и сочувствием восстанию матросов) и с общеевропейской. Впрочем, вы знаете нашу точку зрения из литературы»⁸¹.

Если и в этот период еще не находим у Ленина прямой борьбы с Каутским и каутскианством на международной арене, то общая оценка его все же изменилась. В ряде статей Ленина 1912—1913 гг., где речь идет о Каутском, Ленин упоминает это имя с эпитетами: «осторожный писатель», «архи-осторожный Каутский», «примиренец», «мягкий и осторожный, в последнее время особенно склонившийся к «уступкам» ликвидаторам» и т. п.⁸² Несомненно, что этому перелому, который наступил у Ленина в отношении к Каутскому, Бебелю и германской социал-демократии вообще, сильно способствовало поведение их по вопросу о русских делах. В той же мере, в какой в этот период шло сближение руководства немецкой партии с Мартовым, Аксельродом, Троцким, происходил процесс пересмотра оценки Каутского и Бебеля Лениным⁸³.

Характерно, что в некрологе, посвященном Бебелю, Ленин, исходя из своей схемы трех периодов развития марксизма, говорит о нем, как о величайшем вожде уходящей второй эпохи. «Никто с такой рельефностью не воплотил в себе особенностей и задач этого периода,—пишет Ленин,—как Ав. Бебель». Последнее выступление, о котором идет речь в статье,—это борьба Бебеля в Ганновере и Дрездене против Бернштейна. О Бебеле после 1910 г.—ни слова. Ленин здесь воздает должное вождю ушедшей эпохи, а о Бебеле последнего периода его жизни, Бебеле-оппортунисте, Ленин умалчивает. В свете того, что мы говорили выше, подобная позиция становится понятной.

Итак, пересмотр своего отношения к Каутскому и Бебелю, т. е. к руководству партии, начался у Ленина значительно раньше 4 августа. Позиция Ленина в начале войны, когда он поставил борьбу с каутскианством как *центральную задачу*, всеми корнями уходит в предвоенную

⁸⁰ Эта статья была целиком перепечатана в меньшевистской «Нашей заре» за 1912 г. № 11—12.

⁸¹ XIII Лен. сб., стр. 209.

⁸² См. Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 66, 117, 123, 198, 498 и др.

⁸³ Любопытно отметить, что Плеханов в своей переписке с Каутским и период его полемики с Р. Люксембург целиком и полностью солидаризировался с Каутским. См. об этом переписку, напечатанную в № 6 сборника «Группа «Освобождение труда».

эпоху. Это не было коренным изменением взглядов, а только *дальнейшим их логическим развитием*; оно было, как мы пытались показать, подготовлено всем предшествующим ходом развития. 4 августа, как при всяком кризисе, только наиболее рельефно, наиболее отвратительно проявилась вся фальшь официального руководства и каутскианства. После 4 августа Ленин поставил все точки над «i». Период надежд и веры в революционность Каутского и Бебеля (1910 г.) после периода настороженного, сугубо критического отношения к ним с начала войны сменился резко отрицательным и враждебным отношением. Каутский—«теперь *вреднее всех...* Оппортунисты—зло явное. «Центр» немецкий с Каутским во главе—зло прикрытое, дипломатически подкрашенное, засоряющее глаза, ум и совесть рабочих, опаснее все более»,—пишет Ленин Шляпникову 17/X 1914 г. ⁸⁴.

Ленин пришел к этому выводу в самом начале войны и, вопреки некоторым сотоварищам по борьбе, счел необходимым сейчас же заявить об этом во весь голос. В письме от 27 сентября 1914 г. Ленин писал Карпинскому: «Нельзя формалистически защищать подлый шовинизм немцев. Были плохие резолюции, были недурные, были заявления обоих видов. Но всему же есть мера? *И она превзойдена.* Нельзя терпеть, нельзя дипломатничать, надо восстать против позорного шовинизма изо всех сил» ⁸⁵. Если «терпение» и умолчание могли быть понятны до этого времени, то теперь Ленин восстал. Но если это «терпение» в значительной мере может быть объяснено тем, что Ленин из соображений внутрипартийной борьбы в России не желал выступать против Бебеля и Каутского, которых меньшевики считали «своиками», то все же в этом есть и некоторая доля недооценки центризма. Когда надо было выбирать между явными ревизионистами, скрытыми оппортунистами и непоследовательными левыми, которые к тому же своими выступлениями в русских делах (1912—1914 гг.), в своих теоретических воззрениях по национальному вопросу лили воду на мельницу оппортунизма, Ленин предпочел выжидать дальнейшего развития внутрипартийной борьбы, ибо окончательно не решил этой сложной и запутанной проблемы. Характерно, что в этот период мы не найдем у Ленина обсуждения вопросов центризма. Нет у него даже такого термина.

Но когда вопрос оказался для него решенным, он счел необходимым в письме к Шляпникову от 27/X 1914 г. заявить: «Каутского ненавижу и презираю сейчас хуже всех: поганенькое, дрянненькое и самодовольное лицемерие... *Права была Р. Люксембург, давно понявшая, что у Каутского «прислужничество теоретика»—лакейство, говоря проще,—лакейство перед большинством партии, перед оппортунизмом*» ⁸⁶. И он продолжает: «Нет на свете теперь ничего более вредного и опасного для *идейной* самостоя-

⁸⁴ III Лен. сб., стр. 195, курсив Ленина.

⁸⁵ XI Лен. сб., стр. 101, курсив Ленина.

⁸⁶ II Лен. сб., стр. 200, курсив мой.

тельности пролетариата, как это поганое самодовольство и мерзкое лицемерие Каутского, желающего все затушевать и замазать, успокоить софизмами и якобы ученым многоглаголением разбужденную совесть рабочих. Если Каутскому это удастся,—он станет главным представителем буржуазной гнили в рабочем движении»⁸⁷.

Изложенное дает нам основание отметить некоторую недооценку Лениным центристской опасности в германской партии до войны. В решительной борьбе двух сил—оппортунистической и революционной,—в которую вступила немецкая партия и которую прекрасно, как мы указывали выше, понимал Ленин, он еще недоучел силу и традиции революционного на словах, оппортунистического на деле центризма. Вот почему нам кажется, что Ленин мог считать в 1910 и 1911 гг. еще не имеющими решающего значения споры между Каутским и Розой. Вот почему Ленин, несмотря на отдельные, разбросанные мимоходом в различных статьях сочувственные замечания, открыто не солидаризировался с левыми радикалами и Р. Люксембург. Этому, вероятно, не в малой мере способствовала также неправильная позиция Розы в национальном вопросе и вопросах раскола и единства в русской партии.

III

До сих пор мы писали исключительно о Ленине и его позиции и не касались высказываний других представителей большевизма и большевистской прессы.

Прежде всего обращает внимание тот факт, что в период наиболее ожесточенной внутривнутрипартийной борьбы в немецкой партии (Иена—Хемниц—Иена) мы почти не встречаем статей в *нелегальной* большевистской прессе на интересующую нас тему. Последняя большая статья, помещенная в № 18 заграничного «Социал-демократа» за 1910 г., «Два мира», принадлежит Ленину и посвящена итогам Магдебургского партийтага. Мы уже познакомились с содержанием этой статьи и с постановкой разбираемой нами проблемы. До этого в газете очень часто встречаются статьи о Германии, причем они главным образом принадлежат представителям левых в германской партии: Карскому, Паннекуку. С № 19 газеты вплоть до военных померов мы почти не находим статей и заметок, посвященных интересующей нас теме. В других большевистских нелегальных изданиях этого периода мы, за редкими исключениями, также не найдем систематического освещения партийной жизни в Германии. Другое дело—легальная печать. Она откликается почти на все интересующие вопросы, в особенности на съезды партий, причем автором подавляющего большинства этих довольно многочисленных статей и заметок являлся т. Зиновьев. Вот почему основное внимание нам придется уделить ему.

⁸⁷ II Лен. сб., стр. 200, курсив Ленина.

Исходным моментом всех статей этого периода являются два ленинские положения: Германия вступила в новый, всемирноисторический этап развития, который вплотную подводит к вопросу о борьбе за власть и в этой обостренной обстановке борьба двух тенденций внутри партии—оппортунистической и революционной—приобретает решающее значение. Носителями первой тенденции являются ревизионисты, второй—революционные марксисты во главе с Бебелем и Каутским. Эти основные положения мы встретим не только в статьях 1910—1911 гг., но и значительно позже, в *статьях кануна войны*. Но самое характерное в них заключается в своеобразной интерпретации этих положений. Если Ленин, как мы видим из его статьи 1910 г. «Два мира», осторожные, по его мнению, высказывания Бебеля в Мангейме еще читал сквозь свою революционную призму, не упуская при этом из виду оппортунистические грехи вождя германской социал-демократии, если немного позже эта осторожность в суждениях сменилась у Ленина настороженностью и критическим отношением, то для т. Зиновьева Бебель и руководство партии остаются на линии революционного марксизма, ведущего борьбу с ревизионизмом. Вот статья т. Зиновьева «Перед выборами в германский рейхстаг» (1911 г.), где мы читаем: «Несмотря на позорные шатания реформистов, германская социал-демократия готовится встретить грядущие выборы как могучая, стройная, целостная организация германского пролетариата. И ее ждут на этих выборах большие политические победы, между прочим и потому, что она *идет под знаменем Бебеля и Каутского*, а не Линдеманоу и Мауренбрехеров»⁸⁸. Через год, в другой статье «Выборы в Германии», т. Зиновьев снова повторяет: «В воздухе пахнет порохом... Над Германией занимается новая заря. История поставила германскую социал-демократию на передовом посту—авангардом всего международного пролетариата, застрельщицей в борьбе за социализм. И на этом славном посту германская социал-демократия, руководимая *революционными марксистами*, выказывает себя достойным отрядом всей интернациональной пролетарской армии»⁸⁹. В другой статье того же периода, напечатанной в «Просвещении», статье «На славном посту (Германская социал-демократия на выборах и после них)», т. Зиновьев повторяет те же положения, только в более заостренной формулировке. Он пишет: «Под юбочкой монархии... созрела огромная антимонархическая, глубоко революционная сила, сила враждебная не только данному строю капиталистических отношений, но и враждебная капитализму вообще»⁹⁰. Мирная эпоха отходит, ей на смену идет эпоха бурь. В Германии повидимому произойдут первые битвы за социализм». И автор продолжает: «История предъявляет большие требования и ставит великие испытания германской социал-демократии. Но все говорит за то, что гер-

⁸⁸ «Звезда» № 24, 28/V 1911 г. Курсив мой.

⁸⁹ «Рабочая газета» № 8, 17 (30) марта 1912 г. Курсив мой.

⁹⁰ «Просвещение» № 3—4, 1912 г. — Скопин, «На славном посту» или Зиновьев, Соч. т. IV, стр. 54.

манская социал-демократия выйдет из этих испытаний со славой и приведет германский пролетариат кратчайшим путем к победе».

Но такую высокую оценку революционной зрелости мы находим у т. Зиновьева не только в отношении партии, но и в отношении независимых профсоюзов. Он переоценивает их силы, их классовую зрелость и зоркость, их революционность и готовность к борьбе. «Было время,— пишет т. Зиновьев,— когда и среди германских социал-демократических союзов преобладали цеховые настроения. О всеобщей стачке руководители союзов и слышать не хотели. И они превозносили «нейтрализм», т. е. безразличное отношение союзов к социал-демократической партии и к политике. Все эти явления теперь все больше становятся достоянием прошлого»⁹¹. В другой своей статье⁹² т. Зиновьев объясняет падение количества конфликтов, доведенных до стачек и открытых столкновений за 1911 г., не ростом оппортунизма в союзах и в их руководстве, а «миролюбием хозяев», которое является результатом силы и организованности рабочих. Отмирание споров о «нейтрализме» профсоюзов между руководством партии и профсоюзниками он объясняет не сближением их на общей почве оппортунизма, а отмиранием самого нейтрализма⁹³. Словом, т. Зиновьев не только не видит роста оппортунизма, но скорее усматривает в этих фактах сдачу им позиций революционному марксизму.

Но рельефнее всего выступает различие в отношении к руководству германской партии при сопоставлении замечаний и статей Ленина и Зиновьева о Бебеле⁹⁴. Для т. Зиновьева Август Бебель не символ уходящей в прошлое эпохи, а величайший вождь образцовой революционной партии. Вот почему т. Зиновьев почти во всех своих высказываниях о Бебеле подчеркивает только его положительные качества как борца с оппортунизмом, как революционера, и оставляет в тени его «грехи», его ошибки, не замечает его поворота. *К Бебелю нет критического отношения*: это—непререкаемый авторитет, который ведет партию по верному пути.

Эта переоценка Бебеля переносится и на партию. Ее избирательные успехи и избирательная борьба изображаются, как один из шагов на пути к решительной схватке. В одной из статей, посвященных итогам выборов 1912 г., т. Зиновьев пишет: «Председательский кризис (в рейхстаге)—только небольшая прелюдия, только маленький пример того, что теперь ждет германский рейхстаг на каждом шагу... Теперь и на парламентской почве справиться с германской социал-демократией не так-то уж легко. Выборы президиума показали это достаточно наглядно. Ведь

⁹¹ «Правда» № 101 от 26/VIII 1912 г. «Из жизни германских профессиональных союзов», Соч. т. III, стр. 415. Курсив Зиновьева.

⁹² «Правда» № 171 и 175 от 17 и 23/XI 1912 г. «Стачки и локауты в Германии». Соч., т. IV, стр. 124—125.

⁹³ См. статью «Свобода коалиций», «Просвещение» № 8—9, 1912 г., Соч., т. IV, стр. 100—103.

⁹⁴ См. Зиновьев, Соч., т. XVI, «Август Бебель», «Август Бебель и народники» и др.

только 11 голосов нехватало Бебелю, чтобы победить. И тогда весь мир мог бы наблюдать историческую и преназидательную картину: Бебель tête-à-tête с Вильгельмом II» И он продолжает: «Недавно одна германская социал-демократическая газета писала: «Когда социал-демократ Шейдеман взял в руки председательский колокольчик,—кто знает, не екнуло ли сердце у правящей клики и не подумала ли она: да не означает ли этот звон—начало конца? Быть может, он предвещает уже конец буржуазного строя?» Начала конца еще нет. Но германская социал-демократия находится на лучшем пути к тому, чтобы максимально приблизить его»⁹⁵. Эта вера в руководство германской партии приводит т. Зиновьева не раз к утверждению, что оно *«скорее ликвидирует ревизионизм, чем ревизионизм сможет ликвидировать германскую социал-демократию»*⁹⁶.

Подобное представление о партии приводило к недооценке кризиса в ней. Этот кризис изображался как заминка на повороте, как искание новых путей, как приспособление к новым революционным условиям. «Приспособление к условиям новой эпохи германской социал-демократии не легко,—пишет т. Зиновьев в статье «На перевале».—Приходится не только идти проторенной дорогой, но и прокладывать новые пути. На этой почве возникают новые разногласия в партии, даже разногласия внутри марксистского ее крыла»⁹⁷. Поэтому разногласия среди «марксистского крыла»—разногласия не принципиальные. В чем их сущность? И здесь т. Зиновьев почти дословно повторяет ленинскую формулировку периода 1910 г., когда пишет в цитированной уже нами статье: «Сущность разногласий между марксистами касается вопроса о быстроте нарастающего движения. Готовы ли уже сейчас массы—вот вопрос. Из-за него дело дошло до образования фракций»⁹⁸. Но самое характерное заключается в том, что эта формулировка сущности споров повторяется т. Зиновьевым неоднократно и позже. Даже после Иены 1913 г., когда линии внутрипартийной борьбы обрисовались со всей определенностью, т. Зиновьев продолжает подходить к оценке борьбы между левыми радикалами и центром под этим углом зрения. В статье, посвященной итогам иенского съезда, «О германском ревизионизме», он пишет: «Главным вопросом был пункт о массовой стачке. *Расхождения между двумя частями марксистов касаются здесь по существу дела вопроса о темпе событий, о скорости движения»*⁹⁹. Конечно, подобное представление о сущности разногласий приводит к тому, что они кажутся временными, недолговечными. «И в германской партии разногласия конечно будут изжиты скорее, чем где бы то ни было»,—пишет т. Зиновьев в статье

⁹⁵ «Звезда» от 9/II—1912 г. «Председательский кризис в рейхстаге».

⁹⁶ «Звезда» от 12/II 1912 г. № 9, «Они или мы». Курсив мой.

⁹⁷ «Звезда» № 27 от 29/X 1911 г., Соч., т. III, стр. 82.

⁹⁸ Ibidem, стр. 84.

⁹⁹ «Просвещение» № 9, 1913 г. «О германском ревизионизме», Соч., т. IV, стр. 361.

по поводу Иенского партийтага 1911 г.¹⁰⁰ Борьба, возгоревшаяся с новой силой вокруг избирательных соглашений 1912 г., представляется временной, оппортунистическая линия форштанда, направленная на ловлю мандатов,—как «временные колебания». В статье «На славном посту» (1912 г.) автор приходит к заключению, что «временные колебания не внесут сколько-нибудь серьезного расстройтва в ряды германских марксистов, на которых с надеждой сосредоточены взгляды всей мировой социал-демократии»¹⁰¹.

Оставаясь на старых позициях в оценке революционной зрелости форштанда, т. Зиновьев не замечает внутривнутрипартийных сдвигов, проходит мимо процессов перерождения «центра», сползания его к оппортунизму. Для него борьба с левыми радикалами—только споры среди марксистов о тактическом повороте партии, поиски новой переориентировки партии. Революционная фразеология центра еще заслоняет оппортунистическую сущность последнего. Зиновьев все еще верит, что форштанд ведет действительную борьбу с ревизионистами. Поэтому ему кажется как будто странным, что ревизионисты «спрятали свои революционные знамена в карман и стали трубить о своем согласии с Бебелем».

Такой взгляд на центр приводил конечно к недооценке левых радикалов. Тов. Зиновьев рассматривает их борьбу, только как борьбу за тактику, проходя мимо теоретических и методологических споров. Теоретическая дискуссия Каутского с Паннекуком о государстве и революции, как и другие теоретические и методологические споры, выпадает из поля зрения наблюдателя: Каутский и Бебель изображаются как действительные сторонники революционного марксизма, как защитники революционной массовой стачки. Зиновьев берет их под свою защиту от меньшевиков. «Левое крыло» марксистов как будто все еще противостояло ревизионизму, главному врагу в партии. «Ревизионисты всех стран бьют в бубны по поводу расхождения внутри германских марксистов, уверяя, что пришел конец марксистской «ортодоксии»,—пишет т. Зиновьев в статье 1912 г.—Сколько раз уже охочие люди «хоронили» нашу ортодоксию! А она все жива, и от соприкосновения с массами, как Антей от соприкосновения с землей, все больше набирается сил»¹⁰².

Такое поверхностное представление о сущности процессов внутри партии не давало возможности понять то, что происходило в действительности. Внешние факты загораживали сущность явлений, путали карты. Выступление Меринга на стороне форштанда и Каутского в первом туре споров против Розы и переход Меринга на позиции Розы в дальнейшей дискуссии о блоках затушевывали истинное положение дел. Вот почему в спорах, которые происходили в германской партии в 1912 г., т. Зиновьев не видит одной линии развития. Он пишет: «С критикой

¹⁰⁰ «Звезда» № 27 от 29/X 1911 г. «На перевале», Соч., т. III, стр. 84.

¹⁰¹ «Просвещение» № 3—4, 1912 г. «На славном посту», Соч., т. IV, стр. 65.

¹⁰² «Звезда» № 30 от 15/IV 1912 г. «Важный спор внутри германской социал-демократии».

заклучениого форштайдом соглашения первая выступила Р. Люксембург. Однако не надо думать, что перед нами в данном случае та же группировка, которую мы видели в прошлом году на Иенском съезде или еще раньше, при споре о немедленных выступлениях, всеобщей стачке и т. п. Нет, в данном случае мы видим новую группировку»¹⁰³. Эта же формулировка повторяется и в другой статье—«На славном посту». «В спорах по поводу выборов мы видим уже в известном смысле новую группировку сил»—читаем мы там. В этой же статье автор утверждает, что «насколько можно судить по началу дискуссии, Фр. Меринг и Р. Люксембург находятся гораздо ближе к истине, чем партийное правление»¹⁰⁴.

Даже тогда, когда для левых радикалов уже достаточно выявилась природа каутскианства, когда в борьбе с Каутским перед Иеной 1913 г. положение обрисовалось с достаточной точностью, т. Зиновьев не видит действительной эволюции центра. Знакомя русских рабочих со всей суммой спорных проблем в немецкой партии в этот период, он в статье «Новые тактические дебаты в германской социал-демократии»¹⁰⁵ пишет: «Прежде всего характерно, что споры ведутся совершенно не по старым двум линиям: марксисты—на одной стороне и ревизионисты—на другой. И даже нет более трех новых делений—марксистский центр, марксистская левая и ревизионисты». И он рассматривает этот кризис как «кризис роста партии, как период исканий». Что особенно характерно для этой статьи, это то, что автор совершенно не останавливается на теоретической дискуссии об империализме и милитаризме и сводит весь спор к тактическим разногласиям.

Но вот последняя большая статья т. Зиновьева предвоенной эпохи, посвященная итогам Иенского партийтага, «О германском ревизионизме»¹⁰⁶. Мы выше видели, как оценивала положение Р. Люксембург и какую тактическую линию намечала она в борьбе за преодоление внутрипартийного кризиса. Как подходит к оценке положения т. Зиновьев? Он все еще стоит на старых позициях: ревизионизм—вот главный враг партии. «Ревизионизм—вот враг германской социал-демократии, поскольку речь идет о внутренних условиях развития германского рабочего движения. Обострение классово-борьбы, инициатива рабочих масс,—заканчивается статья,—надо надеяться, скоро подскажут старым вождям германской социал-демократии, что угроза движению лежит *справа*». Ревизионизму, изложению его позиций, выяснению его социальных корней посвящено основное внимание партии, причем ревизионизм рассматривается как «идеология переходных слоев», «попутчиков социал-демократии». Правда, в этой статье делается шаг вперед по сравнению с прошлыми оценками. Автор статьи говорит уже более определенно о трех

¹⁰³ «Звезда» № 30 от 15/IV 1912 г. «Важный спор внутри германской социал-демократии».

¹⁰⁴ «Просвещение» № 3—4, 1912 г. «На славном пути».

¹⁰⁵ «Рабочая правда» № 4 от 17/VII 1913 г., «Северная правда» №№ 6—7 и 9 от 18/VIII 1913 г.

¹⁰⁶ «Просвещение» № 3, 1913 г.

течениях внутри партии, но центр все еще считается марксистским. Опасность ревизионизма в партии признается серьезной. Но при этом т. Зиновьев по-старому, как и в 1910 и 1911 гг., формулирует сущность разногласий между левыми и центром. И автор убеждает «марксистский центр» не упустить из виду действительную опасность—*ревизионистскую*. Это лояльное отношение к «центру» мешает разглядеть его истинную природу и в то же время открыто солидаризироваться по ряду вопросов с левыми.

Хотя в статьях этого периода мы неоднократно обнаруживаем брошенные вскользь и мимоходом сочувственные отзывы о позиции левых, но мы нигде не найдем открытой солидаризации с ними. Любопытно отметить, что, несмотря на частые и злостные нападения на «германских большевиков»,—как называли меньшевистские писатели левых радикалов в меньшевистской прессе,—мы почти не найдем их защиты, солидаризации с ними в статьях т. Зиновьева и других. В то же время мы часто встретим попытку отстоять Каутского и Бебеля от меньшевистских посягательств на идейное родство. Конечно, здесь большую роль играли соображения фракционной борьбы в России, но тем не менее мы думаем, что в основе этого факта все же лежали неправильные представления о размежевке сил внутри германской социал-демократии, недооценка оппортунистического перерождения центра, неясное представление о его природе и роли, а также некоторая недооценка левых.

Тов. Зиновьев в своих представлениях был не одинок. Знакомство с немногочисленными заметками и статьями других авторов большевистской прессы этого периода приводят нас к убеждению, что по существу и они расценивали положение так же. Мы остановимся только на нескольких характерных статьях, посвященных наиболее острым периодам в жизни немецкой партии: на Хемницком и Иенском партийтагах. В течение сентября 1912 г. в «Правде» был помещен ряд статей под общим заголовком «На съезде германской социал-демократии за подписью «Рд». Как автор рассматривает борьбу на партийтаге различных групп? Он пишет: «Растет дух возмущения в массах, и как отражение этого идет в рядах партии искание новых методов борьбы. В стороне от этих споров стоят, конечно, ревизионисты. Они, конечно, в спорах радикалов между собой всегда готовы поддержать ту часть последних, которая осторожнее относится к новым методам. *В то время как радикалы спорят между собою о наиболее действительных способах борьбы с империализмом и о том, назрели ли условия для более активной тактики, массовой тактики,*—в это время оппортунисты все более скатываются к либеральной точке зрения и точке зрения даже прямой защиты колониальной политики»¹⁰⁷.

Исключение Гильдельбрандта Хемницким партийтагом рассматривается как признак того, что партия «хочет остаться, как и была, партией социалистического пролетариата, партией классово-борьбы»,... «го-

¹⁰⁷ «Правда» № 119 от 16/IX 1912 г. «На съезде германской социал-демократии». Курсив мой.

товой дать отпор всякому, кто под личиной сочувствия рабочему движению пытается направить ее на путь либеральной рабочей политики»¹⁰⁸. Автор серии статей, посвященных Иенскому партийному съезду, напечатанных в «Северной правде» и в «Правде труда» в сентябре 1913 г. без подписи под общим заголовком «Съезд германской социал-демократии», так оценивает факт внесения двух резолюций по вопросу о массовой стачке: «Два направления и соответствующие им две резолюции и отличаются таким образом *не в принципе*, а в том, что сторонники агитации являются носителями политической воли, тогда как в резолюции правления политическая воля и политическая инициатива отсутствуют»¹⁰⁹.

На этом мы можем закончить изложение позиций большевизма в отношении к германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса. Если вождь партии—Ленин—видел дальше других, если «4 августа» германской социал-демократии могло быть для него закономерным явлением, которое положило конец дальнейшему «терпению», было «превзойденной мерой», то для других представителей партии крах II Интернационала и его руководящей партии—германской социал-демократии—был только «временной капитуляцией перед оппортунизмом», «только временным засильем оппортунизма». «Интернационал не погиб, не может погибнуть. Нет измены в подлинном смысле слова»¹¹⁰,—писал т. Карпинский от имени женевской секции большевиков, возражая против одного из центральных пунктов ленинского проекта военного манифеста.

Письмо т. Карпинского чрезвычайно типично и характерно для тех кругов партии, которые переоценивали германскую социал-демократию. Оно целиком и полностью связано с довоенными представлениями, которые мы пытались обрисовать выше. Тов. Карпинский писал в этом письме: «Мы считаем неправильным указание на «фактическое преобладание» в Интернационале «мелкобуржуазного оппортунизма». *До сих пор никто нигде и никогда не объявлял до такой степени отечество в опасности*. Напротив, все мы полагали, что до сих пор происходящая в Интернационале борьба между оппортунистами и революционерами ограничивалась поражением оппортунистов, что в решениях и практике Интернационала до сих пор всюду выражалась революционно-социалистическая тенденция». И понадобился весь гений и вся энергия Ленина, чтобы положить конец «куче недоговоренностей, неясностей в позиции», как пишет Н. К. Крупская в предисловии к переписке эпохи империалистической войны¹¹¹. Понадобился весь авторитет Ленина, чтобы положить конец шатаниям и сплотить партию на верной оценке прошедшего и в первую очередь на роли и значении каутскианства. Эти шатания несомненно были связаны с довоенными представлениями о германской социал-демократии и их нужно было пересмотреть.

А. Слуцкий

¹⁰⁸ «Правда» № 121 от 19/IX 1912 г. «На съезде германской социал-демократии».

¹⁰⁹ «Правда труда» № 1 от 11/IX 1913 г. «Съезд германской социал-демократии».

¹¹⁰ Из письма В. А. Карпинского Ленину, от 27/IX 1914 г. XI Лен. сб., стр. 256—257.

¹¹¹ Лен. сб., стр. 95.

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ ОТСТАЛЫХ СТРАН

(Окончание)¹

4. МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ И ИХ КРИТИКА

Наш анализ проблемы некапиталистического развития был бы недостаточным и неполным, если бы мы не остановились на рассмотрении и на критике мелкобуржуазных народнических теорий некапиталистического пути развития. С одной стороны, это необходимо для выяснения существенного отличия в постановке этой проблемы народниками и марксистами-ленинцами. Само это сопоставление позволит глубже и полнее выявить марксистско-ленинскую методологию в этом вопросе. С другой стороны, наш разбор мелкобуржуазных теорий некапиталистической эволюции даст нам возможность попутно опровергнуть и отмести спекулятивные, рассчитанные на дешевую демагогию упреки «социалистов» типа Бауэра, будто бы Коминтерн, выдвигая перспективу некапиталистического развития отсталых стран в условиях современной эпохи, лишь повторяет народнические зады. Так, Отто Бауэр на Брюссельском конгрессе С. Р. И. в 1927 г. говорил, что «большевизм возродил народнические теории о некапиталистических путях и применил их к Китаю».

Вот почему,—хотя мы уже касались частично в предыдущей главе народнических представлений в этом вопросе,—все же мы считаем полезным подвергнуть мелкобуржуазные теории некапиталистического развития специальному разбору. Говоря о мелкобуржуазных теориях, мы имеем в виду, в основном, народнические теории, выдвигавшиеся не только в России (в 60-х—80-х годах), но и в несколько видоизмененной форме на Востоке в учении Сун-Ят-Сена и других. Целая плеяда революционной интеллигенции в течение нескольких десятилетий облачала революционную в определенных условиях буржуазно-демократическую программу преобразования этих стран в якобы социалистическую идею некапиталистического их развития. Эти теории были разбиты объективной исторической действительностью, сорвавшей с них покров утопизма и обнажившей их социальную сущность.

¹ См. № 5 (100) «Прол. рев».

Судьба этих народнических теорий служит основанием для квазимарксистов бауэровского толка предрекать, в связи с их критикой программы Коминтерна, такую же участь и нашим современным прогнозам насчет возможности некапиталистического пути развития отсталых стран. Но эти бауэровские пророчества разлетятся как мыльный пузырь, если мы возьмем не только общий для народников и марксистов вывод о возможности некапиталистического пути развития, но и будем учитывать в корне отличные методологические установки в подходе к этой проблеме у марксистов и у народников, если мы примем во внимание полное различие исходных моментов, конкретно-исторические условия, которыми обосновывали возможность этого пути развития отсталых стран представители двух принципиально противоположных идеологий.

Приступая к анализу и критике народнических теорий социалистического развития России, нам хотелось бы отметить, что высказывания Маркса—Энгельса относительно возможности для России избежать капиталистическую фазу развития относятся как раз к тому периоду, когда и народники защищали и обосновывали свои воззрения по этому поводу. Казалось бы, одни и те же исторические условия должны были привести к одинаковой постановке проблемы некапиталистического развития. Станет ли кто-либо из апостолов II Интернационала доказывать тождество или хотя бы какое-либо сходство в марксистском и народническом обосновании этой проблемы? Мы сомневаемся в положительном ответе, ибо вряд ли кто-либо решится ставить знак равенства между марксистской и народнической постановкой вопроса.

В самом деле, посмотрим, как народники защищали свою теорию некапиталистического развития России. Все чаяния и надежды на осуществление желанной перспективы развития России у них связывались с глубокой убежденностью в том, что тогдашняя Россия была более близка к социализму, чем Запад, что в России в силу особых условий социалистический переворот произойдет раньше, чем на Западе, и независимо от победы пролетариата в передовых странах.

Достаточно ярко эта мысль была высказана Ткачевым: «Наш народ,—говорил он,—несмотря на невежество, гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя они образованнее русского народа»¹. Если даже не излагать всех остальных моментов народнического обоснования, то уже одно приведенное нами положение Ткачева характеризует народническую премудрость. Оно, как в фокусе, отражает всю их установку. В самом деле, что свидетельствовала формула народников о большей подготовленности тогдашней России к социализму по сравнению с Западом? В первую очередь, она говорит о непонимании того, что социализм есть продукт исторического развития капитализма, говорит об идеализации народниками тех докапиталистических отношений, которые были преобладающей формой общественного уклада в России того пе-

¹ «Революция и РКП», книга 1-я, стр. 49.

риода, и об отождествлении этих отношений с социализмом. Каким же образом приходили народники к этому, на наш взгляд совершенно несуразному, положению о большей подготовленности тогдашней России к социализму, по сравнению с передовыми западно-европейскими странами? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, придется, очевидно, частично осветить экономические и социальные воззрения русских народников, поскольку в них содержится обоснование и методология их взглядов на счет некапиталистической эволюции России. Кстати, это необходимо еще и потому, что упрек Бауэра по адресу большевиков о возрождении народнических утопий при современной наметке ими перспектив развития восточных стран нужно расценивать не как констатирование Бауэром только общих у большевиков и народников выводов, а как обвинение коммунистов в замене марксистской материалистической диалектики народнической методологией, в возрождении коммунистами народнического подхода, народнического обоснования, народнического утопизма.

В чем же заключалась ошибочность экономических взглядов народников, приводившая их к неверным выводам о том, что Россия того времени была ближе к социализму, чем Запад? Она коренилась в ложных идеалистических представлениях об общественно-экономических процессах, в непонимании динамики экономических отношений тогдашней России, в игнорировании фактов экономической действительности, в извращенном изображении, в идеализации докапиталистических отношений, господствовавших в экономическом строе России того периода. Обычно в доказательство подготовленности тогдашней России к социализму, несмотря на очевидную ее отсталость, народники ссылались не только на отсутствие капиталистических отношений в сельском хозяйстве, но и на наличие зародышей будущего социализма. В качестве таких ячеек будущего социалистического общества указывалось на общину и артель. При этом община характеризовалась следующим образом: «Община—живая развивающаяся форма экономической жизни русского народа...», она «имеет не меньшую способность обобществлять труд, как и фабрика»¹. Они рассматривали общину вне связи с общеэкономической обстановкой. По их мнению, община сама по себе могла развиваться и развиваться по пути к социализму. Проблема технической помощи со стороны передовых стран ими снималась так же, как игнорировалась ими необходимость благоприятной исторической среды, лишь при наличии которой община могла стать элементом некапиталистического развития России. С другой стороны, они не видели дуализма, заложенного в общине. Закрывая глаза на исторические процессы, они не видели и того, как под влиянием общего роста товарно-капиталистических отношений разлагалась община и разрушались коллективные формы владения землей.

---

¹ Юзов, «Основы народничества», стр. 203. Или, как Ткачев говорил: «Наш народ в огромной своей массе... проникнут принципом общинного владения; он является, если можно так выразиться, коммунистом по инстинкту и по традиции».

Все в меньшей мере коллективное землевладение связывало крестьян солидарными производственными интересами и все в большей мере сохранялось оно лишь как удобная форма грабежа прибавочного труда со стороны государства. Не видя внутреннего дуализма, народники отождествляли с точки зрения обобществления труда общину с фабрикой. Этот вывод вызывал у марксистов наибольшие недоумения, ибо община далеко не представляла собою социалистической формы организации труда. Как раз наоборот—развивавшиеся товарно-капиталистические отношения встречали благоприятную почву в частнособственнической форме организации труда и присвоения в общине.

Само проникновение и развитие капиталистических отношений в общине, когда оно не могло уже отрицаться народниками, рассматривалось ими не как социально-экономический процесс, подверженный определенной исторической закономерности, а как проявление дурных качеств личностей, как результат пагубной политики государства и т. д. Важно еще отметить, что при анализе общины народники брали отношения деревни не во всей их совокупности. Эти отношения в крестьянском хозяйстве они искусственно отрывали от отношений эксплуатации крестьян помещиком; а это по существу было основным и определяющим в системе социально-экономического уклада России того времени. Народники проходили мимо этого. Их экономические теории, таким образом, служили не для обоснования позиции основных классов тогдашнего русского общества, не для понимания характера и направления классовой борьбы, а лишь для защиты своих идеалистических и чисто-утопических мечтаний.

Таков был подход народников к общине, к этому их основному аргументу о подготовленности России к социализму. По сути дела подобным же образом подходили народники к анализу кустарного производства, которое выдавалось ими за «народное производство» в противовес капиталистической фабрике. Социалистические начала в нем народники усматривали в преобладавшей артельной форме организации кустарного производства, в отсутствии отчужденности труда от производителя и в связи его с землей.

Мы не станем распространяться на тему о том, что кустарное производство нельзя было отождествлять с социалистическим, нельзя было устанавливать глубокое принципиальное отличие его от системы капиталистических отношений. Подобно тому, как община бралась народниками вне ее отношения к помещицкому хозяйству, вне связи с историческими процессами и вне влияния на нее капиталистической обстановки, точно так же и кустарные промыслы они рассматривали изолированно от тех отношений, которые связывали их с подрядчиком, с торговцем, ростовщиком, скупщиком и фабрикантом. Ясно, что такое абсолютное игнорирование этих моментов, как и непонимание роста капиталистических отношений внутри самих артелей, могло приводить народников к оценке кустарных промыслов как преграды капитализму, как гранитной опоры социалистических начал в России. Народники подчеркивали удачное соче-

тание общинного сельского хозяйства с артельным кустарным производством. Ими, таким образом, изображалась идиллическая картина бесклассовых отношений в России, нарушавшаяся лишь отдельными частными дефектами, которые по их мнению следовало и не трудно было устранить. Здесь снова выступала известная уже нам идеализация докапиталистических отношений, подкрепляемая утопическими упованиями на какие-то надисторические силы, способные смести все препоны на пути развития этих очагов социализма и удивить цивилизованный капиталистический Запад превосходством русской общественной организации.

Народнический утопизм держался на идеализации докапиталистических отношений; казалось бы, что этот утопизм должен бы распознаться по швам в меру того, как разрушалась община, преобразовывалось артельное кустарное производство, в меру того, как докапиталистические формы заменялись и подчинялись бурно развивающемуся (особенно с 90-х годов), капитализму в России. Но изменились ли в чем-либо идеалы и взгляды народников? В основном народники остались верными своим прежним утопическим воззрениям, не замечая того, что последние стали целиком реакционными. Они продолжали отворачиваться от фактов экономической жизни, демонстрируя все больше и больше свою бесплодность в экономическом обосновании возможности некапиталистического пути развития.

Никто так удачно, как Ленин, не формулировал основные расхождения между марксизмом и народничеством в вопросе об экономическом развитии России: «Обращаясь к народнической экономии, с представителями которой нам приходилось постоянно полемизировать, мы можем резюмировать причины нашего разногласия с ними следующим образом. Во-первых, самое понимание того процесса, как именно идет в России развитие капитализма, а равно и представление о том строе хозяйственных отношений, который предшествовал в России капитализму, мы не можем не признать у народников безусловно неправильным, причем особенно важным представляется, с нашей точки зрения, игнорирование ими капиталистических противоречий в строе крестьянского хозяйства, как земледельческого, так и промыслового...»¹.

Расхождение с народниками заключалось в различии основных воззрений на общественно-экономический процесс. В этом нам нетрудно убедиться, как только мы обратимся к рассмотрению взглядов народников на происхождение и развитие капиталистических отношений в Западной Европе и на появление их в России. Факт господства капиталистических отношений на Западе, как и развитие их в России, не вызывал у народников стремлений к научному осознанию и объяснению социально-экономических процессов. Они вполне довольствовались ссылками на случайность или пускались в какие-либо морализирующие рассуждения насчет дефектов в историческом развитии, насчет отклонения с правильного пути и т. д. Вот как, например, Михайловский объяснял причину появления капита-

¹ Ленин, «Развитие капитализма в России», Собр. соч., т. III, стр. 486.

лизма на Западе: «Европейская жизнь складывалась так же бессмысленно и безнравственно, как в природе течет река или растет трава... разум и чувство, можно сказать, не присутствовали при возникновении современного экономического порядка в Европе. Они были в зачаточном состоянии и воздействие их на естественный стихийный ход вещей было ничтожно»¹. В этом же духе приблизительно объяснял Южаков причину экспроприации средств производства у крестьянина в России. Вместо того, чтобы анализировать этот процесс с точки зрения смены одной общественной формации другой, он объяснял это явление как «отклонение от пути, предписываемого всею историческою жизнью нации».

Следует отметить еще один момент, характеризующий позицию народников в вопросе о капитализме. Беря капитализм не в целом, а одну лишь его сторону, народники ограничивали свое отношение к нему только критикой его отрицательных черт, игнорируя прогрессивную роль, которую играет капитализм по сравнению с феодализмом, упуская совершенно, что именно капитализм в своем развитии создает основу более высокого социалистического общества. Капитализм они рассматривали, как «язву пролетариата», и от этой язвы они пытались предостеречь «избранный русский народ». В этом характере критики капитализма с особой отчетливостью проявлялось коренное расхождение методологии народников и марксистов. Это существенное отличие следующим образом было формулировано Лениным: «... отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма. Народник для критики капитализма считает достаточным констатировать наличие эксплуатации, взаимодействие между ней и политикой и т. п. Марксист считает необходимым объяснить и связать вместе все эти явления эксплуатации, как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат объективному изучению. Народник считает достаточным для критики капитализма осудить его с точки зрения своих идеалов, с точки зрения «современной науки и современных нравственных идей». Марксист считает необходимым проследить со всей подробностью те классы, которые образуются в капиталистическом обществе, считает основательной только критику с точки зрения определенного класса—критику, основывающуюся не на моральных суждениях «личности», а на точной формулировке действительно происходящего общественного процесса»².

Ленин называл народников романтиками именно в связи с их оценкой капитализма. Действительно, народники обычно критиковали капитализм за то, что он присущей ему конкуренцией развивал индивидуализм, разрушал коммунистические отношения общины и артели, лишал устойчивости и обеспеченности отдельных производителей и общественное хозяйство в целом. По этому поводу Ленин замечает: «Это рассуждение

¹ Цит. по Ленину, Собр. соч., т. II, стр. 63.

² Ленин, «Экономическое содержание народничества», Собр. соч., т. II, стр. 103.

повторяет типичную ошибку романтизма, именно: заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем *высшей формы общественности...*» и дальше: «что касается до необеспеченности и неустойчивости и т. п., то... в подобных нападках и сказывается романтик, осуждающий с боязливостью именно то, что выше всего ценит в капитализме научная теория: присущее ему стремление к развитию, неудержимое стремление вперед, невозможность остановиться или воспроизводить хозяйственные процессы в прежних неизменных размерах»¹. При такой оценке капитализма у народников не могло быть и правильного представления о социализме, являющемся продуктом капиталистической стадии развития. Но подход народников к капитализму находился в полном соответствии с их социологическими воззрениями.

Если марксисты целиком базировались на закономерности общественного развития, то народниками она совершенно игнорировалась. Вот почему основная и решающая ошибка в обосновании народниками теории некапиталистического развития и проводящая водораздел между ними и марксистами в этом вопросе как раз и состоит в отрицании закономерности общественного развития. В свете этой коренной методологической ошибки становится понятным их заявление о большей подготовленности России к социализму по сравнению с Западом.

Один из наиболее последовательных народников 70—80-х гг. в России, Юзов (Каблиц) в своей книжке «Основы народничества» достаточно ясно и откровенно высказывает свои суждения по вопросу о законах общественного развития. Он говорит: «В природе существуют личности и их отношения, но нет общественных форм, т. е., иначе сказать, в ней не существуют какие-то самостоятельные реальности в виде общественных форм, а только отношения между личностями, которые мы и называем общественными формами... Мнение, чувство, желание личности являются почти единственными творцами общественных явлений»². Следовательно, ни капитализм, ни социализм не являются общественными формациями, объективно возникающими и объективно развивающимися. Творцы общественных явлений—это мнения, чувства и желания личностей. «Никакие законы истории,—говорит далее Юзов,—не связывают деятельности личности, подчиняющейся только практическим законам своего внутреннего развития. Мнимые законы истории неспособны помешать человечеству осуществить свои желания, хотя, разумеется, появление самых желаний подчинено известным психическим законам»³.

В нашу задачу не входит критика субъективной социологии народничества. Мы поэтому ограничиваемся лишь изложением тех элементов их мировоззрения, которые связаны с их обоснованием теории некапиталистического развития и которые скорее объясняют нам полную невоз-

¹ Ленин, Собр. соч., том II, стр. 229—230.

² Юзов, «Основы народничества», стр. 31 и 24.

³ Там же, стр. 42.

щим им классом, а другим ликом—в будущее, настроиваясь враждебно против разоряющего его капитализма»¹.

И как раз Ленина Бауэр обвиняет в возрождении народнических идей,—Ленина, который оттачивал свое марксистское оружие на борьбе с народничеством, который лучше других сумел обнажить классовое лицо народнических идей и который лучше других видел принципиальную противоположность между марксистской и народнической идеологиями. Но Ленин в своей критике народнических идей не отвергал их целиком, выделяя в них революционные черты и устанавливая известную преемственность между демократическим народничеством и революционным марксизмом. Еще в тот период, когда шла борьба за гегемонию марксизма в России, меньшевики не могли увидеть в народничестве двуликого Януса, не могли понять, что в народничестве, подобно тому, как и в мелком производителе—интересы которого представляет народничество—имеются две души. Одна революционная, другая—реакционная. Первая была направлена на устранение препон капиталистического развития, вторая пыталась отстоять мелкое производство в борьбе против более прогрессивных форм капитализма. Правильность данной Лениным социальной характеристики была подтверждена историческим развитием народничества. Революционное народничество 70—80 гг. выродилось уже в 90-х гг. в реакционное. Идея социалистического развития России, выражавшая у революционных народников в утопической форме революционные тенденции мелкобуржуазного крестьянства, превратилась в программу и тактику либерального штопанья капиталистического развития.

Этому капиталистическому развитию сопутствовала эволюция народничества: «капитализм, развиваясь с громадной быстротой в течение всей пореформенной истории России, стал с корнем вырывать этот устой старой России,—патриархальное, полукрепостное крестьянство,—вырывать его из средневековой, полуфеодальной обстановки и ставить в новейшую, чисто капиталистическую»².

Несмотря на субъективное желание народников 90-х годов не замечать, замазывать все факты капиталистической действительности России, чтобы сохранить идеалы отцов,—они бессознательно, а отчасти и сознательно, вынуждены были «вполне и целиком стать на почву капиталистических порядков». И получалась программа и тактика, идеология пошлого мещанского либерализма, которая не противоречила основам капитализма, интересам буржуазии. В самом деле, либеральные народники 90-х годов, признавая наличие капиталистических отношений, не ставили вопроса об уничтожении этой системы отношений, уничтожении эксплуатации, о борьбе, а ограничивались «штопанием и починкой», смягчением эксплуатации, примирением, в общем, с либеральными мероприятиями на

¹ Ленин, «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Собр. соч., т. II, стр. 155.

² Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 163.

данной капиталистической почве. И на фактах России оправдалось замечание Маркса о том, что значение критического утопического социализма «стоит в обратном отношении к историческому развитию». В результате этого исторического развития народнический утопический социализм «лишился всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания».

В 90-е годы, вместе с расколом деревни «раскололся и старый русский, крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой—выродившись в пошлый мещанский радикализм... Пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразъединенное целое (как это было, например, в эпоху Чернышевского), безвозвратно кануло в вечность»¹.

Жизнь сняла покров и обнажила мелкобуржуазную сущность народнической идеологии и их идей некапиталистического развития России. Народнические идеи потерпели крах, а вместе с ними потерпела крах и иллюзия о возможности социалистического развития отсталой страны изолированно от остальных передовых стран и при самодовлеющей роли остатков докапиталистических отношений в деле перехода к социализму.

Правда, эти идеи несколько позже вновь возродились в модернизированной и своеобразной форме. Мы имеем в виду учение Сун-Ят-Сена, в свою очередь пытавшегося пропитать это учение субъективным социализмом и окрасить буржуазную демократию в народнический цвет. Подобно русским народникам, в его учении проявилось сочувствие к положению трудящихся масс. Подобно народникам и Сун-Ят-Сен мечтал, что в Китае можно предупредить капитализм, миновать его судьбы, что Китай, вследствие своей отсталости, ближе к социализму, что в нем скорее и легче может произойти социальная революция и т. д. И, конечно, Ленину, выдержавшему не мало боев с русским народничеством, не трудно было распознать в якобы социалистическом учении Сун-Ят-Сена его буржуазно-демократическую сущность. Уже в 1912 г. в статье «Демократия и народничество в Китае» Ленин писал: «И вот оказывается, что из субъективно-социалистических дум и программ китайского демократа на деле получается программа—«изменения всех кровных основ» *одной только* «недвижимой собственности», программа уничтожения *одной только* феодальной эксплуатации. В этом *суть* народничества Сун-Ят-Сена, его прогрессивной, боевой, революционной программы буржуазно-демократических аграрных преобразований и его якобы социалистической теории»². И в той же статье Ленин писал: «Но эта идеология боевого демократизма сочетается у китайского народника, во-первых, с социалистическими мечтами, с надеждой миновать путь капитализма для Китая, предупредить капитализм, а во-вторых, с планом и проповедью радикальной аграрной реформы. Именно эти два последние идейно-политические течения и представляют

¹ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 179.

² Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. I, стр. 347.

тот элемент, который образует *народничество*, в специфическом значении этого понятия, т. е. в отличие от демократизма, в добавление к демократизму»¹.

Но народничество Сун-Ят-Сена обладало специфическими чертами и в частности своеобразие его теории сказывалось в трактовке им вопроса о некапиталистическом развитии Китая. Для Сун-Ят-Сена ясно было, что Китай не может удержаться на застойной ремесленной технике, что он не может развиваться без создания своей собственной крупной индустрии и транспорта. В отличие от русских народников Сун-Ят-Сен не мог подкреплять свои социалистические утопии наличием в Китае таких докапиталистических форм, как община и артель, которые были бы в такой же мере распространенными и господствующими, как в России непосредственно пореформенного периода. Свое учение о народном благоденствии Сун-Ят-Сен вырабатывал в условиях господства капитализма в передовых странах и Суну ничего не оставалось, как уповать на капиталистический мир и в частности на Соединенные штаты, которые, по мнению Суна, призваны были помочь промышленному развитию Китая. Но это означало, что индустриализация и насаждение крупной промышленности в Китае могло происходить лишь в капиталистической форме. Так Сун-Ят-Сен приходил к сознанию неизбежности капиталистического развития Китая. И всю проблему последующей экономической эволюции, все свои социальные утопии он свел, по сути дела, к вопросу о некотором *ограничении* частно-капиталистического накопления, к созданию преимуществ для государственно-капиталистического развития; свел к вопросу об избежании «дефектов» и «жестокостей», сопровождающих рост капитализма. При этом Сун-Ят-Сен попадал в явное противоречие со своими социалистическими заверениями, которое он ни разу не попытался сколько-нибудь вразумительно разрешить. Это противоречие было подмечено еще Лениным. В статье «Обновленный Китай» Ленин писал: «Вождь этой партии—известный д-р Сун-Ят-Сен. Теперь он занят особенно разработкой плана обширной железнодорожной сети (к сведению русских народников: Сун-Ят-Сен делает это *во имя того*, чтобы Китай «миновал» судьбы капитализма!»².

И в другом месте тот же Ленин писал: «И Сун-Ят-Сен с неподражаемой, можно сказать, девственной наивностью сам разбивает в пух и прах свою реакционную народническую теорию, признавая то, что признать заставляет жизнь, именно: что «Китай стоит накануне гигантского промышленного» (т. е. капиталистического) развития», что в Китае «торговля» (т. е. капитализм) «разовьется в громадных размерах», что «через 50 лет у нас будет много Шанхаев», т. е. миллионных центров капиталистического богатства и пролетарской нужды и нищеты»³.

¹ Там же, стр. 346.

² Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 21.

³ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 1, стр. 347.

В представлении Сун-Ят-Сена насчет возможности, при осуществлении его планов, избежать отрицательные стороны, тяжелые последствия капиталистического развития, не только несмотря на наличие, но и с помощью окружающего капиталистического мира, и сказывался его утопизм. И при этом вся его программа «народного благоденствия» покоилась, как и у народников, на отрицании общественной закономерности, на чисто моральных категориях, на побуждениях людей и т. д. Субъективная социология и здесь служила обоснованием возможности и осуществимости всех его социальных проектов.

Как мы видели, идеи русских народников не выдержали исторической проверки. Такая же участь постигла и учение Сун-Ят-Сена о «народном благоденствии». Но при этом положение сложилось несколько оригинальнее. Если целые десятилетия капиталистического развития подрывали камень за камнем идеологический фундамент русского народничества, то историческое испытание сун-ят-сеновских теорий было сконденсировано на значительно меньшем промежутке времени и происходило на другой исторической канве. Ирония судьбы заключается как раз в том, что теория некапиталистической эволюции, в силу идеологического обоснования бывшая у Сун-Ят-Сена не чем иным, как реакционным мечтанием, в современной изменившейся исторической обстановке приобрела другую окраску. Она стала революционной перспективой, предметом борьбы передового класса, который с утопических высот поставил ее на материалистическую почву.

Но борцами за эту перспективу оказались не сторонники Сун-Ят-Сена, которые в ходе китайской революции превратили сун-ят-сенизм в оковы ее развития. «Эпигоны сун-ят-сенизма, всемерно раздувая как раз те его идеологические черты, которые стали объективно реакционными, превратили его тем самым в официальную идеологию гоминдана, ставшего открытой контрреволюционной силой. Идеологический рост масс китайского пролетариата и трудящегося крестьянства должен, следовательно, сопровождаться решительной борьбой против гоминдановского обмана и преодоления остатков идеологии сун-ят-сенизма»¹.

Подведем итоги настоящей главы. Целью ее было показать сущность мелкобуржуазных теорий некапиталистического развития и отличия их от соответствующей марксистской постановки вопроса. Что же нам удалось установить?

1. Раньше всего отметим, что и марксисты и народники *сходились на том, что капиталистическая стадия развития необязательна для всех народов*; что отдельные отсталые страны могут миновать развитие капитализма.

2. Но сходство это было чисто формальным. Ибо дальше в подходе, в обосновании этой проблемы обнаружилась *полная противоположность народнической и марксистской методологий*.

¹ Программа Коминтерна, глава VI, раздел I.

3. *Народники игнорировали роль внешней исторической среды*, которой марксисты обуславливали некапиталистическое развитие отсталой страны. Поэтому толчок извне, пример для подражания, материальная помощь со стороны социалистически преобразованной передовой страны— все эти условия, обязательные с марксистской точки зрения в деле некапиталистического развития отсталых народов, признавались народниками несущественными и выпадали из поля их зрения, из их анализа. Сун-Ят-Сен, который как бы пытался по этой линии подкрепить народнические представления тем, что привлекал к анализу эту внешнюю среду, однако, вносил еще больший элемент утопизма своим упованием на помощь со стороны внешнего капиталистического мира. Но так или иначе, общим для народников было мнение о том, что отсталые страны ближе к социализму, чем промышленно развитые нации.

4. Марксисты признавали при определенных благоприятных внешне исторических условиях существенную роль за известными институтами докапиталистических отношений в деле социалистического преобразования отсталых стран. *Народники же этим докапиталистическим формам придавали самостоятельное и самодовлеющее значение*, считая, что они сами по себе и непосредственно могут развиваться в социализм.

5. *Марксисты оценивали капитализм как ступень к социализму*. Поэтому марксисты считали, что перед отсталой страной с господством докапиталистических отношений перспектива некапиталистического развития открывается только вместе с победой пролетариата в передовых странах. Народники же расценивали капитализм, как дефект, как случайное отклонение от пути и поэтому не соглашались с тем, что капитализм необходимая фаза на пути к социализму.

6. В противоположность марксистам народники возможность некапиталистического развития отсталой страны обосновывали не *экономической потребностью*, не определенной общественной закономерностью, а *субъективной социологией*, моральными категориями и т. д.

7. В результате у *народников их идея* некапиталистической эволюции, оторванная и противопоставленная объективно-исторической действительности, *носила на себе печать реакционности*. Напротив, у марксистов она вырастает и соответствует ходу исторического развития и поэтому она *служит знаменем революционного преобразования* общественных отношений отсталых стран на социалистических началах.

8. Народнический *утопизм был чужд идеям классовой борьбы*; отсюда, в частности, его историческая беспочвенность и бесплодность. Марксисты, выдвигая возможность некапиталистического развития отсталой страны, увязывают ее с конкретной динамикой классовой борьбы, с коренными интересами пролетариата и бедняцких масс крестьянства, составляющих армию борцов за эту перспективу общественного развития.

9. В свете установленных нами отличий между марксистской и народнической постановкой вопроса о некапиталистической эволюции не

трудно опровергнуть жалкий вымысел Бауэра, будто бы Коминтерн возрождает народнический утопизм.

Целиком и полностью *Коминтерн перенимает не народническую, а марксистскую методологию* в вопросе о возможности некапиталистического развития отсталых стран.

5. ПРОБЛЕМА НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ ОТСТАЛЫХ СТРАН В СВЕТЕ ОПЫТА РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ

До сих пор мы говорили о *некапиталистическом* пути развития отсталых стран, не раскрывая конкретного содержания этого понятия. Мы брали последнее как само по себе разумеющееся, и это было допустимо, пока вопрос нами ставился в общей форме. Но дальнейший анализ проблемы некапиталистического развития выдвигает перед нами необходимость установления точного и ясного представления об этом предмете. В самом деле, означает ли некапиталистический путь развития отсталой страны прямой и непосредственный переход к социалистической общественной формации или он предполагает осуществление социализма через ряд промежуточных ступеней? Каков тогда характер переходных ступеней к социализму? Далее, насаждается ли механически социализм в отсталой стране социалистически уже преобразованными странами или же он должен вырастать при активном содействии последних из условий и потребностей самой этой отсталой страны? И, наконец, вступление отсталой страны на рельсы социалистического развития предreshает ли там судьбу капиталистических тенденций в смысле полной и немедленной их ликвидации? Или складывается более сложная, более пестрая обстановка? Коротче говоря, какова будет программа перехода к социализму в отсталых странах при осуществлении перспективы некапиталистического развития и чем она будет обуславливаться?

Мы видим, что проблема некапиталистической эволюции отсталых стран распадается на целую гамму drobных вопросов. Мы не можем приступить к последующему обоснованию возможности некапиталистического пути развития отсталых стран, оставив без ответа всю эту сумму вопросов. Но решение их облегчается помощью Ленина. Как и в предыдущих вопросах, так и в конкретизации проблемы некапиталистического развития мы имеем в лице Ленина надежного путеводителя. В его учении о переходном периоде, в его методологических установках мы находим ключ к разрешению всей совокупности поставленных нами вопросов, к дальнейшему теоретическому обоснованию некапиталистического пути развития отсталых стран. Ленин, этот величайший стратег и тактик пролетарской революции, имел возможность общие, суммарные представления о социализме перевести на язык конкретной действительности. Возглавляя первую победоносную пролетарскую диктатуру и обобщая богатейший опыт русской революции 1917 г., Ленин сумел общие вехи марксистского

учения о социализме наполнить конкретным содержанием. И, конечно, при анализе проблемы некапиталистического развития отсталых стран мы не можем пройти мимо и не использовать этот огромнейшей важности опыт, не можем не извлечь известных и полезнейших уроков из ленинского учения о переходном периоде.

Здесь мы предвидим упреки в механическом перенесении русского опыта на отсталые страны. Мы далеки от этого. Мы предполагаем лишь выявить и использовать ленинскую методологию, которая в дополнении к уже установленным нами марксо-энгельсовским опорным пунктам облегчит нам дальнейшее обоснование некапиталистического развития отсталых стран. Все же для того чтобы отвести всякие нарекания в шаблонизации русского опыта, постараемся бегло осветить, как особое и неповторимое, так и общезначимое в условиях великой русской революции 1917 года. Напомним раньше всего, что уже сама Февральская революция протекала в особых, несколько необычайных условиях и обнаружила ряд специфических черт. Уже в первом своем «письме из далека» Ленин, анализируя условия Февральской революции, отметил то своеобразное сочетание различных факторов, которое обусловило мирный ее характер и быстрые успехи. «Если революция победила так скоро и так—по внешности, на первый поверхностный взгляд «радикально», то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные* потоки, *совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милокова и Гучкова с К⁰ к захвату власти *в интересах продолжения империалистической войны...* это—с одной стороны. А, с другой стороны, глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера *за хлеб, за мир, за настоящую свободу*»¹.

Уже это своеобразие русской революции наложило свой отпечаток на характер буржуазно-демократического этапа русской революции, на последующее перерастание его в социалистический. Осуществление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства не в чистом виде, а в форме двоевластия, в форме неотрванного от буржуазного правительства придатка,—весь конкретный ход революционного процесса в России в 1917 г. от февраля до октября характеризуется такими особыми специфическими условиями, что не приходится говорить о возможном тождестве и полном сходстве его с революциями в других странах, в том числе и отсталых. Да и самый Октябрь протекал у нас в обстановке, равной которой не было и по всей видимости не будет. В «Детской болезни левизны» Ленин подробно перечисляет эти специфические и сугубо благоприятные условия нашего Октября. Мы имели возможность соединить советский переворот с окончанием империалистической войны;

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 9.

мы имели возможность использовать взаимную смертельную борьбу империалистических держав; мы имели возможность выдержать долгую гражданскую войну и, наконец, мы имели возможность использовать глубокое буржуазно-демократическое революционное движение крестьян. В силу именно этих причин нам легче было начать социалистическую революцию. Подводя итоги этим специфическим условиям, Ленин в отношении других стран писал, что их «теперь нет и повторение таких или подобных условий не слишком легко»¹. Мы не склонны поэтому ни на одну минуту упускать из вида эти особые, неповторимые и специфические условия революционного процесса 1917 г. в России. Мы знаем, что эти условия во всей их полноте и во всей их конкретности не будут воспроизведены ни в какой другой стране. Но желание избежать шаблонизирования русского опыта не должно приводить нас к отказу от использования общезначимого в победоносной русской революции, ибо «в данный исторический момент дело обстоит так, что русский образец показывает *всем* странам кое-что и весьма существенное из их неизбежного и недалекого будущего» (Ленин). Ленину приходилось указывать, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национальное особенное, не русское только, а международное значение. «Понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции»².

Общезначимое в русской революции и ленинизме может быть использовано не только по отношению к передовым странам, стоящим перед непосредственно пролетарским переворотом, но и по отношению к странам отсталым, которые лишь через ряд ступеней могут подойти к октябрьским завоеваниям. Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и отсталых, на рубеже между Западом и Востоком, светом своей революции осветила перспективы социалистического развития для всех остальных стран земного шара. Несмотря на все своеобразие русской революции, наша задача максимально использовать ее опыт, ее уроки. Русская революция не только выдвинула, но и практически должна была разрешить проблему некапиталистической эволюции. И как бы ни различались условия России, наша задача использовать ее опыт не в виде готовых ответов, а, главным образом, в смысле выявления большевистского, ленинского подхода к решению этой всемирно-исторической важности проблемы. Раньше всего, на опыте русской революции мы хотели бы поставить вопрос о *переходном периоде* от капитализма к социализму, о его необходимости и его содержании. Понятно, что отрицание неизбежности переходного периода, как и непонимание существа его целиком снимает проблему некапиталистического развития отсталых стран или, во всяком случае, чрез-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 153.

² Там же, стр. 115.

вычайно затрудняет ее разрешение. В самом деле, не ясно ли, что оппортунисты II Интернационала, издевающиеся над проблемой некапиталистической эволюции отсталой страны, по существу, не в состоянии ее осмыслить и воспринять уже потому, что им совершенно чужда марксистско-ленинская постановка вопроса о переходном периоде.

Придерживаясь механической теории об автоматическом и полном вызревании социализма в недрах капиталистического общества до пролетарской революции, помимо нее, в форме и методах буржуазной демократии; представляя себе это полное вызревание социализма вне ожесточенной классовой борьбы и политического господства эксплуатируемых классов, они метафизически подходят к вопросу о путях развития отсталых стран к социализму. Для них вопрос о социалистическом развитии последних ставится лишь в прямую зависимость от развития капитализма в этих странах, причем в самых высших его формах. По мнению меньшевиков, социальная революция должна дать сразу же готовенький социализм, который вылупливается так же сразу, как цыпленок из яйца. При этом, у меньшевиков, собственно говоря, вылупливается сразу не цыпленок, а курица. Так, Далин в своей книге «После войн и революций», обвиняя творцов научного социализма в утопизме, в подмене научного исследования революционным нетерпением, в приспособлении теории к своим желаниям и настроениям, проводит полную аналогию и полное тождество между законами буржуазной и социалистической революции. По его мнению, подобно тому, как капиталистический способ производства был уже развит накануне буржуазной революции, так и обобществленная собственность должна вытеснить частную еще до социалистического переворота. Последний «срывает полотна с изваяния, вчерне уже готового... В революции не приходится *строить* новое хозяйство, эта задача непосильная, невыполнимая для революции. Но революция уничтожает последние остатки старого»¹. Понятно, что такая постановка вопроса, исключая переходный период от капитализма к социализму, тем самым отрицает возможность некапиталистического развития отсталых стран.

В этом отношении правые большевики в 1917 г. целиком попадались на удочку меньшевистских теорий о социализме, когда пытались доказать неосуществимость социалистического переворота в отсталой России. И что характерно, отрицание подготовленности России к социализму связывалось у них с непониманием необходимости переходного периода от капитализма к социализму, с извращенным представлением о возможности лишь непосредственного и полного введения социализма. Такую ошибку, в частности, допускал Рыков. Ленин, в своем заключительном слове на апрельской конференции, подвергнул критике подобную, в корне ложную точку зрения: «...товарищ Рыков говорит, что переходного периода

¹ Далин, «После войн и революций», стр. 220.

между капитализмом и социализмом нет. Это не так. Это разрыв с марксизмом»¹.

В противовес меньшевистским теориям, отрицающим переходный период, Ленин выдвигал и развивал марксову постановку вопроса о переходном периоде, конкретизируя характер, содержание и этапы этой переходной полосы. Ленин считал абсолютно необходимым и теоретически неподлежащим сомнению вопрос об обязательности переходного периода. Эта мысль высказывалась им в ряде произведений. Так, например, в своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин писал: «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединить в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом или, иными словами, между побежденным, но не уничтоженным капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом»².

Для Ленина были ясны причины, вызывавшие необходимость переходного периода. Раньше всего, подобно другим классикам марксизма, Ленин понимал различие между буржуазной и социалистической революцией, понимал отличие процесса вызревания капиталистического способа производства в недрах феодализма от процесса перехода общественного уклада от капитализма на высшую социалистическую ступень. Еще Бебель говорил: «До сих пор, развитие человечества шло так, что общественный класс приходил к власти в тот момент, когда он достиг уже господства над производством, над материальной основой. У нас же, напротив, мы не можем основать господство рабочего класса на завоевании экономической власти, мы должны сперва завоевать политическую власть и воспользоваться ею для того, чтобы добиться экспроприации буржуазного общества. Когда политическая власть будет в наших руках, остальное приложится»³.

Еще более четко эта мысль была высказана Лениным: «Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя, путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция.

¹ Протоколы апрельской конференции, 1917 г., стр. 76.

² Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 347.

³ Протоколы съезда в Галле, стр. 158—159.

Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи—организационные»¹.

Ленин понимал, что борьба между социализмом и капитализмом не уничтожается сразу и окончательно даже и тогда, когда власть и основные решающие средства производства находятся в руках рабочего класса. После захвата власти и ликвидации помещичьего землевладения и крупной капиталистической собственности перед рабочим классом встает задача по отношению к мелкому товаропроизводителю—крестьянину, его переделки, так как никакими декретами нельзя уничтожить это мелкое крестьянское производство, из которого ежеминутно, ежечасно рождается капитализм. «Социализм нельзя навязать крестьянам насильно и надо рассчитывать лишь на силу примера и на усвоение крестьянской массой живой практики» (Ленин). А эта задача требует, конечно, целого переходного периода, протекающего к тому же в формах ожесточенной классовой борьбы.

На опыте русской революции можно проследить не только ленинскую постановку вопроса о необходимости переходного периода, но выяснить также, чем обуславливается его характер, его этапы. В ряде мест Ленин подчеркивал, что характер и содержание переходного периода целиком зависят от уровня развития страны. «Нет ни одного социалиста, товарищи, который не признавал бы той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий, более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата, и что этот период в своих формах будет во многом зависеть от того, преобладает мелкая собственность или крупная, мелкая культура или крупная»². И далее, Ленин свою мысль иллюстрирует на примере Эстляндии. В этой маленькой, поголовно грамотной стране, в которой наиболее распространено крупное сельское хозяйство,—говорил Ленин,—переход к социализму будет, в известной мере, отличаться от перехода к социализму в странах с преобладающим мелкокрестьянским сельским хозяйством. Эту же мысль Ленин повторяет в другой статье «О мелкобуржуазных партиях», в которой он говорит: «Нет сомнения в том, что социалистический переворот и переход от капитализма к социализму неизбежно должен принять особые формы в стране, в которой численность крестьянского населения значительна». Не считая наличие значительного количества мелкокрестьянских хозяйств непреодолимым препятствием к социалистической переделке общественных отношений, Ленин в то же время подчеркивает: «Мы прекрасно знаем, что в странах с мелким крестьянским хозяйством переход к социализму невозможен без целого ряда постепенных предварительных ступеней»³.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 124.

² Там же, стр. 75.

³ Там же, стр. 592.

Русская революция, открывшая эпоху всемирной пролетарской революции и выдвинувшая русский пролетариат в качестве застрельщика мирового революционного процесса, не вскружила головы его передовому отряду—коммунистической партии. Большевики не ставили перед собою невыполнимых, чисто утопических задач. Но в практике революционной борьбы они разбили и отвергли ложные упрощенные меньшевистские представления о переходе от капитализма к социализму, о возможности социалистической революции лишь при условии немедленного и полного введения социализма. Со всей четкостью большевики выдвинули вопрос о целой системе переходных, промежуточных ступеней, которые ведут к социализму и которые должны сообразоваться и соответствовать как общеисторическим условиям, так и конкретным внутренним особенностям каждой страны. Темп и формы перехода к социализму зависят от того, на какой ступени капиталистического развития находится страна, вступающая на путь социалистического преобразования. Ясно, что короче и легче всего совершится переход к социализму в тех странах, в которых сложился государственно-монополистический капитализм. С другой стороны, понятно также, что страна, поставленная в силу ряда исторических условий перед необходимостью социалистического преобразования, но в которой преобладают мелко-крестьянские хозяйства,—не может помышлять о непосредственном переходе к социализму; в ней речь может идти на первых порах лишь о переходных, промежуточных ступенях, о последовательных этапах, ведущих к социализму. При этом условии содержание переходного периода будет несколько отличным в разных странах. В промышленно развитых странах задачей рабочего класса, достигшего политического господства, будет являться быстрое и радикальное уничтожение всех основ капиталистической формации. В странах иного типа речь может идти о том, чтобы рабочий класс с помощью опорных решающих позиций, находящихся в его руках, вел мелко-буржуазное крестьянское хозяйство к социалистическому развитию, минуя дальнейшее стадии капиталистического процесса.

Мы видим, таким образом, что коренная задача более или менее отсталых стран с преобладанием мелко-крестьянского хозяйства заключается в том, чтобы подтянуть и подвести отсталые участки к некапиталистическому пути развития, перевести их через ряд промежуточных ступеней на рельсы социалистического строительства. Переход к социализму, таким образом, должен пониматься не как однократный акт, а как целый процесс, распадающийся на ряд промежуточных, предварительных и последовательных ступеней.

Правильность подобной постановки вопроса лучше всего была продемонстрирована на опыте нашей революции. В условиях революции 1917 г. в России программа большевиков во главе с Лениным сводилась не к тому, чтобы сразу же и непосредственно вводить социализм, а предпринимать лишь такие шаги и осуществлять лишь такие конкретные мероприятия, которые по своему существу не являлись целиком и полностью социали-

стическими, но наносили сильнейший удар по капитализму и были вместе с тем необходимыми шагами, которые прокладывали путь и приближали нашу страну к социализму. Еще на апрельской конференции в своем докладе, в котором намечалась программа и тактика большевистской партии в разворачивавшейся революции, Ленин указывал: «Мы не можем стоять за то, чтобы социализм «вводить».—Это было бы величайшей нелепостью»¹. И в другом месте, полемизируя с Каменевым по этому вопросу, Ленин ссылается на свои известные тезисы: «... Здесь я подошел ко второй ошибке в приведенном рассуждении Каменева. Он упрекает меня в том, что моя схема «рассчитана» на «немедленное перерождение этой (бур.-дем.) революции в социалистическую». Это неверно. Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение нашей революции в социалистическую, а прямо предостерегаю против этого, прямо заявляю в тезисе № 8: «Не введение социализма, как наша *непосредственная задача*»². Социализм не вызревает в готовом виде в недрах капиталистического общества и революция, следовательно, не приводит к быстрой, механической, всесторонней смене капитализма социалистическим способом производства. Переход к социализму—это революционный процесс, протекающий в различных формах в зависимости от конкретных исторических условий и от уровня развития той или иной страны. «Если даже революция началась при обстановке, которая кажется не очень сложной, то сама революция в своем развитии *всегда* создает *исключительно* сложную обстановку. Ибо революция, настоящая, глубокая, «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождения нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей»³.

Но если вопрос ставится не о введении социализма сразу и непосредственно, если переход к социализму понимается как процесс, распадающийся на ряд конкретных и последовательных ступеней, то в чем же заключается движение к социализму, каков должен быть характер и какова должна быть программа переходных мероприятий, прокладывающих путь к социализму? Отвечая на этот вопрос, мы опять обращаемся к богатейшему опыту русской революции и попытаемся разобрать ту систему переходных мероприятий, которую выдвигал Ленин в 1917 г. между февралем и октябрём. Однако мы спешим оговориться. Мы не думаем, что эта система может быть целиком применена по отношению ко всем отсталым, в том числе и восточным странам; как и раньше, для нас несомненно значительно более ценным является выяснение ленинского подхода при назначении им в указанный период программы переходных мероприятий. Как известно, в программу эту входило: национализация земли, банков, синдикатов, контроль над производством и т. д. На первый

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 423.

² Там же, ч. 1, стр. 35.

³ Там же, ч. 2, стр. 243.

взгляд одни из этих мероприятий могут быть отнесены к числу чисто буржуазных по своему существу, другие же прямоком зачислены в ряд социалистических. Но решение этого вопроса не так просто. Останемся, поэтому, на каждом из этих мероприятий.

Начнем с национализации земли. Известно, что это такой шаг, который принципиально может быть осуществлен в рамках капиталистического общества, поскольку национализация не затрагивает основ капиталистического хозяйства, основ буржуазной частной собственности. Наоборот, ее осуществление в определенной обстановке может создать идеальные условия для капиталистического развития. Однако, как Маркс, так и Ленин, не ограничивали этим свою оценку значения национализации земли с точки зрения пролетарской революции. В статье против Кригэ Маркс писал: «Мы вполне признаем движение американских национал-реформистов в его исторической правомерности. Мы знаем, что это движение стремится к достижению такого результата, который, правда в данную минуту, дал бы толчок развитию индустриализма современного буржуазного общества, но который, будучи плодом пролетарского движения, неизбежно должен в качестве нападения на земельную собственность вообще, и в особенности при существующих в настоящее время в Америке условиях, повести дальше, благодаря его собственным последствиям, к коммунизму». Комментируя эту статью, Ленин подчеркивал, что постановка вопроса Марксом в противовес Кригэ должна и для русских служить примером. Ленин особенно обращал внимание на то, что Маркс усматривал революционную сторону в нападении на поземельную частную собственность и расценивал мелкобуржуазное движение против земельной частной собственности как своеобразную первоначальную форму пролетарского коммунистического движения.

И эта постановка вопроса целиком отвечала условиям русской революции 1917 г. Предшествующее развитие капитализма в нашей стране, с одной стороны, и война, причинившая неслыханные бедствия—с другой, привели к тому, что ни пролетариат, ни революционная мелкобуржуазная демократия не могли ограничиться рамками капитализма. «При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму. Нельзя бороться с бедствиями войны, не делая таких шагов¹.

Точно так же Ленин ставит вопрос о национализации банков. На вопрос, является ли эта мера социалистической, вторгается ли власть, осуществляющая это мероприятие в отношении частной собственности, Ленин отвечает отрицательно—«это *еще не социализм*». И далее Ленин разъясняет, что нельзя смешивать национализацию банков с конфискацией имущества. Сама по себе национализация банков не уничтожает частной собственности, но в то же время создает целый ряд таких преимуществ

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 145.

для трудящихся масс, для рабочих и крестьян, которые облегчают переход к социализму. Национализация банков способствует государственному учету и контролю за всеми операциями, препятствует утайке от государства всяких темных дел, позволяет контролировать распределение важнейших продуктов и наладить регулирование экономической жизни. Для крестьянства национализация банков является приемлемой уже постольку, поскольку в филиалах государственного банка оно получало бы значительно легче кредит и на более выгодных для себя условиях. Национализация банков сэкономила бы содержание аппарата и облегчила бы одновременно национализацию и централизацию деятельности всех страховых компаний.

«Государство же впервые получило бы возможность сначала *обозревать* все главные денежные операции, без утайки их, затем контролировать их, даже регулировать хозяйственную жизнь, наконец, получать миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя «за услуги» бешеных комиссионных господам капиталистам»¹. И понятно, почему Ленин с точки зрения продвижения к социализму придавал исключительное значение такому мероприятию, как национализации банков. Централизация мощного счетоводческого, финансового аппарата, вполне осуществимая в условиях революционно-демократической власти, является шагом к социализму, а в условиях диктатуры пролетариата неизмеримо приближает полное торжество социализма. Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлюще. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике,—это уже $\frac{9}{10}$ *социалистического* аппарата. Это общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества»².

Точно так же Ленин разрешал вопрос о национализации синдикатов, о принудительном синдицировании, о введении трудовой всеобщей повинности и т. д. Каждое из них—громадный шаг к социализму. Этой ленинской постановке вопроса о переходном периоде мы придаем с точки зрения нашей темы исключительное значение. Для Ленина социализм появляется не сразу, не в виде манны небесной откуда-то из-за облачных высот, а вырастает из отдельных конкретных мероприятий. Считаясь с тем, что в стране преобладает мелкокрестьянское хозяйство, и не задаваясь целью ввести немедленно и непосредственно социализм, Ленин в то же время развернул такую программу мероприятий, которая последовательное со-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 185.

² Там же, стр. 231.

циалистическое преобразование нашей страны ставила на твердую материальную почву. Чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может,—говорил Ленин. Есть что-то среднее, что то новое, неслыханное. *«Вопрос о том, чтобы сделать тот шаг, который нам сейчас нужен»*. Для Ленина социализм не волшебная музыка отдаленного будущего, а процесс, распадающийся на сугубо-конкретные и последовательно проводимые мероприятия. «Главный недостаток и главная ошибка всех рассуждений социалистов в том, что вопрос ставится слишком обще—переход к социализму. Между тем, надо говорить о конкретных шагах и мерах. *Одни из них назрели, другие еще нет. Сейчас мы переживаем переходный момент»*¹.

Действительно, общие абстрактные представления о социализме неизбежно обрекали горе-социалистов на соответствующие политические ошибки. Заслуга Ленина как раз в том, что он в период перерастания русской революции от буржуазного к пролетарскому этапу сумел увязать переход к социализму с конкретными жизненными условиями, из которых этот переход практически выросал. Люди толковали о неподготовленности России к социализму, об отсутствии необходимых предпосылок и не замечали того, как сама обстановка империалистической войны, жесточайшего голода и разорения заставляла делать такие шаги, которые приближали нашу страну к социализму. «К вопросу о социализме наши эсеры и меньшевики подходят по-доктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины. Они представляют социализм чем-то далеким, неизменным и темным будущим. А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно *практически* из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»².

Но если переход к социализму по Ленину представлялся в виде целой цепочки последовательно проводимых практических мероприятий и если Лениным намечалась целая программа конкретных шагов к социализму, то было ли все это им надумано, взято из головы, или же вытекало из определенной исторической обстановки и ставилось в зависимость от тех или иных условий? Конечно, Ленин не отрывался от почвы марксизма, не занимался утопическим изобретательством, не насилывал революционную практику, а обобщал ее, освещая в ней контуры будущего социализма. Раньше всего, что вынуждало, по мнению Ленина, необходимость шагов к социализму? «Голод. Расстройство хозяйства. Грозящий крах. Ужасы войны. Ужасы ран, наносимых войной человечеству». Далее, чем эти шаги обуславливал Ленин? Они должны были вытекать из нужд масс, необходимость в них должна была сознаваться подавляющим большинством населения, они должны были быть именно тем, «что необхо-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 422.

² Там же, стр. 209.

димо бедному народу настоятельно и немедленно. Без таких мер нельзя спасти народ от голода и гибели»¹.

Но мало того. Эти мероприятия должны назреть в экономической действительности, должны быть экономически вполне осуществимыми. Ленин решительно возражал против обвинений большевиков в том, что последние будто бы хотели ввести социализм в России, не считаясь ни с уровнем техники, ни с обилием мелких предприятий, ни с привычками и волею большинства населения. У Ленина речь шла исключительно о таких мерах, которые «вполне одобряются массой бедных, т. е. большинством населения, о таких мерах, которые технически и культурно вполне назрели, доставляют немедленное облегчение жизни бедноте и позволяют ослабить тягости войны и распределить их равномернее»².

И если Ленин обрушивался тогда против меньшевистских концепций о неподготовленности России к социализму, если он называл это доводом крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе, то вместе с тем Ленин, не давая простора своей фантазии, не подменяя научный анализ революционным нетерпением, при наметке переходных мероприятий не выходил из рамок экономической обусловленности. «Никаких преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, Коммуна, т. е. Советы рабочих и крестьянских депутатов, не «вводит», не предполагает «вводить» и не должна вводить»³.

Ленин, как видим, не сходил с рельс экономического обоснования предлагаемых им переходных мероприятий. В ряде мест он подчеркивал, что степень развития капитализма, уровень техники и культуры обуславливает их характер. Ленин указывал, что идти вперед революционной России XX века нельзя, не идя к социализму. Но шаги к социализму определяются степенью экономического развития. «Крупное машинное хозяйство нельзя «ввести» в земледелие крестьян, его нельзя отменить в сахарном производстве». Вот почему в апреле 1917 года Ленин в проекте изменений программы нашей партии предлагал вставить следующий пункт, проливающий свет на его постановку вопроса о переходных мероприятиях: «Высокая ступень развития капитализма, уже достигнутая в банковом деле и в трестированных отраслях промышленности, с одной стороны, а с другой стороны—разруха, созданная империалистической войной и отовсюду вызывающая требование государственного и общественного контроля за производством и распределением важнейших продуктов, побуждает партию требовать национализации банков, синдикатов (трестов) и т. д.»⁴.

Итак, мы видим, что учение Ленина о переходном периоде к социализму, конкретизированное им в полосу перерастания нашей рево-

¹ Ленин, т. XIV, ч. 2, стр. 94.

² Там же.

³ Там же, стр. 47.

⁴ Там же, ч. 1, стр. 116.

люции от буржуазно-демократического к пролетарскому этапу, предполагало целый ряд конкретных мероприятий, вытекавших из нужд масс, назревших в экономической действительности и соответствовавших степени развития капитализма в нашей стране. Но для полной характеристики этих ленинских «шагов» к социализму нам хотелось бы изложение ленинских взглядов на этот предмет дополнить его постановкой вопроса об отношении крестьян к намечаемой Лениным системе переходных мероприятий. Для нас этот вопрос представляет сугубую важность. Мы знаем, что именно крестьяне выступают в качестве носителей буржуазно-демократического характера начального этапа нарастающих революций в отсталых колониальных и полуколониальных странах. Гегемония пролетариата, осуществляемая на этом этапе революции, не может идти вразрез с интересами основных масс крестьянства. Как же последние отнесутся к мероприятиям переходного периода? Весьма показательны, что Ленин именно под таким углом зрения рассматривал известную нам программу переходных мероприятий, тщательно взвешивая, будут ли крестьяне за или против этих мероприятий. Мы приведем целиком соответствующее место из Ленина, представляющее для нас существенный интерес не только потому, что Ленин с наибольшей полнотой раскрывает в нем содержание переходных мероприятий, как они рисовались ему в первые месяцы нашей революции, но и потому, что это место бросает свет на ленинский подход, ленинскую методологию в этом вопросе.

«Может ли большинство крестьян в России,—спрашивал Ленин,—потребовать и ввести национализацию земли? Несомненно, да. Есть ли это социалистическая революция? Нет. Это *еще* буржуазная революция, ибо национализация земли такая мера, которая совместима с капитализмом. Но это в то же время *удар* частной собственности на важнейшее средство производства. Такой удар *усиливает* пролетариев и полупролетариев неизмеримо больше, чем это бывало в революциях XVII, XVIII, XIX веков.

Далее. Может ли большинство крестьян в России высказаться за слияние всех банков в один? за то, чтобы в каждой деревушке было отделение одного общенационального государственного банка? Может, ибо удобства и выгоды для народа несомненны от такой меры... Возможно ли экономически, немедленно провести такое слияние всех банков в один? Несомненно, вполне возможно. Есть ли это социалистическая мера? Нет, это *еще не* социализм.

Далее. Может ли большинство крестьян в России высказаться за то, чтобы синдикат сахарозаводчиков перешел в руки государства, под контроль рабочих и крестьян и чтобы цена сахара понизилась? Вполне может, ибо это большинству народа выгодно. Возможно ли это экономически? Вполне возможно, ибо синдикат сахарозаводчиков не только на деле слился уже хозяйственно в один производственный организм общегосударственного размера, но и *стоял уже* под контролем «государства» (т. е. чиновников, служащих капиталистам) еще при царизме. Будет ли пе-

реход синдиката в руки демократически-буржуазного, крестьянского государства социалистической мерой? Нет, это еще не социализм. Г-н Плеханов легко убедился бы в этом, если бы вспомнил общеизвестные истины марксизма.

Спрашивается: такие меры, как слияние всех банков в один и переход синдиката сахарозаводчиков в руки демократического крестьянского государства, *усилят или ослабят* значение, роль, влияние пролетариев и полупролетариев в общей силе всего населения? Несомненно, усилят, ибо это *не* «мелкохозяйские» меры, ибо возможность их создана как раз теми «объективными условиями», коих в 1889 году *еще* не было, кои теперь *уже* есть.

Такие меры неизбежно усилят значение, роль, влияние на все население, в особенности городских рабочих, как авангарда пролетариев и полупролетариев города и деревни. *После* таких мер дальнейшие *шаги* к социализму в России станут вполне возможны... переход России *действительно* к социализму *будет неизбежен*, и успех такого перехода *обеспечен*¹.

Следуя марксо-энгельсовским указаниям о том, что мелкокрестьянское хозяйство нужно не уничтожать, а переделывать, Ленин соответственно разрабатывал тактику по отношению к крестьянству, намечая такие пути перехода к социализму, при которых пролетариат не отрывался бы от своих крестьянских резервов. Ленин при этом считал принципиально допустимыми уступки основной массе крестьянства, при том, конечно, условии, что эти уступки не окажут отрицательного влияния на судьбы пролетарской революции. Так, в первые дни Октябрьского переворота Ленин говорил, что мы не должны ссориться с крестьянами из-за вопроса об уравнительности, к которой они стремятся и при условии, когда ими поддерживались все наши социалистического характера мероприятия. Сколько бы мы, авангард пролетариата, ни сознавали преимущества крупного коллективного социалистического сельскохозяйственного производства перед частным и индивидуальным, все же мы не должны эту высшую форму навязывать крестьянам. Придет время, и сами крестьяне,—говорил Ленин,—на живом опыте убедятся в целесообразности перехода к более высокой общественной организации хозяйства. Но даже эта уравнительность, взятая в определенных условиях, в свою очередь, была одной из переходных мер к социализму. В письме от 18 ноября 1917 года Ленин писал: «При согласии левых эсеров (а равно стоящих на их стороне крестьян) на рабочий контроль, на национализацию банков и т. д. уравнительное землепользование было бы лишь одной из *переходных* мер к полному социализму. Такие переходные меры пролетариату нелепо было бы *навязывать*, он обязан в интересах победы социализма уступить трудящимся и эксплуатируемым крестьянам в выборе этих *переходных мер*, *ибо вреда* делу социализма они не принесли бы»².

¹ Ленин, Собр. соч., том XIV, ч. 1, стр. 100—101. Курсив Ленина.

² Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 38.

Собственно на этом мы могли бы исчерпать наше изложение ленинской постановки вопроса о переходном периоде, изложение ленинской программы последовательно проводимых социалистических мероприятий, как они формулировались им в эпоху перерастания нашей революции 1917 г., или, точнее, между февралем и октябрём. Мы не ставили перед собой задачу осветить полностью в настоящей главе все учение Ленина о переходном периоде. Мы ограничились лишь начальными ступенями революции, не затрагивая вопроса ни об индустриализации нашей страны, ни о социалистической реконструкции сельского хозяйства, ни о кооперации, мы не касались проблемы военного коммунизма, нэпа и т. д., короче говоря, мы оставили вне рассмотрения последующие фазы социалистического строительства в нашей стране. К русскому опыту мы подходим под углом зрения использования его при постановке проблемы некапиталистической эволюции отсталых стран.

Для этой начальной фазы переходного периода вся намечаемая Лениным программа мероприятий по существу сводилась к установлению *своеобразной* системы государственного капитализма, который «при демократии Керенского был бы шагом к социализму, а при советской власти был бы тремя четвертями социализма»¹. Этой своеобразной форме государственно-монополистического капитализма Ленин придавал большое значение, поскольку в нем он усматривал материальную подготовку социализма, преддверие его, ту ступеньку исторической лестницы, между которой и социализмом никаких промежуточных ступеней нет.

Конечно, при победе пролетарской диктатуры в нашей стране и в меру успехов социалистического строительства наше хозяйство все больше характеризуется как последовательно-социалистическое по типу. В этих условиях может показаться устаревшей ленинская постановка вопроса о системе госкапитализма в до- и непосредственно послеоктябрьский период. Если мы напоминаем эту постановку вопроса, то только потому, что, по нашему мнению, при победе буржуазно-демократических революций в отсталых странах они на путях некапиталистической эволюции, в свою очередь, должны будут пройти через стадию *своеобразного* госкапитализма. «Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу* всего народа и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»².

При этом мы подходим к самому основному, к самому главному фактору революции, к вопросу о власти, определяющей все развитие революции, ее внутреннюю и внешнюю политику. «Несомненно,—говорил Ленин,—самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все»³.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XV, стр. 236.

² Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 208.

³ Там же, ч. 2, стр. 210.

Может ли быть создана в отсталых странах такая власть в результате победоносной буржуазно-демократической революции, которая обеспечила бы некапиталистическое развитие этих стран? На этот вопрос, как мы знаем, Ленин отвечал положительно. Гегемония пролетариата в этих революциях определила бы и классовую природу новой государственной власти. В этих условиях огромнейшую роль могут и должны сыграть советы на Востоке, которые вполне доступны самым отсталым народам, которые могут быть приспособлены к докапиталистическим отношениям и которые являются наиболее удобной формой организации пролетариата и беднейшего крестьянства. «...Установлено определенно, что всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея советов, что эти организации, советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя, и что работа коммунистической партии в этом направлении должна начаться немедленно во всем мире»¹. Так говорил Ленин в 1920 г., а с этого момента накопился огромнейший практический опыт, целиком подтверждающий ленинскую перспективу развития восточных стран. Уже антикапиталистическая и аграрная революция в Китае вынесла на своем гребне советы, как органы восстания и власти пролетариата и основных масс крестьянства. Дальнейший подъем революционного движения в колониальных и полуколониальных странах сделает советы всеобщей и повсеместной формой диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.

Подведем теперь итоги всему сказанному в настоящей главе. Обобщим те указания, которые мы могли извлечь из опыта первого года русской революции из соответствующего по времени ленинского учения о переходном периоде.

1. В противовес меньшевистским теориям, Ленин признает необходимым переходный период от капитализма к социализму. Социализм не вводится сразу и непосредственно. Переход к социализму предполагает ряд промежуточных ступеней. Характер и этапы переходного периода зависят от уровня развития страны.

2. Переход к социализму—это процесс, распадающийся на ряд конкретных, последовательно проводимых мероприятий. Отдельные шаги прокладывают путь к социализму.

3. Эти шаги должны вытекать из нужд масс, и необходимость их должна быть осознана большинством населения. Эти шаги должны назреть в экономической действительности и экономически должны быть вполне осуществимыми. Характер этих шагов должен определяться также степенью развития капитализма.

4. Переходные мероприятия в стране с преобладанием мелкого хозяйства должны быть увязаны с интересами основных масс крестьянства. Это положение приобретает особенное значение для тех стран, в кото-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 246.

рых буржуазно-демократическая революция открывает перспективу некапиталистического развития.

5. Программа переходных мероприятий при начальной фазе перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в основном сводится к своеобразной системе государственного капитализма, являющегося преддверием к полному и развернутому социализму.

6. Решающим вопросом революции, определяющим пути ее последующего развития, является вопрос о государственной власти. В этом смысле перспективы развития отсталых стран в нашу эпоху не могут внушать больших опасений. Советская власть как с точки зрения формы, так и с точки зрения классовой природы обеспечивает возможность постепенного и последовательного перехода к социализму и этих стран.

Отмечая эти методологические установки, которые должны служить для нас опорными пунктами в исследовании возможности некапиталистического развития той или иной отсталой страны, мы, вместе с тем, не должны забывать следующего основного указания Ленина по этому вопросу.

«Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за это дело»¹.

П. Прагер

---

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, часть 2, стр. 84.

ХАРАКТЕР РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. В ПРИБАЛТИКЕ¹

По вопросу о характере революции 1905 г. в Прибалтике издавна ведется спор. В 1906 г. спор этот перебросился даже в министерство юстиции, где он был продискутирован между судебными властями и представителями прибалтийского дворянства. Вопрос этот и до настоящего времени остается недостаточно освещенным даже в марксистской литературе.

Документы о революции 1905 г. в Прибалтике еще недостаточно разработаны и даже целиком не опубликованы. Существующая литература написана главным образом на основании воспоминаний и газетных сообщений, что часто приводит к таким курьезам, какие имеются, например, в эстонской литературе, где случайное лицо производится в вождя революции, в руководителя социал-демократической организации и народной милиции², а меньшевистские организации, обращавшиеся за помощью к радикальной буржуазии, превращаются в большевистские³. В этих воспоминаниях есть, конечно, и много ценного, но делать сколько-либо серьезные выводы только на основании одних воспоминаний, без сопоставления их с документами, невозможно. Наиболее серьезные работы по изучению пятого года в Прибалтике имеются на латышском и, частично, на русском языках.

Такое положение с литературой создает большие трудности в изучении этого вопроса. Задача автора настоящей статьи—это попытка внести некоторую ясность в имеющуюся в литературе оценку революции пятого года в Прибалтике.

---

¹ В связи с 25-летним юбилеем первой русской революции, редакция считает очень желательным обсуждение вопроса об особенностях и характере революции 1905 года в отдельных частях бывшей царской империи и призывает товарищей, работающих над историей прибалтийских стран, высказаться по проблемам, затронутым т. Пальвадре. Редакция

² «Eesti kirjandus» 1927 Tartu 165—167.

³ Сборник «1905 Eestis», Leningrad 1926.

I. БАЛТИЙСКИЕ БАРОНЫ-ДВОРЯНЕ О РЕВОЛЮЦИИ

Взгляд балтийского дворянства-баронства на революцию получил свое наиболее глубоко разработанное и отчетливое выражение в докладе Альфреда Гейзера, прочитанном им в 1906 г. в Лейпциге, на очередном съезде Всенемецкого союза¹. Первой причиной революции Гейзер считает «неимоверный экономический кризис», благодаря которому «русский мужик... приближался все больше и больше к разорению, что увеличивало и без того большую армию нищих». Второй причиной он считает «промышленное процветание и кризис», что сперва оторвало рабочих от земли, а потом бросило их в «страшную нужду». Третьей причиной—«всероссийский социализм получил хорошую почву для пропаганды».

Так рассматривает Гейзер причины русской революции. Переходя к революции в Прибалтике, он говорит: «мы видим латышей и эстонцев в отчаянной национальной борьбе, борющихся против ненавистных немцев и против русского государственного управления». Утверждение отчасти правильное, но Гейзер не любит правильных выводов и продолжает: «всем, чем они (эсты и латыши) владеют, они обязаны немцам и без немецкого управления они едва ли достигли бы свободы и самостоятельности; напротив, будучи в течение столетий руссифицированы, они подчинились бы тому чиновническому произволу и испорченности, той экономической нищете и той же духовной слепоте, как и русское крестьянство... Уже к концу 60-х годов прошлого столетия в балтийских провинциях не было ни одного неграмотного, между тем как во внутренних губерниях России, еще сегодня 90% населения не умеет ни читать, ни писать...» И еще говорят, что «оно (балтийское баронство.—Я. П.) будто бы угнетало и притесняло крестьян и этим восстановило их против себя. Сколько здесь лжи». Ибо «балтийское дворянство совершенно добровольно освобождало крестьян против желания русского дворянства... Пусть бунтует русский крестьянин, а среди латышей в остзейских провинциях царит полная зажиточность».

Гейзер выставляет два противоположных, взаимно друг друга исключаящих положения: первое—национальная ненависть против «немцев» и второе—благодаря этим «немцам» в Прибалтике существует полная зажиточность и культурность латышей и эстов. Чтобы выйти из этого противоречия, Гейзер доказывает третью «истину», что латыши и эсты не были бы национально враждебны к помещикам-немцам и не восставали бы, если бы «культурно-отсталые движущие силы русской крестьянской революции не побудили национальную ненависть латышей и эстов против их учителей и благодетелей». И чтобы устранить всякие сомнения, он патетически восклицает: «Когда желают познакомиться с причинами балтийской революции, то следует обратиться к чиновной Руси: политика обрусения 80-х годов породила революцию 1905 г.»

¹ Альфред Гейзер, «Русская революция и балтийское немецество». Дело КМВД № 49 за 1907 г.

Громоотвод как будто найден: зажиточные и культурные эсты и латыши в конце концов выступили не против немцев—балтийских баронов, а против руссификаторства и против самодержавия. На это толкнуло их русское нищенское крестьянство.

Барон Мейендорф заявил в Государственной думе: «Я лично всегда приписывал революционное движение в Прибалтийском крае не национальным свойствам тамошнего населения, а более или менее успешной деятельности социалистической международной пропаганды»¹. Как видим, барон отрицает национальную вражду. По его мнению, беда заключается не в условиях внутреннего развития края, а в социалистах, которые тоже не местные, а «наносные». Точно таким образом эстонская и латышская клерикально-аграрная буржуазия в 1905 г. старалась уверять всех, что существующий у них социализм—«привозный» и в местном крае «не растет».

Предводитель эстляндского дворянства, барон Деллингаузен, в своем докладе министру юстиции, 20 сентября 1906 г., разъясняя характер революции в Прибалтике, выступает против деятельности прокуратуры, в своих обвинительных актах искусственно якобы выдвигающей на первый план значение «национальной ненависти и аграрных и экономических отношений». «В декабрьских смутах никто из участников,—пишет барон,—не упоминал о каком-либо столкновении на почве национального или аграрного движения. Социал-демократическим руководителям революционного движения чужды были чувства национальной розни и среди фабричного населения, составлявшего ядро всей боевой организации, равным образом аграрного вопроса не возбуждали. Они усматривали противника в каждом капиталисте и в каждом приверженце государственной власти.

По поводу «добровольного» освобождения крестьян, необходимо напомнить баронам, что капиталистическое развитие края и революционные выступления крестьян в конце XVIII и в начале XIX столетий привели Прибалтику к «Bauerverordnung» 1804 г. и к «птичьей свободе» или к освобождению крестьян без земли 1816—1819 гг.

Выступления 40-х годов заставили внести изменения в аграрное законодательство, а выступления в начале 60-х годов—окончательно оформить положение крестьян, причем это оформление было произведено так, что вся земля осталась собственностью помещиков: те 40% земли, которая была признана крестьянской, по существу давали крестьянину лишь право арендовать ее или выкупать от помещиков, а ничтожная часть населения края—балтийские бароны-помещики, не составлявшие даже 1/2%, пользовались 60% земли.

Безземельные, количество которых в Эстляндии доходило до 55,3%, а в Лифляндии до 75,4%, а также большинство арендаторов влачили нищенское существование. Что касается крестьян-собственников, которые покупали свои участки от тех же баронов, то за 1894—1896 гг. с молотка

¹ Речь Мейендорфа в Гос. думе 24 мая 1914 г.

было продано 2926 крестьянских участков, а в 1902 г.—20 445 крестьянских участков были заложены в помещичий аграрный банк за 35 миллионов рублей (это ведь 90% из всех участков) ¹.

Как видим, нет и тени той зажиточности и самостоятельности, о которых распространяются бароны. О «свободе» не приходится и говорить. Что касается грамотности, то бароны на народное образование из личного бюджета ландтагов расходовали на душу в Лифляндии только 4,3 копейки, в Эстляндии—1,1 коп., в то время как земства внутренних губерний расходовали 24,7 копейки. Оказывается, таким образом, что дело не в «баронском милосердии», не в «зажиточности» и не в «свободе»: латыши и эсты стали грамотными, благодаря неутомимому труду, который вызывался особыми требованиями капиталистического развития деревни. Влияние Запада, влияние капитализма подняло эста и латыша в культурном отношении выше русского крестьянина. Что касается руссификаторства 80-х годов прошлого столетия, то русский национальный гнет сыграл, конечно, свою революционную роль, но такую же роль сыграло и онемечение края. Народная масса выступала против всякого национального угнетения, исходящего как от немецкого баронства, так и от русского чиновничества и полицейского произвола.

Что касается аграрного вопроса, то последний является одним из основных вопросов революции 1905 г. в Прибалтике. Если взять весенний период 1905 г., то мы видим повсюду крестьянские сходки и постановления, касающиеся главным образом только аграрного вопроса. Так, арендаторы Энгесской волости Феллинского уезда в своей петиции пишут: «Ростовщичеству законом положены границы, а помещику никто не мешает взимать с арендатора столько, сколько ему угодно и сколько возможно, так как на это закона нет» ². Арендаторы волости Калью Гапсальского уезда пишут: «арендная плата слишком высока: так, за двор, имеющий 6 десятин плохой пахоты, владелец требует 125 рублей арендной платы в год. Так как почва неплодородна, то мы большею частью принуждены покупать себе хлеб, не говоря уже об аренде, которую мы принуждены зарабатывать на стороне» ³.

Аграрный вопрос не только играл значительную роль: вся совокупность аграрных отношений привела крестьянство Прибалтики в движение и заставила их не только писать петиции, но и с оружием в руках изменить эти отношения.

Тот вывод, к которому пришли балтийские бароны, «рассуждая» о характере революции, что она якобы была революцией социалистической, ничем не подтверждается. Если взять хотя бы постановления народных конгрессов Риги и Юрьева в ноябре 1905 г., то там говорится только о низвержении самодержавия и об установлении демократической республики. Так, Юрьевский съезд народных представителей от 27—29 ноября

¹ Я. Пальвад্রে, 1905 год в Эстонии, стр. 14.

² Постановление схода арендаторов Энгельской волости от 13 апреля 1905 г.

³ Постановление от 18 мая 1905 г.

1905 г. постановил, что нужно добиваться создания революционной власти на местах, созыва учредительного собрания, установления демократической республики в России, разрешения аграрного вопроса, уничтожения феодальных повинностей, конфискации помещичьей земли в муниципальную собственность, а крестьянской—продажи арендаторам или передачи в аренду сроком не менее чем на 12 лет; по рабочему вопросу—установления свободы союзов, стачек и т. д.

Все эти мероприятия, как мы видим, вполне достижимые при капиталистическом строе и вовсе не являются мероприятиями социалистического характера.

II. ОЦЕНКА РЕВОЛЮЦИИ СО СТОРОНЫ РУССКОГО ЧИНОВНИЧЕСТВА

Русское чиновничество, давая оценку революции 1905 г. в Прибалтике, исходит из совершенно противоположной тенденции. Оно оценивает ее как революцию, направленную исключительно против местного дворянства-баронства, т. е. против национального угнетения и против аграрных отношений.

Так, прокурор Судебной палаты Камышанский в рапорте от 29 ноября 1906 г. за № 7083 пишет министру юстиции: «В городах среди фабричных и заводских рабочих, в уездах, среди безземельных батраков и среди беднейших арендаторов мелких земельных участков пропаганда подготовила брожение и обострила недовольство экономическим положением. К недовольству этому в Эстландии присоединилась и умело разжигалась пропагандой та племенная вражда, которая в течение семи столетий составляет наиболее характерную черту во взаимных отношениях рабочего класса—эстонского племени и класса господствующего—немецкого по крови, воспитанию и языку»¹.

Камышанский категорически утверждает, что причинами революции являлись: во-первых, ненормальные экономические взаимоотношения между местным населением и баронством, обусловленные изданными дворянством законами, и, во-вторых, национальная вражда, поскольку «племя» немецко-баронское является господствующим классом, а «племя» эстов—местное население—эксплуатируемым классом. В основном взгляд Камышанского поддерживает член эстляндского губернского по крестьянским делам присутствия Мирон Пауль. На заседании Ревельского окружного суда в сентябре 1906 г. он утверждает, что: «отношения между крестьянами-эстами и помещиками обострились вследствие помещичьего произвола»².

Управляющий канцелярией вр. генерал-губернатор Кошкин в «Обзоре деятельности управления вр. генер.-губерн. за 1905—1908 гг.» пишет: «Эко-

¹ Дело 1-го деп. мин. юст., 1 уг. отд., 1 делопроизв. за 1906 г. № 2026, архивн. № 4267.

² Дело 1-го деп. мин. юст. 1906 г. № 2026, архивн. № 42.

номическое положение края представляет в высшей степени резкие контрасты: на одной стороне находятся крупные дворянские землевладения, с богатыми замками и обширными промышленными предприятиями, а на другой—малоземельные в большинстве участки латышей и эстов, со множеством безземельных батраков и массы необеспеченного материально заводско-фабричного люда».

«Дворянам землевладельцам принадлежат права по местному управлению, ведение земского дела, обложение населения сборами и повинностями, назначение пасторов, право охоты и пр. Крестьянам землевладельцам остается в удел зависимое положение и задолженность за купленную у помещиков землю, часто совершенно безнадежную, несмотря на самый упорный труд. Немцы всегда держались в роли былых завоевателей...»¹ Обзор написан в Риге 24 мая 1908 г. Кошкин видит причины революции в тех же обстоятельствах, что и Камышанский, и прибавляет, что эсты и латыши уже «родились социал-демократами».

Даже один из руководителей карательной экспедиции, командир 4-го морского батальона Протопопов, в январе 1906 г. в своем рапорте из Крейцбурга пишет, что помещики не могут вернуться, так как население их ненавидит и восстановление нормальных отношений между ними и крестьянами почти невозможно. Он предлагает открыть крестьянский банк, через который сельскохозяйственный пролетариат мог бы, хотя частично, осесть на землю, и тем уменьшилось бы число революционеров². В таком же духе выступает и начальник управления земледелия и государственных имуществ Прибалтийских губерний: «Ввиду сего, если еще не настало время для перевода означенных крестьян на обязательный выкуп, то во всяком случае было бы необходимым принять какие-либо меры к ограничению произвола собственников (помещиков.—Я. П.) при назначении арендных и продажных цен, на что крестьяне очень часто жалуются»³.

В общем в известной мере приходится признать правильность суждений русского чиновничества о причинах и характере революции 1905 г. в Прибалтике. Но чиновники, как верные слуги русского царского правительства, «забыли» только одну «мелочь»—отношение царского правительства к Прибалтике и к порядкам, установленным там балтийским дворянством. Балтийское дворянство уже с момента завоевания края Россией в 1710 г., на основе особых договоров, заключенных с завоевателями, занимало особое положение, пользуясь монопольными правами во всех областях жизни края. Царское самодержавие всегда смотрело на Прибалтийский край, как на свою колонию, и эстам и латышам, как нациям, не было предоставлено одинаковых прав с немцами-баронами. Баронский произвол поддерживался царским самодержавием, и крестьянские выступления против баронов всегда жестоко усмирялись царскими войсками.

¹ Дело КМВД за 1907 г. № 49.

² Дело Арх. главн. морского штаба, № 28172 за 1906 г.

³ Отношение к Главн. упр. землед. за № 28 от 14 ноября 1905 г.

Не желая раскрыть эту сторону вопроса, чиновники замалчивают революционную борьбу в Прибалтике против русского самодержавия и русского чиновничества.

III. ОЦЕНКА РЕВОЛЮЦИИ СО СТОРОНЫ МЕСТНОЙ БУРЖУАЗИИ

В двух предыдущих главах мы рассматривали оценку революции со стороны так называемого пришлого элемента или, проще говоря, колонизаторов Прибалтийского края, теперь познакомимся со взглядами верхушечного слоя или класса уже местно-национального, т. е. со взглядами местной городской и аграрной буржуазии.

Представитель городской буржуазии, присяжный поверенный Иван Поска, в начале сентября 1906 г. в Ревельском окружном суде в качестве эксперта говорил о причинах революции следующее: «При агитации перед выборами в Государственную думу аграрный вопрос интересовал всех. На городских собраниях депутаты крестьяне настаивали на том, чтобы будущие депутаты ходатайствовали об изменении поземельных отношений. Понятия помещик и немец-барон почти совпадают, из помещиков только 6—8% не бароны. Общественные повинности раскладываются ландтагом. Крестьяне полагают, что раскладка ландтага несправедлива, и такие несправедливости действительно имели место. Повод к неудовольствию дает и то, что крестьянские общественные учреждения существуют исключительно на их средства, тогда как их услугами во многих случаях пользуются и помещики. Крестьяне не были наделены землей. К розни классовой и экономической присоединилась еще рознь национальная»¹.

Если познакомиться с выступлениями представителей радикальной и просто городской буржуазии в Ревельской городской думе: Теманта, Пунг и др., то оказывается, все они указывают на тяжелое национальное угнетение, как на основу бедствий в Прибалтике. Следует напомнить, что в 1904 г., во время выборов в думу, эстонская городская буржуазия заключила даже блок с русской буржуазией и чиновничеством против балтийских баронов. И блок этот сохранился и в 1905 г., когда городская буржуазия требовала уничтожения национальных привилегий и установления демократических свобод.

На основании выступлений этой группы буржуазии можно сделать заключение, что она видела причины революции: 1) в национальном угнетении, 2) в совпадении классового расслоения с расслоением по линии национальностей. Поскольку основная сила немцев-баронов была в земельной собственности, то стрелы буржуазии направлялись также и против существующих аграрных отношений.

Один из представителей другой группы буржуазии—аграрно-клерич-

¹ Дело 1-го деп. мин. юст., уг. отд., 1 дело пр., 1906 г. № 2026, арх. № 4267, лл. 13—14.

кальной—Антон Юргенштейн пишет: «Эстонцам, угнетенному меньшинству (здесь меньшинство понимается в общероссийском масштабе.—Я. П.), не за что (или не были обязаны) принести себя в жертву за политические реформы России в первую голову»¹. Тем более, что «особенно недовольство росло среди безземельных»². Но и безземельные не являются революционерами, а революционеры вот где: «студент из евреев, выступая в Юрьеве, говорил: «Москва горит, Петербург горит, Ревель горит, почему не горит Юрьев?»³. Задача эстонцев заключается в том, чтобы договориться с балтийцами—помещиками-немцами и вытеснить совместно с ними русских чиновников из школьного дела⁴.

Этот представитель крупной земельной собственности эстонцев рассматривает революцию пятого года только как часть или отпрыск русской революции, и поэтому у местного населения нет, по его мнению, особых задач, касающихся вопросов края, если не считать необходимости договориться с баронами и вытеснить русское чиновничество. Революционный и социалистический пыл—это явление инациональное, ибо у эстов нет требования «пожаров» и революционных действий. Безземельные—редкое исключение. Но поскольку безземельные только нарыв на эстонском теле, то с ними нет надобности считаться, эту болячку просто надо вырезать. Так говорила и думала эта группа аграрной крупной буржуазии, имеющая по 500—2000 десятин купленной земли. Их орган «Postimees», уже с 1897 г. вел кампанию за приравнение их политических прав с правами баронства и выступал против радикальной буржуазии, упрекая ее в том, что она разжигает только ненависть между местным населением и помещиками; а в 1904 г. «Postimees» прямо требует общей с баронами работы «на пользу народа»⁵.

Крупная аграрная буржуазия возглавлялась пасторами, как например Рейман у эстонцев и Недра у латышей. Пасторы лютеранских церквей—ставленники баронов (патронатное право)—сами являлись помещиками, поскольку в их владениях находились церковные имения и церковные волости податных крестьян. По своему классовому положению они приближались и некоторой частью стояли уже довольно близко к балтийским баронам. Поэтому понятно, что взгляды этой группы буржуазии, возглавляемой пастором Недра и редактором Вейнберг, имели своим лозунгом уже приводившееся выше требование: политическое равноправие с баронами и общая с ними работа «на пользу народа».

Участие этой группы аграрной буржуазии в революции пятого года выражалось в том, что она, вместе с баронами, приглашала карательные отряды; пасторы являлись даже осведомителями этих отрядов. Лишь более

¹ Anton Jurgenstein, «Minu malestused», ч. 1, изд. «Noor Eesti», Tartu 1926 г., стр. 189.

² Там же, стр. 187.

³ Там же, стр. 177.

⁴ Там же, стр. 182.

⁵ Газ. «Postimees» № 40 за 1904 г.

передовая часть их протестовала против действий карательных отрядов и подвергалась для видимости даже аресту¹.

Что касается городской радикальной буржуазии, то она пыталась даже стать во главе движения, так что иногда представители ее считались даже социал-демократами, а их газеты—газетами партии. Так было с ревельской газетой радикальной буржуазии «Teataja». Некоторые из эстов стараются и сейчас еще доказать партийный характер этой газеты и указывают на ее статьи как на статьи социал-демократические, директивные, даже... большевистские². Неправильность подобных утверждений легко установить и сейчас по этим же статьям. Радикализм и демократичность не являются еще партийным признаком социал-демократии.

Ленин характеризует эту часть демократической буржуазии указанием, что буржуазная демократия стремится опереться на возможно более широкие круги народа, и что она «по природе своей осуждена на нерешительность и на половинчатость»³.

Действительно, после побоища, устроенного полицеймейстером Норбеком (1 мая 1905 г. в Ревеле), радикальная буржуазия в лице Теманта выступала в городской думе с нападками против правительства. Городская дума даже учредила комиссию для расследования этого случая. Этим она хотела показать свою революционность и преданность народу. Точно так же после расстрела 16 октября 1906 г. городская дума отправляет телеграмму правительству о случившемся и требует свободы слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенности личности и созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Было даже постановлено организовать комитет защиты. На что-нибудь более революционное, чем просить царя созвать учредительное собрание для своего низложения, она не была способна. Возглавлять движение она не хотела. Только в ноябре пятого года под давлением социал-демократии, радикальная буржуазия стала говорить о низвержении царизма, уничтожении национального угнетения и об аграрной революции. Ревельские социал-демократы были слабы для того, чтобы создать в городе свою власть, но рижские социал-демократы сумели создать федеративный кабинет (из представителей разных социал-демократических организаций), хотя взять власть в свои руки они также не смогли, и в Риге, по выражению Стучки, было «двоевластие».

Буржуазия была так называемой революционной только потому, что немецкое дворянство, как собственник земли, как собственник больших торговых и промышленных предприятий и как местная власть—всюду занимало монопольное положение. Молодой эстонской и латышской буржуазии не было хода, и поэтому она неизбежно должна была стать на сторону упразд-

¹ Anton Jugrenstein. «Minu maletused» 1.

² Сборник «1905 Eestis», Ленинград, 1926 г.

³ Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 9.

нения монополюских прав балтийского дворянства-баронства. Упразднить же монополюные права баронства возможно было, только опираясь на рабочий класс и крестьянство. Радикальная буржуазия и пыталась на них опереться.

Движущими же силами революции являлись рабочий класс и революционное крестьянство; в составе последнего было 55—75% сельскохозяйственных рабочих. Все движение возглавлялось социал-демократией, несмотря на то, что она в то время была еще слаба. Крестьянство было более последовательно революционным, чем радикальная буржуазия, и это относится не только к батракам и бедноте, но и к середнякам и хуторянам, которые часто даже возглавляли революционное движение в деревне. Они были членами крестьянских революционных комитетов, признавали себя социал-демократами, вооружались и сражались с помещичьими и карательными отрядами. Социал-демократические требования были более близки крестьянам, тем более что социал-демократия в то время еще не выдвигала социалистических требований. Интересы рабочего класса и основной массы крестьянства совпадали, и поэтому понятно, что крестьяне так охотно шли за социал-демократией. Рабочие и крестьяне были единокордны в декабрьские дни, как единокордны они были и в первый период действий «лесных братьев».

IV. МАРКСИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О РЕВОЛЮЦИИ

А. Выдрина-Рубинская, в журнале «Печать и революция», категорически утверждает: «считаю революцию 1905 г. в Прибалтике несомненным отпрыском великой русской революции 1905 года». Рубинская не видит никаких особенностей революции в Прибалтике и не находит никаких особых, местных (кроме общерусских) причин для революционного там восстания. Революция в Прибалтике—простой «отпрыск» революции в России и причины первой являются причинами второй. Такой смелый и прямой вывод становится ясным, когда мы знакомимся с ее отрицанием существования колониального угнетения на окраинах и, в частности, в Прибалтике. Рубинская утверждает, что в Прибалтике «промышленность более развита, чем во внутренних губерниях и руководство РСДРП не может установить характера «крестьянской войны в обстановке, аналогичной с положением колоний в эпоху империализма»¹. В другом месте она пишет, что нельзя утверждать «об аналогичности положения Эстонии положению колоний в эпоху империализма, а эстонской революции—революционно-освободительной борьбе в колониях и полуколониях»². Почти такое же суждение имеет Р. Хабас и Р. Вакман в журнале «Пролетарская революция»³.

Аргументом против колониального положения Прибалтики у Рубин-

¹ Журнал «Печать и революция», кн. 8-я, 1927 г., стр. 146.

² Там же, стр. 147.

³ Журнал «Пролетарская революция» № 11 за 1927 г. и № 11—12 за 1928 г.

ской служит то, что в Прибалтике «промышленность более развита», чем во внутренних губерниях. Этот интересный аргумент совпадает со взглядом К. Каутского, который видит империализм лишь в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие *аграрные* (курсив Каутского) области. По такой теории для теперешней Латвии Лэтгалия должна быть аграрным придатком, поскольку она находится в Латвии на колониальном положении. К сожалению, Рубинская и Хабас проглядели то, что положение Каутского давно уже опровергнуто Лениным. Ленин пишет: «Для империализма характерно как раз стремление к аннексированию не *только* аграрных областей, а даже самых промышленных»¹.

Вторым аргументом против колониального положения Прибалтики является социал-демократическое руководство революцией к ней. Здесь Рубинская и Хабас проглядели постановление Коминтерна, где говорится, что буржуазно-демократическую революцию в колониях можно провести только под руководством коммунистической партии. Также не следует забывать коминтерновских директив Китайской коммунистической партии в уханский период, когда было указано на необходимость развернуть аграрную революцию в деревне и именно под руководством Китайской коммунистической партии. Можно, конечно, возражать, что пятый год был более двадцати лет тому назад и теперь многое изменилось. Все же, если мы вспомним работы Ленина до пятого года, то и это возражение отпадает.

Ленин о деревне писал, между прочим, следующее: «на деле же перед нами три различных по своим ближайшим и конечным целям класса: помещики, зажиточные и частью среднее крестьянство и, наконец, пролетариат». Дальше: «вместе с крестьянской буржуазией против всякого крепостничества и против крепостников-помещиков, вместе с городским пролетариатом против крестьянской и всякой буржуазии, таковая линия сельского пролетариата и его идеолога—социал-демократии»². Следует кроме того вспомнить, что Ленин вел ожесточенную борьбу против меньшевиков и троцкистов как до пятого, так и в пятом году, и потому, что они не признавали возможности крестьянской войны, и потому, что они не признавали крестьянство как союзника пролетариата в революции, и еще потому, что меньшевики, признавая буржуазную революцию, не признавали руководства социал-демократии, а предлагали руководство буржуазии. Революция в Прибалтике доказала именно правильное ленинское положение о крестьянской войне и о социал-демократическом руководстве революцией.

Положение, в которое поставили себя Рубинская и Хабас, видимо, есть следствие того, что они, во-первых, недостаточно знакомы с условиями, имевшими в 1905 г. место в Прибалтике, и, во-вторых, как видно, также недостаточно знакомы с большевистскими, ленинскими взглядами

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 307.

² Там же, т. VI, стр. 113.

на крестьянство, на колонии и на буржуазно-демократическую революцию.

Более правильно к оценке революции подходит один из эстонских товарищей, Анвелст, который в статье о революционном движении в Эстонии 1905 г. пишет: «Крайний экономический гнет в городе и деревне, политический гнет самодержавия и, между прочим, бессмысленный национальный гнет противостояли ко всему развитию. Эти причины, плюс крах русско-японской войны на Дальнем Востоке и обуславливали, в первую очередь, революцию в Эстонии»¹. В другом месте этой же статьи он пишет: «В школе дети должны были обучаться на русском языке. Они должны были разговаривать с учителем и учениками по-русски... Больше всего национальный гнет влиял на интеллигенцию»².

Этот товарищ правильно начал свои суждения, но кончил недостаточно четко, если не сказать неправильно. Допущенная в одной части напрасная оговорка «между прочим» привела к неправильному выводу, что «национальный гнет больше всех влиял на интеллигенцию». Национальный гнет—вопрос не только интеллигенции. Интеллигенция знала русский язык, знала в своем большинстве и немецкий язык (ибо в Прибалтийском крае необходимо было знать именно эти два языка), но нисколько не должна была знать свой родной язык. На родном языке никаких дел ни в одном учреждении не велось и даже в волостях, где не было ни одного иностранца, переписка велась на иностранном языке. Какие же группы населения не знали иностранных языков и были заинтересованы в признании родного языка официальным языком? Кровно заинтересованы в этом были крестьяне, рабочие и большая часть мелкой буржуазии. Вот эти-то классы были в первую голову национально угнетены. Национальный гнет чувствовала и мелкая буржуазия, поскольку немецкое дворянство пользовалось монопольными правами самоуправления как в области экономической, так и в области политической. Таким образом заинтересованность в упразднении национального гнета была всеобщей. Поэтому одним из основных требований пятого года было именно требование национального равноправия и признания местных языков—эстонского и латышского—официальными, равноправными языками, на которых можно было бы вести дела во всех местных учреждениях. Трактовать же вопрос так, что национальный вопрос—это вопрос интеллигенции, неправильно.

Рассматривая вопрос о движущих силах революции, тот же товарищ пишет: «Не крестьянство и даже не сельскохозяйственный пролетариат были в Эстонии 1905 г. главными силами, начавшими движение, не они были и руководящей силой в продолжение всего движения, не они были и решающей силой»³. Спора нет, что революционное движение пятого года началось в городах среди рабочего класса и что рабочий класс—более органи-

¹ Сборник «1905 Eestis», Ленинград 1927 г., стр. 31.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 26.

зованный и более сознательный—играет руководящую роль в революции, но нельзя отрицать и того, что крестьянство Прибалтийского края еще до 1905 г. не раз выступало не только против помещиков, но и против военной силы русского самодержавия. Если взять 1905 г., то опять центром революционных действий мы увидим деревню, где организовалась местная революционная власть, где эта революционная власть организовала и свою вооруженную силу; мы увидим, что именно в деревнях произошли вооруженные схватки с помещичьими отрядами и карательными отрядами русского самодержавия. В деревнях велась настоящая война. В городах власть вообще не перешла в руки рабочего класса, и рабочие не сумели и не смогли организовать революционной власти, в то время как в деревнях и вне промышленных центров создались так называемые революционные республики, как Руенская, Туккумская, Гольдингенская, Газенпотская и др., которые в данных местностях являлись центрами революционной борьбы, имели свое войско и вели борьбу с войсками самодержавия. Царское самодержавие свои войска разослало также по деревням, а не по городам. Основные боевые схватки произошли опять-таки в деревнях, а в городах таких боев почти не было (если не считать боя у завода «Проводник» в Риге). Как бы кому ни хотелось признать крестьянство реакционным в пятом году, все же это опровергается фактами событий самой деревни, причем такой деревни, где большой процент сельского пролетариата.

Другой эстонский товарищ, Пегельман, о 1905 г. между прочим, пишет: «Социал-демократия, к несчастью, не имела даже основных вех в плане борьбы, даже самых элементарных предположений: какие силы в критический момент схватятся и что требует та схватка от участников... Несмотря на все это, чувствовалось, что как будто сущность революции состояла в аграрном вопросе... Двоякая сущность революции 1905 г., особенно проявившаяся в Прибалтике, где кроме гнета помещиков существовало и национальное угнетение, привела в замешательство в установлении плана борьбы и в оценке сил революции».

Дальше этот товарищ продолжает: «Впоследствии я понял неправильность оценки революции с перенесением центра движения из города в деревню. Я видел будущность революции все же в пролетарской борьбе. Перенесение центра тяжести борьбы из города в деревню было характерной чертой краха революции и ее внутренней слабостью»¹.

Что социал-демократия Эстонии не имела определенного плана борьбы—это правильно только отчасти, поскольку и прихвостни буржуазии хотели себя причислить к социал-демократам. У этой части, конечно, не было плана, не было плана также и у меньшевиков, которые совершенно не желали считаться с крестьянством, а ждали руководства со стороны буржуазии; не было плана и у троцкистов, которые игнорировали крестьянство и думали провести революцию только силами пролетариата. Большевицкая часть имела не только определенный план действий, но и вели-

¹ Сборник «1905 Eestis», стр. 99.

колепно учитывала движущие силы революции. Беда только в том, что социал-демократические группы в Эстонии не были еще объединены в одно целое, они даже не имели общей конференции (если не считать совещания в редакции с.-д. газеты «Undised» в 1904 году). Кроме того, среди социал-демократов существовало много течений, не было настоящего большевистского центра и руководства, не было ясности в работе.

Общая установка по линии РСДРП большевиков, в особенности после третьего съезда партии, была ясна. Ясно было и то, что основными движущими силами являются рабочий класс и крестьянство, ясны были также вопросы гегемонии пролетариата и руководства социал-демократии и даже создания революционных комитетов в деревне и установление временного революционного правительства. По этой линии и шла борьба в Прибалтике. Сожалеть о перенесении центра тяжести движения в деревню тоже не приходится, поскольку никто этого центра никуда не перенес, а именно так сложились революционные силы, и если уже приходится «сожалеть», то только о том, что социал-демократия сама достаточно не была организована и не сумела надлежащим образом руководить революционным движением и что городской пролетариат, и именно ревельский, не сумел взять власти, являясь «помощником» действующих в деревне революционных сил, хотя он и играл там руководящую роль. Рассматривать крестьянство как реакционную силу не приходится. Также не приходится считать ошибкой, что рабочий класс связался с крестьянством. Ошибкой является мысль, что революцию может совершить один рабочий класс или, что революция пятого года, хотя бы и в Прибалтике, могла бы быть социалистической.

Более четко подходят к рассмотрению революции пятого года латышские товарищи. У них нет шаблонного подхода. Например П. Стучка в статье «1905 г. в Латвии» пишет: «Будучи провинцией царской России, но состоя под «автономией» немецкого феодала-юнкера, этот край был совершенно отчужден от остальной России, и попытки прогрессивного младолатышского движения шестидесятых годов достигнуть сближения с Россией не привели к желательным результатам, ибо вслед за мероприятиями правительства в целях привлечения сочувствия крестьянского населения пошли меры, отталкивающие его, в виде политики насильственной денационализации (обрусения) латышей. Но и к Германии мы никакой серьезной тяги не замечаем, ибо для немецко-баронского режима русское самодержавие все-таки было ближе, надежнее и, главное, доходнее, чем, как-никак конституционная Германия»¹. Дальше т. Стучка продолжает: «Своеобразные условия края, где латышское население до начала XIX столетия было исключительно крестьянским и где все крестьянское население было исключительно латышским, в то время как все помещики были немцы и только немцы были помещиками, затушевывали классовые

¹ Сборник «1905» под ред. М. Н. Покровского, т. III, вып. I. От октября к декабрю, стр. 183—184.

противоречия помещика и крестьянина, несмотря на то, что гнет помещика был исключительно жестоким и вызывал как бы не классовую борьбу, а лишь сильное националистическое движение»¹.

В отношении пятого года Стучка совершенно правильно указывает, что латыши крестьяне не были едиными, что крестьянство имело внутри себя классы и классовые противоречия, но поскольку против них единым фронтом стояли помещики, то крестьянская буржуазия быстро пошла на уступки сельскому пролетариату и совместно с ним выступила против помещиков². Стучка указывает, что в Прибалтике *«действительно революция дошла до полной победы прежде всего в деревне. Там прежде всего образовалось революционное правительство. Но «гегемоном» все же была социал-демократия»*³.

Как видно, Стучка не отрицает национального характера революции и не отрицает также характера крестьянской войны в революции и в то же время подтверждает социал-демократическое руководство. Иначе было бы трудно и писать, ибо факты это упрямо доказывают.

Так же рассматривает революцию 1905 г. Янсон-Браун, который пишет: «Борьба с пережитками феодализма насильно толкнула в общий лагерь два класса с противоположными интересами: безземельных крестьян (батраков) и земельных крестьян-дворохозяев; все деревенское население дружным напором атаковало помещичьи замки, которые, несмотря на драгунские части и дружины самообороны, не в состоянии были выдержать натиска крестьянских масс»⁴. Называя городской пролетариат «возбудителем и двигателем революционного движения в деревне», Янсон-Браун говорит: «городскому пролетариату, в общей сложности, приходилось вести борьбу с тем же балтийским привилегированным сословием в лице помещиков—акционеров промышленных предприятий, фабричных директоров и мастеров, людей в большинстве своем помещичьего происхождения, не уступающих в своем бесстыдстве и подлости ключникам и управляющим имениями в деревне».

Балтийские немецкие бюргеры в городах—не что иное, как репродукция балтийских баронов и священнослужителей, отражение их в более грубом и дешевом издании; они так же цепко держатся за свое плутократическое городское управление, как наша юнкерская каста за свои привилегии в деревне. Кроме того, как в городской думе, так и в других учреждениях, непременно попадают те же бароны и «фоны». Где только ни представляется случай наживы, всюду участвует совместно с другими хищниками и «благородный юнкерский род»⁵.

О характере революции Янсон-Браун говорит: «Бесспорно, что в революции решающее слово принадлежит городскому пролетариату. В данном

¹ Сборник «1905», т. III, вып. 1, стр. 185.

² Там же, стр. 197.

³ Там же, стр. 234.

⁴ Янсон-Браун, «Революция в Прибалтике», стр. 63.

⁵ Там же, стр. 64.

случае приходится констатировать, что *не борьба городского пролетариата наложила свой отпечаток на революцию 1905 г., а поход крестьянских масс деревни против прибалтийских помещиков*¹. Как видно, и латышские товарищи приходят к выводу, что основная борьба в 1905 году происходила в деревне, что крестьянство в целом шло в наступление против балтийских баронов, что вопросы аграрные и вопросы национального угнетения подняли так высоко революционную волну в деревне, что к ней не «подоспел» пролетариат в городах (хотя в Риге и существовал федеративный совет и имелся намек на «двоевластие», как говорит Стучка).

* * *

Какой же характер имела революция 1905 г. в Прибалтике?

Рассмотрев оценку революции со стороны разных классовых группировок, необходимо сделать общий вывод и ответить на поставленный вопрос: какой же характер имела революция пятого года в Прибалтике? Ответ на этот вопрос «необходимо начать с рассмотрения другого вопроса: «находился ли Прибалтийский край на положении колонии? Никто, конечно, не станет отрицать, что революция в Прибалтике была непосредственно связана с российской революцией и от нее во многом зависела.

«Революционное движение в Прибалтийском крае прежде всего было связано с таковым движением во всей империи: без него оно немыслимо. Характерную для него резкость оно приняло потому, что в него кроме того влилась вековая ненависть коренного населения к пришлому немецкому элементу. Наконец, тому же содействовало сильное распространение учений социал-демократии, а также и аграрный вопрос. Более объективные из прибалтийских немцев всего этого никогда и не отрицали»². Так пишет историк Прибалтики, очень близко стоящий к баронам и вообще к верхушке населения края. Но неужели революция в Прибалтике была действительно немыслима без российской революции? Нет, это не так, Прибалтика имела все условия для революции и революционный взрыв был неминуем. Российская революция только ускорила момент взрыва и дала возможность так широко размахнуться созревшей в самой Прибалтике революционной силе.

Даже прокурор судебной палаты Камышанский в своем рапорте министру юстиции от 29 ноября 1906 г. говорит, что революция в Прибалтике была неминуема и без российской революции. Он пишет: «Уже четыре году тому назад, прокурор Ревельского окружного суда, статский советник Томашевский докладывал предместнику моему действительному статскому советнику Бунчу, что размеры классового антагонизма и непримиримой национальной розни и формы проявления вражды поселяют в нем уверенность в том, что Эстляндская губерния станет по прошествии нескольких

¹ Янсон-Браун, «Революция в Прибалтике», стр. 14—15.

² Г. И. Виграб, «Прибалтийские немцы», Юрьев 1916, стр. 171.

лет ареною кровавых столкновений. Прокурор ревельского суда, как это показали события, ошибся лишь во времени, и ошибка эта была вызвана тем, что в то время он не имел достаточных оснований предвидеть революционный вихрь, который в 1905 г. охватил некоторые части империи и пронесся по Эстляндии. Этому революционному движению надлежит, по имеющимся у меня сведениям, приписать наступление крестьянских беспорядков в Эстляндии ранее того времени, когда движение это все равно наступило бы и помимо усиленной пропаганды революционного периода, вследствие племенной вражды эстонцев к немцам и ввиду тяжести экономического положения эстонских землевладельцев»¹.

Ознакомление с положением края, с национальным угнетением и обострением классовых противоречий дает каждому достаточный материал для вывода о неминуемой революции в Прибалтике и независимо от русской революции. Каковы же те особые причины, которые вызвали бы революцию и без русской революции?

Одной причиной является, конечно, колониальное положение края, одним из признаков которого является национальное угнетение. Существовал ли национальный гнет в Прибалтике? Да. Ленин в речи швейцарской рабочей молодежи по случаю 12-летия 9 января 1905 г., между прочим, сказал: «Среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное движение. В России больше половины, почти три пятых (точнее 57%) населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют»². К этим трем пятым населения в полной мере относятся эстонцы и латыши Прибалтийского края. Они страдали под двойным национальным гнетом—русским и немецким: под гнетом царизма и балтийского баронства. Вообще, если говорить о национальном угнетении, то, конечно, надо говорить и о прибалтийских народностях.

Была ли революция в Прибалтике и крестьянской войной, т. е. было ли крестьянство одной из основных сил революции и выступало ли оно как целое против помещиков, против остатков феодализма и против привилегии баронства? Если революция была национально-освободительной, то частично это уже и есть признание крестьянской войны. Рассмотрим вкратце этот вопрос.

До XII столетия местное население—латыши и эсты были хозяевами положения. Прибалтийский край был самостоятельным во всех отношениях и торговля велась со всеми соседями. Начиная с конца XII столетия, открывается завоевание края со стороны немецких рыцарей. Это завоевание продолжается и в XIII и даже XIV столетиях. Местное население оказывает упорное сопротивление и каждую пядь земли приходится вырывать с ожесточенными боями. В XIV столетии, точнее в 1343—1345 гг., местное эстонское население, как один человек, поднялось против немецких рыца-

¹ Дело 1-го деп. мин. юстиции, 1 уг. отд., 1 делопроизв. за 1906 г. № 2026, лл. 7, 8.

² Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 2. Госизд. 1926 г., стр. 40.

рей, и это выступление вылилось в грандиозное восстание¹. Восставшие устанавливают три исходных пункта для наступления: первый—под Гапсалом, второй—под Ревелем и третий—под Оденпэ, недалеко от Псковского озера. В этих пунктах концентрируются силы. В то же время руководители восстания ведут переговоры со Швецией, Россией и с Литвой о заключении договоров и о помощи. На основе заключенных договоров, Швеция должна была дать военную помощь в Гапсальский и Ревельский пункты, и Псковская и Новгородская Русь—в Оденпэ, а Литва—занять Ригу и тем оказать помощь восставшим на острове Эзель. Срок выступления был назначен на 1 мая 1343 г., но, к сожалению, восстание началось 23 апреля, и союзники не успели прислать своей помощи. Так преждевременно начатое восстание было подавлено. Подавление совершилось тем легче, что рыцарский орден имел широкую сеть шпионов, причем предателем между другими оказался и ревельский датский епископ. Имея на руках планы восстания, рыцарский орден сконцентрировал свои войска под Вейзенштейном и там учредил главный штаб; другим местом концентрации сил были Валк и Мариенбург. Дольше всех выдержал остров Эзель, которому довольно сильную помощь оказала Литва. Итак восстание было подавлено. После этого рыцарский орден, при помощи Пруссии, создал кавалерийские карательные отряды и направил их по деревням. Местное население избивалось, а имущество подвергалось конфискации; оставшиеся же в живых были превращены в рабов. С того момента местное население лишилось земельной и всякой собственности и всех прав вообще. Это и было колониальным захватом.

Только в XIX веке крестьянство путем выкупа получило от баронов—потомков тех же рыцарей—право на частичную земельную собственность. Но кабальные условия выкупа привели к тому, что за 1894—1896 гг. было продано с молотка 2926 крестьянских выкупных участков и в 1902 г.—20445; 90% крестьянских участков были заложены в помещичий аграрный банк за 35 миллионов рублей.

Таким образом крестьянство находилось в полной экономической зависимости от баронов, такой же была и политическая зависимость. Местное самоуправление—ландтаги, где заседали бароны, имели законодательные функции и они устанавливали налоги и всякие повинности. Местное население не имело права на открытие торговых и промышленных предприятий хотя бы и на своей купленной земле. Не имело права содержать мельниц, корчм и т. д. Не имело оно и права охоты, рыбной ловли и т. д. Тяжба между помещиком и крестьянином была невозможна. Барон являлся господином во всех областях жизни местного населения. К 1905 г. положение стало невыносимым: «аграрные отношения к пятому году дошли до того, что в Лифляндской губернии 0,3% населения пользовались 60% земли, в Эстляндской—60% земли пользовались 0,46 населения, причем безземельного крестьянского населения в Лифляндской губ. было 75,4%,

¹ Dr. Suiga, «Eest waboduswoisbus 1343—1345—Har mass». Tallinnas 1924.

в Эстляндской—55,3%. Кроме того в Лифляндии 96,58% и в Эстляндии 96,14% населения были бесправны экономически, политически и даже духовно зависели от 0,3% и 0,46% населения—помещиков-баронов. Первые платили из общей суммы податей 91,7%, а вторые лишь 8,3%»¹.

Такое положение не могло быть терпимо крестьянством, тем более, что крестьянство было грамотное, читало газеты и социал-демократические идеи уже проникли в деревню. Крестьянское недовольство проявлялось всюду. И еще до 1905 г. среди крестьянства под руководством отдельных социал-демократов распространялись полулегальные кружки. Русско-японская война еще более усилила недовольство. Активное выступление крестьянства начинается уже с января 1905 г.² В феврале—марте крестьянство всюду устраивает волостные сходки, разрабатывает свои требования, на первом месте которых ставятся аграрные требования. Весною и летом проходит стачечная волна батраков и сельских рабочих, которая переходит в крестьянские демонстрации. Осенью движение усиливается. Всюду организуются местные социал-демократические комитеты, которые во многих местах превращаются в революционную власть. В ноябре созываются народные съезды в Юрьеве и в Риге. Съезды дают лозунги захвата власти и вооруженного восстания. В деревнях организуются революционные исполнительные комитеты. Старые волостные правления заменяются революционными. Крестьянство вооружается и готовится к защите своей революционной власти. В декабре начинаются погромы помещичьих имений. В некоторых местах образуются более крупные объединения, прозванные республиками (как в Руене, Туккуме, Гольдингене, Газенпоте и др.). С этими революционными властями царскому правительству приходилось вести настоящую войну при помощи кавалерии, артиллерии, пулеметов, пехоты и подрывников. Членами революционных комитетов в большинстве были дворохозяева и их сыновья. Все они считались членами социал-демократической партии и фактически были таковыми. Крестьянство, в громадном своем большинстве, вело таким образом настоящую войну с балтийскими баронами и с царским самодержавием под лозунгами уничтожения монопольных прав дворянства, захвата помещичьих земель и установления демократической республики. На основании всего этого мы можем установить и вторую отличительную черту революции в Прибалтике, а именно, что она была и крестьянской войной.

Эти две отличительные черты революции Прибалтики, национально-освободительное движение и крестьянская война, нисколько не отрицают того основного положения, что революция пятого года была революцией буржуазно-демократической. Национально-освободительное движение и аграрная революция или крестьянская война в Прибалтике произошли в эпоху империализма, когда налицо имелся рабочий класс не только городской, но и сельский. Рабочий класс Прибалтики к этому моменту уже

¹ Я. Пальвадре, 1905 г. в Эстонии, стр. 33.

² П. Стучка, выше указанная статья, стр. 188.

имел свою политическую партию—социал-демократическую, отсюда и то, что гегемоном революции была именно эта последняя.

Для капиталистического развития требовалось уничтожение всех феодальных пережитков, установление демократических свобод и учреждение демократической республики. Во всех требованиях и действиях означенные пункты выдвигались на первый план. На этих основах построены и постановления народного съезда в Юрьеве¹ и народных съездов в Риге². На рабочих съездах и собраниях, а также в крестьянских требованиях, наряду с лозунгом создания демократической республики не оспаривалось сохранение частной собственности (об условиях покупки и аренды земли); рабочие выдвигали требование 8-часового рабочего дня, урегулирования положения рабочего класса и пр. Все эти требования, конечно, не выходят из рамок буржуазно-демократической революции.

Что касается движущих сил революции, то бесспорно, что основной силой революции был рабочий класс города и деревни. В означенную эпоху крестьяне-хозяева держали у себя рабочих и батраков для отбывания барщинных повинностей, причем уже тогда хозяева-крестьяне пользовались некоторыми классовыми привилегиями перед безземельными или сельскохозяйственными рабочими.

Спорным для некоторых товарищей является революционность крестьянства в целом, но мы видим, что в своем громадном большинстве крестьянство шло против дворянства, баронства и царизма. Это подтверждается составом революционной власти на местах. Если взять по социальному положению членов революционных или распорядительных комитетов в деревне, то мы увидим, что в Туккумском уезде в Грендзенской волости из 11 членов комитета и руководителей трое были дворохозяева и 8 представителей сельской интеллигенции³, в Ремтенской волости из 17 членов—8 дворохозяев, 4 интеллигента⁴, из 5 членов комитета в Блиденской волости—2 дворохозяина⁵, в Нейенбургской волости—6 дворохозяев⁶. Такую же картину мы видим и в Митаво-Баусском уезде, где в Александровской волости из 6 было 2 дворохозяина, 2 мастеровых и 2 батрака⁷, в Бранделбургской волости из 11—6 дворохозяева⁸, в Гофзумбергской волости из 16—8 дворохозяев⁹, в Грингофской волости из 9—7 дворохозяев¹⁰, в Доблинской волости из 13—8 дворохозяев¹¹, в Ливен-Берзенской воло-

¹ М. Jurisson, «Punased aa ad Estis». Петербург 1907 г., стр. 160—161.

² П. Стучка, выше указанная статья, стр. 204—211.

³ Центрархив, дело канц. Вр. Курляндского генерал-губернатора № 29 за 1906 г., лл. 11—12.

⁴ Там же, лл. 14—17.

⁵ Там же, лл. 14—17.

⁶ Там же, лл. 11—12.

⁷ Там же, дело № 16, л. 14.

⁸ Там же, дело № 6 за 1905 г., лист 180.

⁹ Там же, лист 497.

¹⁰ Там же, лист 537.

¹¹ Там же, лист 586.

сти из 11—7 дворохозяев¹. В Иллуkstском уезде в Курцумской волости из 9 членов комитета 7 было дворохозяев-усадебовладельцев² и т. д.

Было бы совершенно неправильно отказаться от ленинских положений о движущихся силах буржуазно-демократической революции, когда факты его целиком подтверждают. Движущими силами революции в 1905 году являлись рабочий класс и крестьянство. Что касается городской буржуазии, то по особым условиям Прибалтики и она участвовала в революции, но больше, конечно, на словах и на собраниях, чем в самой борьбе. На Юрьевском народном съезде в ноябре 1905 года председателем был избран представитель ревельской буржуазии—адвокат Темант, теперь—один из вождей эстонского фашизма.

Орган ревельской буржуазии «Teataja» в 1905 году многими принимался и теперь еще принимается как орган революционных сил³. Все это доказывает, что и национальная городская буржуазия собою отчасти представляла революционную силу. Требования этой части буржуазии, как и вообще требования того времени, заключались в требовании созыва Учредительного собрания и организации демократической республики, равноправия языков и т. д. Даже эта часть буржуазии, не говоря уже о крестьянской мелкой буржуазии, «допускала» вооруженную борьбу с балтийским дворянством и царизмом.

Таким образом мы можем с уверенностью сказать, что революция в Прибалтике была буржуазно-демократической революцией.

Я. Пальвадре

---

¹ Централархив, то же дело, л. 773.

² Там же, дело № 12, лл. 143—148.

³ Сборник «1905 Eestis», Leningrad 1926.

ВОСПОМИНАНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В НАРКОМНАЦЕ

(1917—1919 гг.)

Я вернулся из эмиграции в июне 1917 г. и поселился в Петрограде. Вскоре я начал работать управделами Петербургского совета профсоюзов и сразу же установил связь с Петербургским комитетом партии. Спустя некоторое время я вошел в агитаторскую коллегию при ПК.

Наступили июльские дни. Во дворце Кшесинской собралась петроградская городская партийная конференция. Я на ней присутствовал с совещательным голосом. Там я впервые увидел Сталина. Комната, в которой происходила конференция, не могла вместить всех присутствующих: часть публики следила за ходом прений из коридора, через открытую дверь. В этой части публики был и я и поэтому плохо слышал доклады. Председательствовал т. Лацис. От Петербургского комитета партии и Бюро военных организаций докладывал т. Володарский. Он говорил, что если мы не примем участия в предстоящем выступлении, то солдаты выйдут на улицу сами, а за ними потянутся и рабочие. После Володарского от имени ЦК выступал Сталин. Так как он говорил тихо, то я из коридора разобрал немного. Обратил внимание лишь на одно: каждая фраза Сталина была отточена и закончена, положения отличались ясностью формулировки.

Прошли июльские дни. Ленин должен был на некоторое время скрыться. За это время он держал тесный контакт с партией, но не мог, конечно, принимать непосредственного участия в ежедневной работе партии. В это время вплоть до Октября политическим руководителем ЦК в его повседневной борьбе был Сталин.

В августе собрался VI съезд партии. Докладчиком по вопросу о политическом положении выступил т. Сталин. Тогда мы впервые услышали новую формулировку нашего основного политического лозунга, данную Лениным. Вместо старого лозунга «вся власть советам» был выдвинут новый—«вся власть рабочему классу и беднейшему крестьянству». Сталин мотивировал это положение приблизительно следующим образом (цитирую на память): «Аппараты советов находятся в руках предателей—меньшевиков и эсеров, готовых до последних сил, как показал опыт июльских дней, защищать буржуазное правительство. Между тем рабочие, крестьянские и солдатские массы рвутся в бой за свержение этого правительства. Они могут выступить скорее, чем мы успеем овладеть аппаратом советов и армейских комитетов, и мы, если будем цепляться за старый лозунг «вся

власть советам», рискуем очутиться в хвосте событий. Поэтому нам следует видоизменить этот лозунг и бороться за захват власти рабочим классом и беднейшим крестьянством, независимо от того, произойдет ли этот захват власти через посредство аппарата советов или же через какие-нибудь другие формы массовых организаций».

Таким образом VI партийный съезд, состоявшийся в чрезвычайно важный исторический момент, когда вследствие июльских преследований партия во многих местах работала полулегально, прошел под непосредственным политическим руководством Сталина. Съезд этот внес большое оживление в партийную работу. Он показал, что организация наша не разгромлена, а, наоборот, влияние ее на рабочий класс все усиливается. Уже до съезда, за короткий период времени, в течение одного июля, когда в Питере бушевала контрреволюция, когда большинство наших партийных вождей или скрывались или сидели в тюрьме, количество членов петроградской городской организации возросло с 32 тысяч до 36 тысяч. Вскоре состоялись выборы в Петроградскую городскую думу. Партия одержала опять решительную победу. Вместо старых 37 мандатов мы получили 67.

Наступили корниловские дни. Все социал-предатели растерялись. Знаменитое ночное заседание ВЦИКа вскрыло всю гнилость партий эсеров и меньшевиков. Перед лицом грозящей правой контрреволюции они не сумели решиться провозгласить ВЦИК высшим органом власти, несмотря на то, что многие их провинциальные организации требовали этого¹. Матерые социал-предатели продолжали видеть в жалкой личности Керенского спасителя революции. Они не были способны двинуть рабочие массы на защиту Петрограда: это сделали большевики. Корниловщина—событие, которого не мог предвидеть VI съезд партии,—дала нам возможность в течение короткого времени завоевать советы крупнейших центров. В первую очередь мы завоевали Петроград. Затем 2-ю и 5-ю армии. Нашим боевым лозунгом стало опять «вся власть советам». Несмотря на то, что мы были противниками партизанских выступлений, на местах советы захватили власть, не дожидаясь Октября².

В дни корниловщины я перешел на работу в секретариат ЦК партии, в качестве члена секретариата; я заведывал отделением в Смольном и исполнял одновременно обязанности фактического секретаря нашей фракции ВЦИК. Здесь я чаще сталкивался со Сталиным, так как иногда в Смольном происходили заседания ЦК. За это время я сделал одно наблюдение: главная работа по подготовке Октябрьского выступления проводилась тремя товарищами из ЦК: Сталиным, Свердловым и Дзержинским. Под их руководством работал Петербургский комитет партии и

¹ Чхеидзе, напр., получил телеграмму из Кавказа за подписью меньшевика Гегечкори с требованием, чтобы ВЦИК отстранил Керенского и провозгласил себя временным правительством.

² Это имело место, напр., в Сызрани и Красноярске.

военная организация. Наблюдение за правильностью политической ленинской линии лежало всецело на Сталине. Он являлся также руководителем центрального органа партии.

Широкие рабочие массы Петрограда мало знали тогда Сталина. Да он не гонялся за популярностью. Не обладая ораторским талантом, он избегал выступлений на массовых митингах. Но никакая партийная конференция, никакое серьезное организационное совещание не обходилось без политического выступления Сталина. Благодаря этому партийный актив знал его хорошо. Когда ставился вопрос о большевистских кандидатах от Петрограда в Учредительное собрание, кандидатура Сталина была выдвинута на одно из первых мест по инициативе партийного актива.

Наступал Октябрь. Часть наших партийных лидеров, во главе с Каменевым и Зиновьевым, сочли «неподходящим» этот момент для завоевания власти рабочим классом. Они испугались того, что наша партия была единственной, которая повела в бой рабочие и солдатские массы. На этом основании они били ложную тревогу по поводу изолированности партии. Они ошиблись. Изолированными от масс оказались как раз соглашательские партии. В этот ответственный момент Сталин оказался надежным сподвижником Ленина. Когда во время самого выступления необходимо было выделить из среды ЦК группу для руководства восстанием—выделенными оказались Ленин, Сталин и Троцкий. С тех пор Сталин стал заместителем Ленина по руководству боевыми революционными действиями. Он имел наблюдение за военными операциями на Дону, на Украине и в других местах России. Когда в декабре состоялся съезд Финляндской социалистической партии и встал вопрос о том, за кем пойдет рабочий класс Финляндии, ЦК большевиков отправил на этот съезд в качестве своего представителя Сталина. Результатом этого съезда было отсечение правого крыла социалистов и мобилизация рабочего класса Финляндии под большевистским знаменем. Непосредственным результатом этой политической победы было единодушное выступление в бой финляндского пролетариата за советы. Восстание было подавлено объединенными силами финской и шведской буржуазии, которым помог германский империализм.

Вслед за разгромом керенщины началось строительство советской власти. Партия, не снимая со Сталина многочисленных обязанностей по руководству военными операциями, по ведению центрального органа, назначила его на ответственный пост наркома по делам национальностей. Я стал ближайшим сотрудником Сталина по этой работе в качестве сперва фактического, а затем и формального заместителя наркома. На этом посту я работал вместе с ним около двадцати месяцев и имел возможность прекрасно ознакомиться с его личностью и методами его работы. Прежде всего следует отметить чистоту и твердость ленинской линии, которую проводил Сталин в этой работе. Задача была нелегкая. Первой опорой нашей работы в этой области явились, естественно, те национальные

большевистские группировки, которые уже оформились, вступили в состав единой большевистской партии и приняли участие в Октябрьской революции. Это были латышские, польские, литовские и эстонские большевики. Но эти группы были в это время сильно заражены идеями «левого» большевизма. Я тоже состоял в «левых». Таким образом преобладающее большинство коллегии Наркомнаца систематически нарушало ленинскую линию в национальном вопросе.

Мы заблуждались «добросовестно», рассуждая таким образом:

«Всякий национальный гнет есть лишь одно из проявлений классового гнета. Октябрьская революция уничтожила основу классового гнета. Поэтому нет никакой необходимости в организации в России национальных республик и автономных областей. Территориальное деление должно идти исключительно по экономическому признаку, т. е. области, отличающиеся какими-нибудь экономическими особенностями, должны получать самоуправление.

Организация же республик и областей по национальному признаку является при советской власти компромиссом с мелкобуржуазным национализмом, которого нужно избегать».

Таким образом перед Сталиным стала весьма трудная задача: постоянно бороться внутри собственного учреждения с грубыми отклонениями от ленинской линии. Я почти уверен, что будь напр. на месте Сталина Троцкий, который постоянно обвинял и обвиняет Сталина в «диктаторствовании», он в течение трех дней разогнал бы такую оппозиционную коллегия и окружил бы себя «своими» людьми.

Но Сталин поступил совершенно иначе: он решил путем упорной работы перевоспитать нас, сделать из нас настоящих ленинцев. И здесь он проявил много выдержки и ума. У него бывали, правда, время от времени конфликты с отдельными членами коллегии, но по отношению к коллегии в целом он был лоялен, подчинялся ее решениям, даже если не бывал согласен, за исключением тех случаев, когда дело шло о нарушении партийной линии. В этих случаях он апеллировал в ЦК и, конечно, всегда выигрывал. Ярким примером того, какую борьбу пришлось ему вести с нами, является история в связи с организацией Татаро-Башкирской республики.

Весной 1918 г. ЦК постановил создать Татаро-Башкирскую республику. Для более конкретной проработки этого решения в Москве было созвано в мае особое совещание в составе: а) представителей партийных и советских организаций Уральской области, б) представителей татарской и башкирской национальностей и в) деятелей Наркомнаца.

Из Уральской области приехали делегатами на это совещание тт. Сыромолотов и Тунтул и привезли с собой «настоящего» башкирского коммуниста т. Шамигулова. Все трое они были решительными противниками образования Татаро-Башкирской республики, считая, что нечего, мол, уступать «панисламистским националистам». Получив такое неожиданное подкрепление, «левые» из коллегии Наркомнаца воспрянули духом и решили

оказать решительное сопротивление «оппортунизму Сталина». Таким образом сторонники создания республики оказались в меньшинстве. Сталина поддержали решительно лишь Нур-Вахитов, лидер молодых татарских коммунистов, и Ибрагимов, левый эсер, представитель уфимских татар. Один башкир Шамигулов высказался против республики, так как, де, «это лишняя уступка национализму». Еще хуже поступил другой башкир Манатов. На заседании он голосовал за республику, не желая «сориться с начальством», а в кулуарах он нас уговаривал решительно бороться против ее учреждения, так как башкиры, мол, не хотят одной республики с татарами.

Тогда Сталин созвал заседание комфракции и объявил, что так как вопрос предварительно уже решен ЦК, то мы должны голосовать за организацию республики. Но мы не унимались и, заявив протест против решения вопроса до созыва совещания, покинули фракцию и отказались участвовать в дальнейшей работе совещания. При этом мы подтрунивали, говоря, что Сталин «остался с левыми эсерами». За это мы впоследствии получили письменный выговор от ЦК.

Этот факт ясно показывает, какая тяжелая задача стояла перед Сталиным в его работе в Наркомнаце. Неудивительно, что иногда он терял терпение. Но он никогда не обнаруживал этого на собраниях. В тех случаях, когда в результате наших бесконечных дискуссий на совещаниях запас его терпения истощался, он вдруг исчезал. Делал он это чрезвычайно ловко. Сказав: «я на минутку», он исчезал из комнаты и прятался в каком-нибудь из закоулков Смольного или Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, потом расходились. Я оставался один в нашем общем кабинете, терпеливо дожидаясь его возвращения. Но не тут-то было. Обычно в такие моменты раздавался телефонный звонок: это Владимир Ильич требовал Сталина. Когда я отвечал, что Сталин исчез, он мне говорил неизменно: «срочно найдите».

Задача бывала нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного или Кремля в поисках Сталина. Находил его я в самых неожиданных местах. Пару раз я его заставал на квартире у матроса т. Воронцова, на кухне, где Сталин, лежа на диване, курил трубку и обдумывал свои «тезисы».

Ленин не мог обходиться без Сталина ни одного дня. Вероятно, с этой целью наш кабинет в Смольном находился «под боком» у Ленина. В течение дня он вызывал Сталина по телефону бесконечное число раз, или же являлся в наш кабинет и уводил его с собой. Большую часть дня Сталин просиживал у Ленина. Что они всегда там делали, — мне неизвестно, но один раз, войдя в кабинет Ильича, я застал интересную картину. На стене висела большая карта России, перед ней стояло два стула, а на них стояли Ильич и Сталин и водили пальцами по северной части, кажется, по Финляндии.

Ночью, когда суэта в Смольном немножко уменьшалась, Сталин ходил на прямой провод и пропадал там часами. Он вел длиннейшие пере-

говоры то с нашими полководцами (Антоновым, Павлуновским, Муравьевым и др.), то с нашими врагами (с военным министром Украинской рады Поршем). Иногда, когда у него было какое-нибудь неотложное дело, а его вызывали, он посылал к проводу меня. Помню я один такой разговор мой с Муравьевым, когда он наступал на Киев. Муравьев был очень рад, что ему прислали новое подкрепление из петроградских красногвардейцев, и закончил свою благодарность следующим восклицанием: «дайте мне еще десять тысяч таких людей, и я на пасху буду в Берлине».

Когда рабоче-крестьянское правительство переехало в Москву, мы сразу стали ощущать «кризис помещений». Московский совет на первых порах предоставил нам некоторое количество бывших купеческих особняков, из-за которых между разными учреждениями шла жестокая борьба. Наркомнац сначала не имел ничего. Я нажал на Сталина. На кого он нажал, мне неизвестно, но через пару дней мы получили два особняка (на Поварской и Никитской), которые только что покинула ВЧК. «Смотрите, чтоб их у нас не сперли»...—напутствовал меня Сталин. Время было действительно опасное. Для верности я «нанял»¹ (около дюжины латышских стрелков и приставил их караулить этих «дворцы».

По прошествии некоторого времени Наркомнац владел уже несколькими особняками. Центральное ведомство и белоруссы поместились на Поварской, латыши и эстонцы на Никитской, поляки на Арбате, евреи на Пречистенке, а татары где-то по Москворецкой набережной. Кроме того, Сталин и я имели кабинеты в Кремле. Сталин оказался весьма недоволен таким положением: «Теперь уж за вами совсем не уследишь. Нужно было бы получить один большой дом и собрать туда всех». Эта идея не оставляла его ни на минуту. Через несколько дней он сказал мне: «Нам дали Большую сибирскую гостиницу но ее самочинно захватил ВСНХ, мы, однако, не отступим. Велите Аллилуевой написать на машинке несколько бумажек следующего содержания: «Это помещение занято Наркомнацем». Да захватите с собой кнопки». Затем он вызвал автомобиль, и мы сели вооруженные магическими бумажками и кнопками.

Мы поехали в Златоустинский переулок. Уже темнело. Главный ход в гостиницу оказался закрытым. У дверей красовалась бумажка: «Это помещение занято Высшим Советом Народного Хозяйства». Сталин сорвал ее, и мы укрепили наше заявление. «Надо проникнуть внутрь»,—сказал Сталин. Задача была нелегкая. С большим трудом мы отыскали черный ход. Электричество почему-то не действовало. Мы освещали себе дорогу спичками. Во втором этаже мы набрали на длинный коридор. Прикрепили наши записки еще на других дверях. Пора было возвращаться обратно, а спички у нас истощились. Спускаясь в потемках, мы попали в подвал и чуть не свернули себе шею. Наконец, мы все-таки добрались до автомобиля.

¹ Я их, действительно, нанял. Платил им, кажется, по 2 р. в день.

Помещение все-таки осталось за ВСНХ. Это был один из тех немногих случаев, когда Сталин потерпел поражение.

В мае Сталин отправился за продовольствием, а потом он очутился на царицынском фронте. Он снарядил целый поезд. Вез с собою аппараты Юза, самолеты, деньги мелкими знаками, небольшой военный отряд, кое-каких спецов. Я провожал его на вокзал. Он был в очень веселом настроении, вполне уверен в победе.

Вскоре после отъезда Сталина на улицах Москвы, в связи с продовольственными затруднениями, появилось правительственное обращение к населению за подписью Ленина, Цюрупы, Чичерина и некоторых других наркомов. В нем сообщалось о тех мерах, которые принимает правительство для улучшения снабжения пролетарских центров и, как на одну из таких мер, указывалось на отправку наркома Сталина в Царицын. Роль Сталина в защите Царицына хорошо известна. Лучшую и самую беспристрастную характеристику деятельности Сталина дал белогвардейский генерал Носович в ростовской газете «Волна», которую я читал. Тов. Ворошилов в воспоминаниях о Сталине¹ привел достаточно много цитат из этой статьи. Я хочу здесь остановиться на одной подробности.

Одним из главных тайных организаторов белогвардейского тыла на царицынском фронте являлся инженер Алексеев с сыновьями. Он был послан из Москвы в Царицын нами на работу (по линии наркомата путей сообщения, с личной рекомендацией от наркома т. В. И. Невского и еще других видных наших работников). Но его деятельность не укрылась от бдительного глаза Сталина. Алексеева и сыновей расстреляли. Наши товарищи в Москве подняли по этому поводу большую бучу, очевидно, под нажимом широких кругов спецов. Но впоследствии, когда была получена белогвардейская газета, оказалось, что расстреляли правильно.

Я работал бок-о-бок со Сталиным около 20 месяцев и все это время я принимал участие в разных «оппозициях». Не один раз я на заседаниях коллегии открыто выступал против национальной политики Сталина, против его уступок «мелкобуржуазным националистам» среди восточных национальностей, несмотря на то, что отлично знал, что это линия Ленина и всего ЦК партии. Тем не менее Сталин относился ко мне с величайшим терпением и старался, насколько возможно, использовать меня в работе. Вследствие моей ложной линии он не давал мне руководства работой среди восточных национальностей (это руководство он сохранил за собой), а я работал среди национальностей Запада.

Насколько, впрочем, моя линия и линия большинства коллегии была ошибочной и по отношению к Западу, это доказала польская кампания 1920 г.

Благодаря этой линии польский ревком, при занятии частями Красной армии Польши, не начал политики широкого раздела между крестьянами помещичьей земли, а решил сохранить ее для «совхозов и ком-

¹ См. «Известия» от 21 декабря 1929 г.

мун». В значительной степени благодаря этой ложной политике польское крестьянство в большинстве поддержало буржуазную Польшу против нас. Те же самые «левые ошибки» по аграрному вопросу были совершены в 1919 г. в Литве и Латвии во время короткого периода существования там советской власти и тоже были одной из важнейших причин нашего поражения в этих странах.

На основании всего этого горького опыта можно было бы упрекнуть Ленина и Сталина лишь в том, что они были слишком мягки по отношению к нам, «левым», и слишком долго нас терпели. Но, с другой стороны, в результате их «педагогического» подхода, нас удалось перевоспитать. Благодаря их методам воздействия все те из нас, которые работали тогда со Сталиным (Каменский, А. З., Ленский, Ю. Я. и другие), несмотря на сильные и длительные симпатии к «левой» оппозиции (я лично до 1924 г. продолжал участвовать в группе «демократического централизма»), в решительный момент, когда оппозиция пошла на полный разрыв с партией, отказались следовать за ними. Я глубоко убежден, что этим счастьем я обязан тому обстоятельству, что получил большевистское воспитание под непосредственным руководством Сталина.

С. Пестковский

К ИСТОРИИ БЕЛОСТОКСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1902 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Белостокская конференция 1902 г. долгое время выпадала из истории партийных съездов и конференций. Достаточно указать на то, что лишь в третьем издании известного истпартовского сборника: «ВКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций» появился отдел, посвященный Белостокской конференции. Правда, долгое время о ней не имелось почти никаких материалов. Ее резолюции в свое время не были опубликованы, не было издано и какого-либо обычного извещения о том, что она состоялась, и лишь на страницах исторических изданий и мемуаров стали появляться более или менее точные сведения о ней. В настоящее время нашлись еще некоторые новые, ниже публикуемые материалы, в связи с которыми небесполезно свести в одно разбросанные данные об обстоятельствах созыва конференции, данные, часть которых к тому же еще не введена в литературный оборот.

Вопрос о созыве партийной конференции возник еще в конце 1901 г., когда «Союз русских социал-демократов за границей» в своей борьбе с «Искрой» решил привлечь на свою сторону и русские комитеты. Весть об этом вызвала немедленный отклик Ленина. В своем письме от середины декабря 1901 г., адресованном нескольким русским комитетам и органам, Ленин устанавливал тактику по вопросу о созыве конференции. Ленин предлагал провести по комитетам постановления об отсрочке конференции «минимум до весны», когда выйдет брошюра «с изложением сути разногласий (т. е. «Что делать»); а затем давал практические директивы с целью обеспечения представительства искровцев и об их поведении на будущей конференции¹.

Что указания Ленина были в основном выполнены, на это есть прямые указания. По поручению «Союза» русские комитеты объезжал М. Коган (впоследствии известный профессионалист Гриневич). П. Розенталь (тогда член ЦК Бунда) сообщает в своих воспоминаниях о миссии Когана, что «везде он встречал противодействие со стороны «искровских» организаций». Тогда противники «Искры» устроили совещание, в котором приняли участие, кроме Когана и Розенталя, также и А. М. Зельдов («Неманский»), видный деятель и литератор Бунда, а в то время — член Петербургского комитета. Эти три организации (Союз социал-демо-

¹ VIII Ленинский сборник, стр. 214—215.

кратов за границей, Бунд и Петербургский Союз борьбы) и явились организаторами будущей конференции, соответственно распределив между собою организационные функции¹.

Ход подготовки конференции ее инициаторами документально нам неизвестен. Лишь один момент, но зато самый существенный, удастся несколько приоткрыть: приглашение представителя «Искры». 13 (26) февраля один из организаторов—Петербургский комитет—просил в своем письме «Союзу» передать приглашение на «партийный съезд» «Искре», извещая, что начало его назначено на 21 марта, и сообщая предполагаемый порядок дня².

Известие о «партийном съезде» было передано Ленину только 3 марта, т. е. тогда, когда до начала конференции оставалось менее трех недель. Ленин в «Докладе редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП» дал резкий ответ на это позднее извещение, связав в этом ответе воедино и формальные моменты, против нарушения которых он протестует, и принципиальную критику, которая разоблачала экономистскую физиономию инициаторов съезда.

Ленин протестует в этом документе против «совершенно неожиданного сообщения» о плане устройства не конференции, а съезда и против незнания того, «кем совершена эта внезапная и немотивированная замена»; от протестует «против таких быстрых перерешений необыкновенно сложных и важных в партийном отношении шагов» и «усиленно» советует «возвратиться» к первоначальному плану устройства конференции. Далее—мы здесь же находим разбор предложенного порядка дня. Для Ленина этот порядок дня, в котором, напр., экономическая борьба поставлена первым пунктом, а политическая—вторым, «своей архитектурой и редакцией отдельных вопросов неотразимо производит впечатление «экономизма». Подчеркивая далее, что вопрос о «двух течениях в русской социал-демократии» «успел даже войти во всякие программы систематического чтения, в программы лекций пропагандистов и занятий кружков самообразования», Ленин отмечает «непростительный пробел» порядка дня—отсутствие вопроса о «*принципиальной позиции* современной русской революционной социал-демократии и ее *партийной программе*». Ленин предлагает конференции свой порядок дня, в котором на первом месте находится пункт о «*принципиальной резолюции*», и в прилагаемом «чернышке резолюции» Ленин от имени конференции прежде всего «отвергает все и всяческие попытки внесения оппортунизма в революционное классовое движение пролетариата,—попытки, выразившиеся в так называемой критике марксизма, бернштейнианстве и экономизме», а далее развивает тезис о «ближайшей политической задаче партии»—«низвержении самодержавия»³.

¹ П. Розенталь, Воспоминания о Белостокской конференции РСДРП, «Каторга и ссылка», 1928 г., № 9—10, стр. 47.

² VIII Лен. сб., стр. 226—227.

³ Доклад редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП был напечатан впервые в первом Собрании сочинений 1923 г., т. V, стр. 275—283 (во 2—3 изд. на стр. 66—73).

Наряду с этим «докладом» «Искрой», конечно, были приняты и практические шаги по обеспечению своей линии в этом деле. Из письма Н. К. Крупской в Самару (Г. М. и З. П. Кржижановским) от 8(21) марта мы узнаем, что делегатом для того, чтобы «познакомиться с Сашей» (Саша — съезд), поехал «Имярек» — Ф. И. Дан. Н. К. Крупская спрашивает и о том, «кто из вас познакомился с Сашей, познакомился ли с ним Бродяга, Грызунов, Курц»¹. Она просит писать «как можно подробнее все о Саше» и знакомит с условиями созыва конференции. «Знакомство с Сашей, — пишет Н. К. Крупская, — устроено благодаря стараниям Николая Петровича и Бори², момент выбран крайне неудобный во всех отношениях, после разгрома, когда еще не вышла брошюра (только что вышла теперь)³. Момент крайне неудобный, но и Николай Петрович и Боря это прекрасно понимают, но они понимают точно так же и то, что чем дальше, тем невыгоднее будет становиться их позиция и выгоднее наша. Настроены они к нам враждебно, но вы не знаете всех их козней. Знакомый Роберта⁴ настроил комитеты против нас, специально предпринимал для этого объезд. Николай Петрович и Боря большие друзья Роберта». Перспективы и указания, которые, исходя из этой обстановки, далее дает Н. К. Крупская, тождественны с теми, которые мы находим в упомянутом выше декабрьском письме Ленина. «Очень вероятно, что знакомство с Сашей поведет к расколу. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы свои люди как можно лучше столковались между собою. Поэтому было бы чрезвычайно важно, чтобы Грызунов, например, повидался до знакомства с Сашей с Семеном Семеновичем⁵, ибо он, хотя и очень расположен к ним, но для того, чтобы он решился действовать решительно, надо с ним еще хорошенько столковаться. Пусть Грызунов съездит к нему»⁶.

Итак, от «Искры» поехал Ф. И. Дан, но поехал без явки, и явка так и не была прислана за границу. Сохранился черновик письма Н. К. Крупской от 17(30) марта, в котором она энергично протестовала против поведения инициаторов конференции. «До съезда, — писала Н. К. Крупская, — осталось 4 дня, а мы до сих пор еще не знаем ни места, ни пароля. Вы прекрасно знаете, что для того, чтобы переслать эти сведения конспиративным путем в Россию нашим представителям, нужно не 4 дня, а гор[аздо] больше. Пет[ербургские] знак[омые] писали нам, что необх[одимые] свед[ения] будут переданы нам через Кана. Никакого Кана мы не знаем. У них есть непосредственный адрес к нам. Мы энергично протестуем против такого образа действ[ий] Пет[ербургского] Со-

¹ М. А. Сильвин, Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник.

² Петербургского союза борьбы и Бунда.

³ Брошюра В. И. Ленина «Что делать?».

⁴ Роберт — «Рабочее дело», его знакомый — М. Коган.

⁵ Северный союз.

⁶ Дело Департамента полиции, Особый отдел, 1901 г., № 825, ч. 8, вход 3066/1902 (перлюстрированная копия). По копии в Архиве Института Ленина.

юза], кот[орый] ставит нас в невозможность прис[утствовать] на съезде. Предст[авитель] от Лиги поехал в Россию, манд[ат] зашифрован вашим ключом»¹.

Как видно из публикуемого ниже письма Ф. И. Дана, он к началу конференции не попал. В цитированном выше письме Кржижановским Н. К. Крупская сообщала, что Дан «прежде всего повидается с Бродягой и сообщит ему все подробности теперешнего положения дел и все связи». Действительно, Дан встретился с Сильвиным, но для того, чтобы «разузнать подробности и в случае чего ехать», Дану пришлось отправиться к «Грызунову»-Кржижановскому². В письме Г. М. Кржижановского «Искре» мы находим сведения о злоключениях искровского делегата: «Имел свидание,— пишет Г. М. Кржижановский,—с Виктором³, который у 703 н⁴ не узнал адреса Саша, как это должно было быть. Саша, оказывается, была именинница не в то число, которое было сообщено нам, вообще вышла какая-то грандиозная, еще не понятная⁴ и мне, путаница. Он выехал сейчас же курьерским по адресу, который узнал от меня. Одна надежда только на то, что Саша отложит свое празднество, иначе дело швах»⁵.

«Саша» (т. е. конференция) не отложила своего празднества, и Дан запоздал на целых четыре дня.

Однако была надежда, что Ф. И. Дан не окажется единственным искровцем. Мы видели, что Н. К. Крупская запрашивала об участии в конференции М. А. Сильвина, М. Г. Кржижановского, Ф. В. Ленгника. Дан в печатаемом ниже письме перечисляет те искровские организации и лица, которые должны были присутствовать на конференции: Волжский союз (Ф. В. Ленгник), М. А. Сильвин, Северный союз, Киевский и Московский комитеты. Если Дан в то время предполагал, что Фриц-Ленгник намеренно не поехал на конференцию, то письмо Г. М. Кржижановского «Искре» опровергает это и вскрывает ту же организационную небрежность устроителей в отношении Ленгника, которая вызвала странствования Дана, но в отношении Ленгника завершилась гораздо печальнее: Ленгник на конференцию не смог попасть. «С Сашей,—писал Г. М. Кржижановский,—у нас дело совсем плохо. Курц доехал до Пети⁶, который прежде всего был крайне удивлен болтливостью Саша. О ее свадьбе должны были знать, оказывается, только Коля⁷, Петя да друг Роберта⁸ и более никто. Свадьба должна быть 21, а не 24. Тем не менее Курц направился на место

¹ Черновик в Архиве Института Ленина. Подчеркнутое (курсив), по всей видимости, обозначает зашифрованные места письма.

² Архив Института Ленина, № 1412, л. 1: письмо М. А. Сильвина от 21 марта (копия).

³ Ф. И. Дан.

⁴ Северный союз.

⁵ Архив Института Ленина, № 1363, л. 1: письмо Г. М. Кржижановского, полученное 4/17 апреля (копия).

⁶ Киевский комитет.

⁷ Петербургский союз борьбы.

⁸ Союз русских социал-демократов за границей.

жительства Саши и не был принят, несмотря на трехкратную попытку. Квартира уже была пуста, а он прибыл как раз к указанному сроку 24¹.

В том же письме Г. М. Кржижановский сообщал, что «из Нижнего пишут, что их представителя постигла также полная неудача—подробности пока не сообщены». Делегат-искровец из Нижнего-Новгорода действительно был на конференции, но он уехал оттуда еще до приезда Дана. Это был А. И. Пискунов, в своих воспоминаниях сообщавший о причинах своего отъезда (он «не мог долго оставаться») и о том, что по дороге в Нижний он заезжал в Петербург для того, чтобы при содействии Е. Д. Стасовой вызвать на съезд «кого-нибудь из крупных работников». «Ею,—сообщает далее Пискунов,—был командирован специальный гонец в Псков, где тогда было искровское гнездо»². Е. Д. Стасова передала это дело очевидно «Союзу борьбы», и поехавший в Псков «союзник» должен был изложить и все те обстоятельства, которые обусловили присутствие рабочедельческих представителей, и отсутствие переговоров, и то трудное политическое положение, в которое попала конференция без единого искровского делегата. Обо всем этом подробно написал в «Искру» П. Н. Лепешинский, и нам остается лишь привести соответствующую часть его письма:

«Приезжал сюда из Питера союзник с тем, чтобы помочь «недоразумению». Вышло, по его словам, так, что для свидания с Сашей за границу был отправлен от них человек, который почему-то друга Роберта успел уведомить о местожительстве Саши, а Искру не успел, что будто бы очень обеспокоило и Союз и визитеров Саши. Эти последние пришли к Саше 24 числа и задержались в ожидании искровца. Так как никого у искровцев в Питере нет, то решили приехать сюда. Я должен был сказать, что лицо, которому порекомендовано лично познакомиться с Сашей, отсутствует и где находится—не знаю. По словам моего собеседника выходило так, что отсутствие нашего было особенно печально ввиду того, что должен был рассматриваться вопрос о признании «Искры» всеобщим органом. Нужно заметить, что Саша гостит у Бунда и инициатива затеи принадлежит этому последнему. Мало того, с осени в союз внедрился какой-то бундовец³ и чуть ли не вершит у них все дела. Он же распорядился приглашением на свадьбу и послал своего человека к Роберту. В общем дело темное»⁴.

Таким образом единственным искровцем оказался все же один Дан.

¹ Архив Института Ленина, № 1638, лл. 1 об.—2: письмо Г. М. Кржижановского, полученное «Искрой» 9 (22) апреля (копия).

² А. Пискунов, Социал-демократическая организация в Нижнем-Новгороде за 1900—1903 гг., «Материалы по истории революционного движения», изд. Нижегородского губ. к-та РКП (б), под ред. В. Илларионова, 1922 г., т. IV, стр. 18—19. А. Ф. Ильин-Женевский в своей статье «Второй съезд партии и петербургская социал-демократическая организация» («Красная летопись», 1928, № 2, стр. 18) ошибается, говоря, что у Пискунова перед отъездом было совещание с Даном.

³ А. М. Зельдов.

⁴ Архив Института Ленина, № 1369, лл. 1—1 об. (копия).

Другие участники теперь могут быть точно установлены: от Петербургского комитета—В. П. Краснуха и А. М. Зельдов; от Союза южных комитетов и организаций А. О. Ерманский; от Екатеринославского комитета—Ф. И. Шипулинский; от Союза русских социал-демократов за границей—М. Г. Коган; от ЦК Бунда—К. Портной и П. Розенталь; от Заграничного комитета Бунда—А. Кремер и от Нижегородского комитета—А. И. Пискунов¹. Тогда же этот подбор конференции получил свою оценку. Только что уехавший с конференции Дан встретился с Л. Меньщиковым, бывшим в то время чиновником Московского охранного отделения и путешествовавшим по организациям Северного союза по явке самого же Дана. «Петербургский комитет, по словам Дана Меньщикову, созвавший съезд, «смошенничал», послав приглашения искровским группкам таким образом, что их представители не смогли попасть на заседание»². Так же оценивала съезд и «Искра». В письме Н. К. Крупской к Л. Н. Радченко от 29 апреля читаем, что «была конференция (съезд не состоялся), были приглашены только представители комитетов, дружественных «Рабочему делу», туда же попал в конце концов наш представитель (Имярек)». 30 апреля Н. К. Крупская пишет П. Н. Лепешинскому о конференции, что на ней были только «свои», «Курц был и не достучался. После долгих мытарств в квартиру Саши проник Имярек». Несколько детальнее о том же писала Н. К. Крупская к А. И. Петренко в Киев: «Вы, конечно, знаете о конференции. Почему на ней не было представителя от вас? Были только сторонники «Рабочего дела», не было ни Москвы, ни Северного союза, ни Волги, ни Урала, ни Кавказа. Хотя заграничная организация «Искры» получила приглашение, но ни пароля, ни места сообщено не было, наш представитель еле-еле добился толку, приехал поздно». Наконец, в письме к Г. М. Кржижановскому от 2 мая Н. К. Крупская сообщает, что и сами инициаторы съезда пришли в смущение: «Борис», который очень хлопотал об устройстве свидания, видя, что вышла ерунда, сваливает всю вину на Николая Петровича. Мы посылали туда через Бориса и Николая Петровича протест против образа действий инициаторов свидания. Протест оказал свое действие»³.

Ход работ конференции до настоящего времени был известен в очень беглом изложении самого Дана в его упомянутом рассказе Меньщикову и в несколько более детальном, но антиискровском изложении А. О. Ерманского. В этом отношении—о содержании работ конференции—публикуемое письмо Дана дает впервые детальные и точные сведения. Однако есть и документы самой конференции.

Таковы прежде всего ее резолюции. Впервые они были напечатаны

¹ В этом списке до сих пор наибольшие сомнения вызывали делегаты Бунда. Упомянутые воспоминания П. Розенталя (стр. 49) разрешают эти сомнения.

² «Пролетарская революция», 1922 г. № 9, стр. 262.

³ Архив Института Ленина, № 1369, л. 3; № 1432, л. 1—об.; № 1368, л. 3—3 об.; фонд «Искры», № 598, л. 2—об.

по взятой по обыску у Дана копии в «Пролетарской революции»¹. Теперь имеется в архиве Института Ленина экземпляр их, написанный рукою самого Дана².

Результатом работ конференции остался и другой документ, тогда же ставший широко известным,—первомайская прокламация от имени «Конференции Комитетов и организаций РСДРП»³. История этого документа мало была до сих пор известна. И главным образом обращало на себя внимание наличие другой первомайской прокламации, кроме той, которая была принята конференцией, прокламации, отличавшейся от нее лишь немногими вариантами. Теперь можно установить историю и значение каждого из этих документов.

Дан привез на конференцию уже отпечатанный текст искровского воззвания. Ему был противопоставлен большинством конференции проект Ерманского, печатаемый ниже под № 3, и лишь после «бесконечных прений» за основу был принят листок «Искры», с добавлениями и исправлениями. Печатаемая ниже текст листка «Искры» (№ 2), мы в сносках указываем эти принятые на конференции добавления и поправки по экземпляру с собственноручными поправками Дана.

Однако «Искре» не удалось уже отпечатать первомайского листка в новой редакции, которая была принята на конференции. Из письма Н. К. Крупской к Г. М. Кржижановскому от 2 мая мы узнаем, что изменения к листку были получены «так поздно, что мы ничего не успели уже сделать». Листок был отправлен в Россию в старой редакции—30 тысяч через Киев и 4 тысячи другим путем. Н. К. Крупская считала, что это очень мало, и писала: «майским листком мы осрамылись. В лучшем случае Искра доставит их 34—40 т.»⁴.

Выпуск майского листка так и остался единственным делом конференции. Известно, что избранный ею Организационный комитет был вскоре арестован, а неопубликованные резолюции никакого значения в жизни партии не получили.

С. Валк

¹ Впрочем, в «Пролетарской революции» № 9, 1922 г. (стр. 245—249) напечатаны были лишь резолюция о «конституировании собрания» и «принципиальная резолюция», но не напечатана третья резолюция о майском листке. В книге: «ВКП (б) в резолюциях ее съездов и конференций» (1838—1927), изд. 3, М. 1927, стр. 8—12, под рубрикой Белостокской конференции напечатаны четыре документа, причем четвертый — декабрьское извещение об образовании ОК,—конечно, к Белостокской конференции отношения не имеет.

² Такой же экземпляр был у Дана в Ярославле: Меньшиков сообщает, что Дан дал О. Варенцовой «отчеты съезда», «писанные, повидимому, им самим, карандашом, с синей копией» («Пролетарская революция» 1922 г., № 9, стр. 261).

³ Прокламация с такою подписью была издана Бундом на русском и на еврейском языках, Петербургским Союзом, Союзом южных комитетов организаций и Союзом русских с.-д. за границей. См. «Первомайские прокламации», Ленинград, 1924.

⁴ Архив Института Ленина № 1368, л. 3 об. — 4. Ср. также письмо Н. К. Крупской к Л. Н. Радченко от 29 апреля в фонде «Искры», № 598, л. 2 об. и к А. И. Петренко, Архив № 1432, л. 1 об.

1

ПИСЬМО Ф. И. ДАНА «ИСКРЕ»

Наконец, конф[еренция] кончилась. Постараюсь хоть вкратце передать все по порядку.

Явившись на место (25), я узнал, что вся почтенная коллегия заседала уже с 21-го, причем нижег[ородец] ¹ даже успел уже уехать до офиц[иального] открытия, ибо для такового ждали меня. Я узрел: 2 представ[ителей] ЦК Бу[нда] ², Ал[ександра] ³ от ЗК [Бунда], геноссе ⁴ от Ю[жного] С[оюза], тов[арища] прок[урора] от З[аграничного] С[оюза] ⁵, одного Екатериносл[авца] ⁶ и 2 Питерцев ⁷. Скотина Фриц ⁸, кот[орый] должен был ехать от Волжск[ого] С[оюза], опасаясь, повидимому, что будет один, не поехал, бродяга ⁹ не попал, от Сев[ерного] С[оюза] по недоразумению никого не было, от Киевск[ого] и Моск[овского] тоже никого, нижег[ородец] уехал. Т[аким] о[бразом] меня окружили действительно «теляца мнози». Мне стало очень не по себе, когда я узнал, что за 4 дня компания «для облегчения занятий» уже сговорилась между собою и даже поручила ген[оссе] выработать проект общемайск[ого] листка, т. к. наш видел только один геноссе, находивший его безусловно непригодным вследствие... сухости.

Прежде чем приступить к описанию занятий, характеризую двумя слов[ами] участников. Больше всего в принц[ипиальном] вопр[осе] поддерживал меня Ал[ександр], затем иногда ЦК Б[унда]. Настоящей язвой оказался геноссе, котор[ый] «будучи согласен» и т. д., на самом деле производил самые подлые и интриганские подвохи; но я довел его до того, что он неоднократно вынужден бывал обнаружить совершенно очевидно и для других свое узкое, рабочедельское понимание вопросов. Я цеплялся за каждое его слово, требовал точного выражения мысли, противопоставляя ему наши понимания. Он начинал сердиться, произносил убийственно длинные речи и выкладывал там не раз такие мнения, что и его бывш[ие] сторонники только ахали. В результате с очень высокого градуса в начале конф[еренции] престиж геноссе упал до очень невысокой степени в конце; и наоб[орот], мне кажется, не обманывая себя, можно сказать, что, хотя, конечно, все участники остались далеко не нашими, но наш престиж сильно поднялся. Это было ясно из того нетерпения, с кот[орым] слушали геноссе, и из того возрастающего внимания, с кот[орым] слушали меня. В конце концов вышло даже так, что по всякому вопросу прежде всего высказывался я, затем другие, и взоры всех обращались опять ко мне с ожиданием разъяснений или возражений, получалось нечто вроде собеседования между мною, с одной стороны, и остальн[ыми] участниками, с другой. Говорить приходилось бесконечно много, пожалуй $\frac{1}{3}$ всего времени занял я, вся редакц[ионная] часть (формул[ировка] поправок, даже чужих!) лежала также на мне. Тов[арищ] прок[урора] играл самую жалкую роль; он не говорил ни по одному важному вопросу и главное рабски цеплялся за

геноссе. Екатер[инославец] человек очень мало развитой, один из питер-ц[ев] (бывший бундовец)—ниже всякой критики, другой более интеллигентный. М[ежду] пр[очим], геноссе и пр[очие] с самого начала пытались все вопросы сводить к мелочам, «технич[еским] удобством» и т. д., и я конечно ни единого раза не допустил этого и прежде всего в вопр[осе] о том, почему нужно объявить себя конф[еренцией]. Дело в том, что все и сами хотели этого, но исключ[ительно] ввиду малого числа участников, но как увидите из предложен[ной] мною резолюц[ии] ¹⁰, я поставил вопрос на другую почву. Раздались голоса, что незачем говорить, раз все согласны на конф[еренцию], но в конце концов разгорелись жаркие прения, в котор[ых] была затронута масса вопросов, и предлож[енная] мною резолюция с вполне допустимым добавлением получила половину голосов. Это было первым поражен[ием] геноссе.

Затем приступили к принц[ипиальной] резолюции. Тут я сделал ошибку. Писать ее приходилось наскоро и при крайне неблагоприятных условиях. Я решил воспольз[оваться] брош[юрой] «Что делать», (кот[орую] никто еще не читал) и упомянул в резолюции о всех пунктах, затронут[ых] там. Вследствие этого моя резолюция была связана с вопросом о роли общепарт[ийной] газеты. Несмотря на длинные разъяснения, идея эта еще настолько непонятна всем, что некот[орые] голосов[али] против резолюции именно из-за этого пункта (напр[имер] Ал[ександр]). Тактичнее было бы этот пункт не упоминать в резолюции, но я понял это слишком поздно. Mea culpa! ¹¹ Все остальное, касающееся принц[ипиальной] резолюции, вы увидите из прилаг[аемых] документов ¹². В этом случае дело сложилось для нас не очень хорошо, но будь тут бродяга, Фриц и северян[ин] ¹³, и мы одержали бы блестящую победу. Плохо м[ежду] пр[очим] было то, что в то время как другие совещались между собою, мне решительно не с кем было посоветоваться и я, в особенности вначале, чувствовал себя как во вражеском стане. Но во всяком случае и противникам не удалось провести резолюцию сколько ниб[удь] приличным большинством, т[ак] ч[то] они решили даже не опубликовывать ее.

Проект майск[ого] листка, представл[енный] геноссе, я подверг самой беспощадной критике; вы увидите сами, сколько в нем «экономизма» в особ[енности] во вступлении и в формулир[овке] политич[еских] задач ¹⁴. После бесконечных прений за базис был принят наш листок, и начались «поправки» ¹⁵. Я боролся почти против всех, но несколько, как мне кажется, не особенно существенных, пришлось допустить и получилось предлагаемое, принятое всеми голосами против геноссе, заявившего, что он не решается взять на себя ответств[енность] за такую неудовлетв[орительную] проклам[ацию], и екатер[инославца], восставшего против «переоценки» протестов граждан всех званий и состояний. Но когда зашла речь о подписи, геноссе сообразил, какую глупость он сделал, явившись противником принятия общего листка, и в смешном против[оречии] со своим заявлением дал и свою подпись. То же сделал и екатер[инославец], его подпись отсутствует потому, что он входит в Ю[жный] С[юз]. На прокл[амации] дол-

жна быть обозначена типограф[ия], в котор[ой] она печатается, а печатать ее будут все. Нам необходимо доставить по крайней мере 5 000 (в журналы, но не нашего образца, они повидимому ненадежны), а если установится путь, то конечно, и гораздо больше. Распределение всех майских листов между организациями, развозку их и т. п. по моему предложению поручили русско[й] орг[анизации] «Искры». Днем празднования назначено ртс первое¹⁶. Кроме того приняты такие резолюции...¹⁷

Борьбу после заявления моего (подтвержденного тов[арищем] прокурора), что группа эта в обоих наших организациях возбуждает одинаковое презрение, единогласно послали к чорту...¹⁸

В общем при данных обстоятельствах я результатами доволен. Как Вы? Возмутительны были неоднократные попытки геноссе и тов[арища] прокурора натравить на меня комитетцев демагогическими приемами; приходилось быть до крайности осторожным. Отсюда думаю проехать в Смоленск¹⁹, затем быть может в Ярославль¹⁹, а оттуда к грызунам²⁰, с которыми теперь необходимо повидаться, а затем поселиться в Харькове¹⁹, что необходимо, да полезно и в видах противодействия геноссе в Южном Союзе. Пишите мне пока к грызунам. Меня крайне тяготит, что со времени отъезда ни строчки не получал ни от Вас, ни от М. З.

Вы уже знаете, конечно, о провале Акима и его заведения²¹. Произошло это по чистой случайности. На вокзале его узнал шпион, когда-то следивший за ним. По рассмотрении бумаг жандармы хотели уже отпустить его, но шпион настоял, чтобы отвели в участок, а затем отправились к нему на квартиру, и все открылось. Беспokoюсь об Аркадии²² и бродяге, которые должны были видаться с ним.

Жму крепко руки.

Пишите же и побудите писать и М. З.

Виктор.

Да, я заявил, что в случае безусловной необходимости мы можем дать до 1 500 р. Имейте же в виду!

Геноссе очень просит дать возможно скорее все сведения о лошадях²³, т. к. вам ведь известно, что он именно теперь очень заинтересован в том, чтобы иметь возможность выручить свое имущество или узнать хотя бы, в каком положении оно находится.

Относительно судьбы резолюции касательно превращения в конференцию я, оказывается, ошибся. Не принята ни одна, но и это уж хорошо после того, как сначала моя мотивировка возбудила вопль негодования решительно во всех до единого. ЦК Бунда воздержался потому, что один его представитель был за, а другой (Павел)²⁴ против.

Еду отсюда Смоленск²⁵, потом в Ярославль²⁵, а затем к грызунам, где надеюсь наконец застать весточку от Вас.

Вы получите несколько писем; для начала я всем дал один ключ Полтава ²⁵ счет строк с конца. Устанавливать разные шифры абсолютно не было возможности за крайним недостатком времени.

В Акимовске ²⁶ арестов[али] Полю Гордон ²⁷.

Печатается по автографу.

¹ А. И. Пискунов. ² П. Розенталь и А. Портной. ³ А. Кремер (имя здесь и далее шифром). ⁴ А. Ерманский. ⁵ М. Коган-Гриневич от «Союза русских соц.-дем. за границей». ⁶ Ф. И. Шипулинский. ⁷ В. Краснуха и А. Зельдов. ⁸ Ф. Ленгник. ⁹ М. Сильвин. ¹⁰ См. «Пролетарская революция» № 9, 1922 г., стр. 246. ¹¹ Моя вина! ¹² См. «Пролетарская революция», 1922, № 9, стр. 246—249. ¹³ Представитель Северного союза. ¹⁴ Ниже, документ № 3. ¹⁵ Ниже, документ № 2. ¹⁶ Два последних слова расшифрованы: «ртс»; должно читать обратно «стр», т. е. старое первое (т. е. первое мая по старому стилю). ¹⁷ Далее идут несколько зашифрованных строк, в свое время не расшифрованных. ¹⁸ Далее вновь несколько нерасшифрованных строк. ¹⁹ Зашифровано. ²⁰ Г. М. и З. П. Кржижановские в Самаре. ²¹ Л. И. Гольдман и арест кишиневской типографии «Искра». ²² С. И. Радченко. ²³ Бакинская транспортная группа. ²⁴ П. А. Розенталь. ²⁵ Зашифровано. ²⁶ Кишинев. ²⁷ Зашифровано. П. О. Гордон, по делу типографии.

2

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ «ИСКРЫ» ¹

КО ВСЕМ РУССКИМ РАБОЧИМ ²

Товарищи!

Наступает день *Первого Мая* (по русскому стилю 18 апреля). В этот день перед лицом всех хищников, эксплуатирующих наш труд, рабочие всего мира провозглашают: да здравствует восьмичасовой рабочий день! Мы требуем его, чтобы сделать свою жизнь более человеческой, чтобы оградить свои силы от полного истощения, чтобы уменьшить число безработных, которые сбивают нам плату, чтобы получить возможность умственно развиваться и принимать участие в общественной жизни.

Перед лицом царей и правительств, дворян и капиталистов, которые в погоне за барышами и властью терзают народы опустошительными войнами и истощают их силы на содержание чудовищных армий,—перед лицом всех этих расточителей нашего достоинства рабочие всех стран провозглашают: да здравствует всеобщий мир, да здравствует братский союз между народами, долой постоянные армии!

Товарищи! Мы не можем праздновать первое мая так, как это делают наши друзья в других странах. Царское самодержавие лишает нас права свободно собираться и свободно выражать свои желания. То, что в других

странах делается по закону, то у нас приходится делать *против* закона, против воли наших самовластных правителей. И каждая попытка отпраздновать день первого мая стоит многим из нас тюрьмы и ссылки, а подчас и смерти от пуль царских солдат. Так было ³ в прошлом году на Обуховском заводе и Выборгской стороне в С.-Петербурге.

И тем не менее русские рабочие, несмотря на дикое преследование, все громче присоединяют свой голос к хору пролетариев всего мира, празднующих первое мая. И к общим требованиям всемирного пролетариата русские рабочие присоединяют свое специальное требование: долой азиатское самодержавное правительство, да здравствует политическая свобода!

Пока не будет удовлетворено это наше требование, мы не можем ожидать исполнения в России тех общих требований, которые выставляют в день первого мая рабочие всех стран. Мы даже не можем открыто провозгласить эти общие пролетарские требования в стране, где весь народ лишен свободы, лишен каких бы то ни было прав.

Чтобы открыто и с успехом добиваться улучшений в своей жизни, мы должны добиваться *политической свободы*.

Бесконтрольное, самодержавное правление царя и его чиновников должно уступить место демократии, т. е. управлению страны собранием выборных от всего народа.

Бесконечный произвол чиновников, капиталистов и дворян должен замениться *политической свободой*—свободой печати, собраний, союзов, стачек, свободной совести и неприкосновенностью личности.

Только при политической свободе рабочий класс сможет организоваться в такую силу, которая свергнет господство капитала и установит социализм⁴. А только социализм, т. е. переход земли, фабрик, машин, железных дорог из рук капиталистов в руки рабочих прекратит эксплуатацию труда капиталом—этот источник всякой нищеты, всякого неравенства, всякого рабства.

Товарищи! Гнет капитала тяготеет над нами более, чем когда-либо. Десятки тысяч голодают, не имея возможности отыскать покупателя на свои рабочие руки. Люди воруют, чтобы попасть в тюрьму и найти там кусок хлеба. Честный труженик должен искать пропитания в нищенстве Христа ради, а занятые на фабриках рабочие в ожидании той же участи вынуждены молча сносить новые прижимки пользующихся случаем хозяев. А в деревне миллионы крестьян гибнут от последствий голода, вызванного политикой царского правительства. Оно разоряло крестьян, чтобы поддержать старых господ—дворян, чтобы возростить новых господ—капиталистов и чтобы прокормить темную силу—самовластных чиновников. И в годину народного бедствия—безработицы и голода—царское правительство одной рукой щедро раздает денежные подачки «пострадавшим» от кризиса фабрикантам и благородному дворянству, а другой рукой то высылает на родину в голодающую деревню безработных, то душит всех, кто желает помочь мужику прокормиться.

Царское правительство душит всякую свободную мысль, давит всех, кто не принадлежит к господствующей шайке чиновников, попов, капиталистов и дворян⁵. Но против такого дикого правительства не могут не подняться все, в ком еще живо чувство человеческого достоинства. Число врагов самодержавия растет с каждым днем. И в эту зиму, как и в прошлогоднюю, русские граждане всех званий и состояний не переставали протестовать⁶ против царских опричников, и требование свободы вновь раздалось в Петербурге и Москве, в Харькове и Екатеринославе, в Риге и Киеве, в Нижнем-Новгороде и Ярославле⁷.

Царское самовластие идет навстречу своей гибели. Близок день расплаты за все его вековые грехи против народа, против России.

Товарищи! Мы должны постараться, чтобы день гибели самодержавия принес свободу *нам, немущим рабочим*. В Освобожденной России мы должны стать *полноправными гражданами*. В учреждениях, которые будут управлять страной и давать ей законы, должны присутствовать наши рабочие представители.

Этих прав, этой свободы, мы добьемся только в том случае, если сами будем за них бороться. Когда волновались студенты во имя свободы, мы их поддерживали, сочувствуя их стремлениям⁸. В день Первого Мая заявим свой собственный протест, протест рабочего класса против бесправия, которое давит нас более, чем кого-либо другого.

Только рабочие достаточно сильны, чтобы сломить силу русского самодержавия. Покажем же всем, желающим свободы, что мы готовы добывать ее в бою, что мы намерены бороться за нее до последней капли крови. Показав это, мы ободрим всех противников господствующего насилия и всех их поведем за собой для завоевания своей свободы, которая будет свободой для всех!

Товарищи! Год от году в майском празднестве⁹ участвует все более и более русских¹⁰ рабочих. Постарайтесь, чтобы празднование этого года было шире и громче, чем когда-либо. Пусть всякий рабочий не работает в день Первого Мая (18 апреля). А в день, назначенный комитетом для демонстрации, пусть каждый честный рабочий пролетарий¹¹ явится на собрание!¹² Помните, что от числа участников зависит успех демонстрации. Сотни людей разгонит полиция, с тысячами справится вооруженная сила, но против десятков тысяч бессильно будет и царское воинство.

Приходите же все поддержать требования Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии!¹³

Да здравствует восьмичасовой рабочий день!

Да здравствует политическая свобода!

Долой царское самодержавие!

Типография «Искры».

Печатается по подлиннику; поправки—рукой Ф. И. Дана.

¹ В примечаниях указаны поправки, внесенные на конференции.

² *Добавлено над заголовком:* Р.С.-Д.Р.П.; *заголовок изменен:* Ко всем рабочим России.

³ *Вставлено:* например.

⁴ Социализм — *зачеркнуто;* *написано:* социалистический строй.

⁵ *Вписано:* оно гнетет чужие национальности, сгучивает евреев в тесной черте оседлости, где они задыхаются под гнетом нужды и бесправия, дерзко нарушает исконные вольности финляндцев, отнимает право говорить на родном языке у поляков, беспощадно душит все другие народности; оно насилует свободу совести миллионов сектантов, старообрядцев и иноверцев и держит весь народ во тьме невежества.

⁶ Не переставали протестовать — *изменено:* неоднократно протестовали.

⁷ *Приписано:* Одессе и Кишиневе, Минске и Симферополе. *Последние строки отчеркнуты и на полях помечено:* протестовали, хотя и в робкой, малодушной форме.

⁸ *Вставлено:* Но мы не остановились на этом и начали уже выступать под своим собственным знаменем. Встанем же снова дружно и сплоченно в день 1 мая...

⁹ *Вставлено:* в России.

¹⁰ *Зачеркнуто:* русских.

¹¹ *Зачеркнуто:* честный пролетарий; *написано:* рабочий.

¹² *Зачеркнуто:* собрание; *написано:* демонстрацию.

¹³ *Далее вписан новый лозунг:* Да здравствует Российская Социал-Демократия!

3

ПРОЕКТ МАЙСКОГО ЛИСТКА, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ЮЖНОГО СОЮЗА

Товарищи, наступает день светлого праздника рабочего класса всех стран, день 1-го Мая. 13 лет тому назад в Париже представители сознательных и организованных рабочих всего мира установили этот праздник, как международный праздник борющегося за свое освобождение всемирного пролетариата. Если изо дня в день круглый год рабочие в отдельных мастерских, в отдельных городах и странах ведут обыденную, будничную борьбу со своими эксплуататорами и правительством за различные улучшения своего положения, то раз в год, 1-го Мая все сознательные рабочие на всем земном шаре одновременно открыто выступают со своими классовыми требованиями, с ближайшим требованием 8-часового рабочего дня, международного мира, и открыто заявляют о своей готовности бороться за полное освобождение человечества, за свободу и социализм.

Ограничение рабочего дня 8 часами по закону не только может значительно улучшить положение трудящихся масс, но, главное, откроет им дорогу к полному освобождению. 8-часовый рабочий день — светлая полоса на нашем небосклоне, за которой открывается заря социализма, того строя общества, когда миллионы честных тружеников не будут изнывать под бременем нужды, каторжного труда и невежества только от того, что средства производства (земля, фабрики, пути сообщения) захвачены кучкой пресыщенных и развращенных бездельников. 8-часовой рабочий день — преддверие в светлое царство полной, свободной счастливой жизни всего человечества в социалистическом обществе.

Во имя того же социалистического идеала рабочий класс всех

стран выступает в день 1-го М[ая] с дружным протестом против диких войн и вооруженного мира. Остаток варварской седой старины, война, в настоящее время нужна только господствующим классам капиталистов: она помогает им приобретать новые рынки для сбыта их товаров, она доставляет им выгодные местечки начальников. А больше всего военная сила нужна нашим угнетателям для того, чтобы силой штыков подавлять стремление трудящихся масс к освобождению от эксплуатации и гнета, все сотни миллионов денег, которые поглощает военщина (милитаризм), все десятки тысяч людей, которые своими костями покрывают поля Китая или Южи[ой] Афр[ики]—все это должна давать трудящаяся масса. Собственным потом, собственной кровью она должна окупать чудовище милитаризма, служащее средством увековечить ее же порабощение.

И вот в день 1-го Мая в свободных странах Зап[адной] Евр[опы] сотни тысяч рабочих стройными рядами, с развернутыми красными знаменами, выходят на улицы города, чтобы открыто заявить о своей готовности до конца довести борьбу за социалист[ический] строй, при к[ото]ром не будет ни эксплуатации и гнета, ни диких войн и милитаризма.

А у нас в России?

На том пути борьбы за освобождение, к[ото]рый широко и просторно открывается перед рабочим классом западно-европ[ейских] стран, мы, русские рабочие, встречаем сильное препятствие—чудовище неограниченной самодержавной царской власти. Вскормленное веками татарского ига, вспоенное вековой забитостью и покорностью крестьянских масс, русское самодержавие всеми силами старается удержать и теперь в своих хищных лапах русский народ, в к[ото]ром уже зародились и крепнут иные потребности, иные стремления. И чем сильнее и ярче прорывается в порабощенном русском народе жажда света и свободы, тем сильнее сжимает в лапах свою жертву двуглавый хищник. Правительство самодержавного царя давит и душит в России все живое и даёт полный простор только хищнически эксплуатирующим нас капиталистам, морочащим нас продажным попам и держащим нас в ежовых рукавицах полицейским и жандармам. Если *всякое* стремление к знанию, к свету встречает в русск[ом] самодержавии своего врага, то с чисто дьявольской беспощадностью обрушивается оно на осовободительное движение *рабочего класса*, в кот[ором] оно видит своего естественного могильщика в недалеком будущем. А этот могильщик растет не по дням, а по часам.

Еще каких-нибудь 20 лет тому назад русск[ий] рабоч[ий] класс покорно нес свое двойное ярмо экономич[еской] эксплуатации и политич[еского] гнета. И когда стал наконец он просыпаться от своего векового сна, то лишь с трудом ощупью отыскивал путь и средства для своего освобождения. И чем больше накоплялось опыта, чем больше прояснялось сознание передовых рабочих, тем яснее выступала самая главная, самая насущная задача—завоевание политич[еской] свободы, без к[ото]рой немисливо достигнуть ни 8-часов[ого] рабочего дня, ни каких-либо вообще прочных улучшений в положении рабочих масс. И вот уже несколько лет,

как проснувшиеся рабочие русских городов стали все больше проникаться сознанием необходимости борьбы за политическую свободу. Русское рабочее движение т[аким] о[бразом] сделалось политическим, встало под знамя Соц[иал]-Дем[ократической] Партии. От того же знамени повеяло новой жизнью на всех, кто стонет под ненавистным игом самодерж[авного] произвола: на студенчество, вообще на более или менее чуткие слои образованного общества, на терзаемые двуглавым орлом национальности, как польская, еврейская, латышская и т. д. С особ[енной] силой выступило политическое движение раб[очего] класса и рвущихся к свободе слоев за последние полтора года. Оно нашло и свое могучее боевое оружие—массовые демонстрации. Весь прошлый год был годом политическ[их] демонстраций, настоящей грозой, разразившейся в крупных городах. И несмотря на все беспощадные, поистине дьявольские меры насилия со стороны перепуганной царской клики, вырвавшийся на простор поток всеобщей народной борьбы за политическую свободу становится с каждым днем все шире и полнее. И последние 2 месяца, несмотря на бесчисленные аресты рабочих и сочувствующих им интеллигентов, с новой силой разлился по России поток политическ[их] демонстраций, и теперь трудно найти в России крупный город с рабочим насе[ле]нием, где бы улицы ни разу не оглашались бурными кликами: долой самодержавие. Наша несчастная родина наконец совсем проснулась: она точно устыдилась того, что вступает в XX век с печатью политическ[ого] порабощения, и решила напрячь все силы, чтобы вытравить это позорное клеймо, отличающее Россию от всех цивилизов[анных] стран.

Товарищи! В день 1-го Мая вам предстоит вновь воспользоваться надежным орудием политической борьбы, открытой демонстрацией во имя наших требований и прежде всего требования участия представителей народа в управлении страной, требований свободы слова, свободы союзов и совести, неприкосновенности личности, словом—во имя конституции. Демонстрация в день 1-го Мая должна показать нашим врагам успехи нашего соц[иал]-дем[ократического] движения.

Всего 13 лет тому назад первое празднование 1-го Мая могло собрать всего лишь 30 человек на тайном собрании в Петерб[урге]. Маевки последних 2-х лет показали, к[а]к заметно выросла наша сила. 1-е Мая настоящего года вы, своим дружным массовым участием в массов[ой] политическ[ой] демонстр[ации], покажете, что нет той силы, кот[орая] могла бы задержать быстрый рост нашего движения. Мы приглашаем вас прекратить работу в день майского праздника и дружной демонстрацией протестовать против гнусного насилия и произвола самодержавного правительства,—того правительства, которое разоряет и обездоливает крестьянскую массу, которое охраняет и усиливает эксплуатацию городских рабочих и высылает наших безработн[ых] товарищей по этапу в голодающие деревни; того правит[ельства], которое сковывает путами бесправия весь русский народ, к[ото]рое ложится еще особенным гнетом на все нерусские народности, не имеющие несчастье принадлежать к подданным рус-

ского деспота. Только борьба объединенных сознательных рабочих во главе всех угнетенных рабочих слоев населения освободит всю Россию от ярма самодержавия. Пусть же вместе с всеоживляющими лучами весеннего солнца оживает все придавленное и забитое, пусть вместе с просыпающейся от долгого зимнего сна природой проснутся все те, кто еще спит сном неведения. Пусть в измученные сердца вольется надежда и твердая вера в близкий час победы света и свободы над мраком и насилием.

Да здравствует 1-ое Мая!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует социализм!

Печатается по копии, написанной частью рукою Ф. И. Дана, частью неизвестной рукой.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

Е. ПИНЕЖСКИЙ. КРАСНАЯ ГВАРДИЯ

(Очерки истории Питерской Красной гвардии 1917 года. Гиз, Отдел военной литературы. М. 1929 г., тир. 5 000, стр. 119, цена 70 коп.)

Книжка т. Пинежского—одного из активных организаторов и руководителей Питерской Красной гвардии—принадлежит к произведениям описательно-исторического типа. Сам автор характеризует свою работу как исторический очерк. Но это определение может быть распространено только на часть книжки и притом—на меньшую. В большей же своей части книга приближается к мемуарной литературе. Это личные воспоминания, подкрепленные сравнительно обширным фактическим материалом и дополненные воспоминаниями других участников, значительная часть которых (воспоминаний) была уже в свое время напечатана.

Автор оговаривает, что его «очерк отнюдь не исчерпывает всей деятельности Красной гвардии» (стр. 4), при чем объясняет он это тем, что у него под руками были не все необходимые для этого данные. «До сих пор еще не найдены архивы центральной комендатуры и главного штаба Красной гвардии. В них имеются ценнейшие сведения об организации и деятельности рабочей гвардии» (стр. 4). Конечно, нельзя не согласиться с тем, что отсутствие архивных материалов должно было отразиться—и отразилось—на всей работе. Но дело не столько в этом, сколько в том, что в авторе участник, ру-

ководитель событий сплошь и рядом подавляет исследователя, историка. Отсюда некоторые спорные положения в работе, некритический подход к показаниям других участников и т. д. Мы еще вернемся к этому в последующем, а пока ограничимся только одной иллюстрацией: В 1923 г. в № 6 журнала «Красная летопись» были напечатаны воспоминания рабочего т. Ракитова о Красной гвардии. В этих воспоминаниях он между прочим рассказывает о том, как производилась мобилизация рабочих против начавшегося наступления немцев. «В декабрьскую ночь загудел гудок на заводах—немцы под Псковом. Приказ гл. штаба гвардии и исполкома, чтобы на другой день был готов отряд под Псков...» (см. «Красная летопись»—№ 6 1923 г., стр. 186). Здесь перепутаны даты. Известно, что наступление немцев началось 18 февраля. Гудки гудели таким образом не в декабрьскую, а в февральскую ночь. Формирование отрядов в Питере против немцев началось тогда же. В воспоминаниях участников такого рода ошибки очень часты и неизбежны, хотя бы события, о которых они пишут, и не так уж давно происходили. Но в исторических работах совершенно обязательны критический подход, проверка показаний участников. Тов. Пинежский

этому требованию не очень следует. В частности и это показание красногвардейца Ракитова он цитирует без всяких поправок (стр. 100).

После этого предварительного замечания о мемуарном характере работы перейдем к более подробному ознакомлению с книжкой. Взяв своей темой Красную гвардию, автор сконцентрировал свое внимание исключительно на Питере. Хронологически автор рассматривает период с первых дней революции до начала 1918 г.,—когда начала организовываться Красная армия. В рамках этого отрезка времени т. Пинежский рассматривает отдельные этапы истории Питерской Красной гвардии.

Одно из основных мест в книге занимают те несколько страниц, на которых т. Пинежский разоблачает известную попытку бывшего меньшевика Н. Ростова приписать социал-соглашателям приоритет в деле организации Красной гвардии. Заслуга автора здесь несомненна. Нам только кажется, что выступая против утверждений Ростова, автор—во-первых—полемизирует не с основными—с точки зрения их значения—положениями последнего, и, во-вторых, полемику ведет не на той большой высоте, на которой она должна была бы вестись. В защиту своей бесспорно правильной точки зрения автор выдвигает доводы формального, а не принципиального характера.

Попробуем это наше положение доказать. Соответствующий отрывок из книги т. Пинежского сообщает следующее: «Вопрос о Красной гвардии был впервые поднят нашей (большевистской.—С. Р.) прессой в половине марта... Попутно я должен твердо установить, что инициатива наименования воору-

женного пролетариата Красной гвардией принадлежит «Правде», т. е. нашей партии. Я это подчеркиваю здесь потому, что один из деятелей Красной гвардии времен апреля 1917 г. бывш. меньшевик Н. Ростов утверждает... что именно он впервые заговорил о Красной гвардии. Ростов даже поясняет, почему он решил дать ей это название:

«В памяти,—говорит он,—вставали финляндские рабочие времен революции 1905 г.—красногвардейцы».

О Красной гвардии уже с половины 1917 г. говорилось на заседаниях руководящих инстанций нашей партии, в партийной прессе и в рабочих районах. Если иногда те или иные районы возражали против *наименования* пролетарской гвардии—Красной, то делали они это, главным образом, по практическим конспиративным соображениям.

Ростову пришло на мысль *назвать* (курсив здесь и выше мой.—С. Р.) рабочих гвардейцев красногвардейцами в конце апреля, т. е. тогда, когда о Красной гвардии говорили открыто и друзья ее и враги» (курсив автора.—С. Р.) (стр. 10—11). Из этого отрывка видно, что автор особенно существенной ошибкой Ростова считает его утверждение о том, что он (иначе говоря меньшевики) первый выдвинул название «Красная гвардия». Ошибочность же этого утверждения доказывается простыми хронологическими справками: большевики заговорили в марте, Ростов (меньшевик)—в апреле.

По существу же вовсе не вопрос о том, кто первый предложил это название, является основным в статье Ростова. На самом деле последний ставит вопрос о том, кто был инициатором, строителем Красной гвардии на первом этапе революции, и решает его в пользу социал-соглашателей. «...Ведь

Красная гвардия создавалась теми же меньшевиками и эсерами»,—отмечает он в одном месте своей статьи¹, жалуясь на близорукость социал-соглашательской верхушки Исполнительного комитета Петроградского совета, выступившего против создания Красной гвардии. «Всю начатую нами работу большевики энергично продолжали»,—подчеркивает он в другом месте². Итак, социал-соглашатели были инициаторами создания Красной гвардии, первыми ее строителями, большевики же пришли на все готовенькое, им только осталось продолжать раз начатое дело—вот центральное место статьи Ростова, и именно по нему, а не по вопросу о названии, следовало бить т. Пинежскому с особенной силой. А приняв это положение, следует согласиться с тем, что на вопрос: кто же был на деле организатором, строителем Красной гвардии, хотя бы даже в первые месяцы Февральской революции,—следует отвечать исходя не из таких формальных моментов, как две календарные даты (хотя и они имеют свое значение), а из предпосылок и соображений более существенных, с большим принципиальным значением.

Постановка вопроса об организации социал-соглашателями Красной гвардии неправильна и исторически неверна.

Что такое Красная гвардия (пролетарская милиция тоже)?—«Орган восстания, ...вооруженная организация пролетариата, ведущего борьбу за установление диктатуры пролетариата»,—отвечают на этот вопрос тезисы VI конгресса Коминтерна «против империалистических войн (§ 50, 51). Каждому

ясно, что такой и для таких задач вооруженной организации меньшевики не создавали,—создавать не могут.

Как же быть тогда с утверждениями Ростова о том, что социал-соглашатели участвовали в организации вооруженных отрядов рабочего класса, в организации Красной гвардии? Ответ один и совершенно точный: то, к чему они стремились, с Красной гвардией—в нашем понимании—ничего общего не имеет. Те же тезисы VI конгресса указывают, что реформисты организуют свою «желтую рабочую оборону», состоящую из специально отобранных несознательных или подкупленных пролетарских элементов. Такого же рода организации «рабочей обороны» использовались для разложения и обуздания пролетариата во время его борьбы в Руре в мае 1923 г. и после венского восстания в 1927 г. (§ 54 тезисов). Мы знаем по опыту нашей революции, что эсерам удавалось создавать боевые дружины, куда входили и рабочие. Больше того: в 1919 г. на Восточном фронте сражались против Красной армии сагитированные социал-соглашателями полки ижевских и воткинских рабочих. Это были тоже своего рода отряды вооруженных рабочих, но разве возникнет у кого-нибудь мысль назвать их Красной гвардией?

Но насколько применимо все здесь сказанное к тому, что делал Ростов с товарищами? Нужно прежде всего подчеркнуть, что между тем, к чему они стремились, и тем, что помимо и против их желания получилось, дистанция огромного размера. Расхождение получилось не только количественное, но и качественное.

К чему стремились, какие цели ставились Ростовым с товарищами при создании Красной гвардии, видно из

¹ См. «Красная новь» № 2, 1927 г., стр. 175.

² Там же, стр. 180.

написанной им прокламации, распространение которой предшествовало созыву общеделегатского собрания. Ростов сам сознается, что писал ее, «исходя из принципов защиты интересов демократии»¹, поэтому в прокламации совершенно недвусмысленно подчеркивалось, что, «защищая интересы пролетариата, Красная гвардия будет в то же время стоять на страже интересов *всей демократии*» (курсив Ростова.— С. Р.), фактом своего существования являясь угрозой всяким контрреволюционным попыткам, откуда бы они ни исходили»². Типичные меньшевистские рассуждения о широкой (по сути дела буржуазной) демократии, противопоставляемые ленинскому требованию пролетарской демократии. Широкая демократия и... Красная гвардия,— требовать того и другого можно было по неведению или наивности, или... заранее извращая самую сущность последней, маскируя революционной терминологией контрреволюционные замыслы и попытки. Все это было бы хорошо, если бы не было одного «но». Это «но» — рабочий класс. Именно он-то меньше всего был склонен вступать в Красную гвардию меньшевистского толка. Для него Красная гвардия была организацией революционной, именно такой, какой ее оценивали большевики. Не случайно более дальновидные меньшевики выступили против проектов Ростова. Они видели, что рабочий за ними не пойдет, даже если в руководящих органах Красной гвардии будут сидеть представители меньшевиков. Вооружать же рабочих против себя (в перспективе) у них не было ни малейшего желания.

Более критический подход автора

разбираемой книги к воспоминаниям Ростова позволил бы ему найти в них еще ряд таких положений, которые гораздо резче разоблачили бы основное положение последнего, чем довод «от календаря».

Марксизм—ленинизм учит нас, что форма неразрывно связана с содержанием. Меньшевистская Красная гвардия немислима. Именно это и должен был показать автор в соответствующей части своей книги. И именно этого он с достаточной отчетливостью не сделал. Больше того: косвенным образом он поддерживает некоторые утверждения Ростова. Так, он пишет: «почти ни разу Петербургский комитет не обсудил серьезно, деловым образом вопроса о вооружении рабочих, неоднократно стоявшего в порядке дня комитета. Это повело к тому, что первая попытка создания общегородской организации вооруженных сил пролетариата (Красной гвардии тоже.— С. Р.) была совершена помимо Петербургского комитета кустарным образом «инициативной группой» социал-демократов, во главе коей стоял левый меньшевик Н. Ростов» (стр. 13). Оставим на совести автора утверждение о «левизне» Ростова. Нас интересует существо тех, которые сделаны в приведенном отрывке. Первая часть отрывка—о поведении ПК нашей партии—не встречает возражений, но вторая,—она говорит о недостаточном критическом подходе автора к показаниям «левого» Ростова, о том, что за формальной стороной этих показаний он не видит самой сущности их. То, что упомянутая инициативная группа делала, мы на основании изложенных выше соображений к первым попыткам создания общегородской организации Красной гвардии отнести не можем.

¹ «Красная новь» № 2, 1927 г., стр. 172.

² Там же, стр. 173.

Общегородское собрание 28/IV. имело известное значение в деле создания Красной гвардии, но гораздо меньшее, чем об этом думает Ростов, а главное, роль этого собрания в деле создания Красной гвардии проявилась помимо его, Ростова, желаний и вразрез с его установками.

В силу этих соображений, мы считаем неверной фразу о том, что «инициативная группа Н. Ростова вела работу по объединению Красной гвардии» (стр. 20). На деле это было попыткой социал-соглашателей взять в свои руки организацию вооруженных сил рабочего класса, выхолостить из нее ее революционную сущность, повести их по меньшевистскому пути, превратив в конечном итоге в ту самую желтую «рабочую оборону», о которой говорят тезисы VI конгресса и на борьбу с которой должна готовиться Красная гвардия.

Коротко остановимся на главах, рисующих развитие Красной гвардии и ее роль в июльские дни и во время корниловского выступления. В этих двух главах, особенно во второй — «Ликвидация корниловщины» — автор дает ряд ценных подробностей организации Центральной комендатуры Красной гвардии (4 сентября), попутно исправляя отдельные неточности в работах других исследователей. В этой главе еще интересна одна справка фактического порядка о численности Красной гвардии к концу сентября. На заседании ПК 24 сентября представитель центральной комендатуры т. В. Павлов, говоря о численности Красной гвардии, определил ее цифрой в 4000 вооруженных людей (стр. 45). По этому поводу автор делает следующее замечание: «хотя т. Павлов и был в курсе работы по ор-

ганизации Красной гвардии и потому его мнение является авторитетным, я все же имею основание полагать, что он ошибался и сильно преуменьшил число *вооруженных рабочих* (курсив автора.—С. Р.). По моим сведениям их было к этому времени в Петербурге не менее 8—10 000 человек» (стр. 45).

Между 4000 и 10 000 разница довольно существенная. Было бы, конечно, небезынтересно знать, на основании чего автор эту цифру выводит, но, к сожалению, он об этом ничего не говорит. Дело в том, что для определения численности Красной гвардии нет единого общего критерия. Вернее, каждый исследователь подходит (или может подходить) к определению этой численности со своей, для него одной точной меркой. Это же имеет место, по нашему мнению, и в замечании т. Пинежского по поводу приведенной т. Павловым цифры. Последний говорит, что в Красной гвардии имеется около 4000 вооруженных людей. Это может означать, что в списках, вернее на учете центральной и районных комендатур имеется такое количество людей. Товарищ же Пинежский специально подчеркивает, что он говорит о вооруженных рабочих вообще. В Петербурге могло быть к 24 сентября 10 000 вооруженных рабочих, но на учете Красной гвардии, т. е. организованных, зарегистрированных и объединенных по отрядам, их было только около 4000 человек. Возможно, что в данном случае дело как раз не так обстоит, и т. Пинежский имел в виду также 10 000 красногвардейцев. Но это не меняет значения выдвинутого нами вопроса.

Интересен в этой главе еще вопрос о взаимоотношении между Красной гвардией и военной организацией больше-

виков (стр. 44), но этот вопрос мы рассмотрим в другой плоскости, в связи с выяснением вопроса о роли революционных солдат в Октябрьской революции.

Когда читаешь страницы разбираемой книги, посвященные Октябрьскому периоду и периоду, непосредственно за ним последовавшему, невольно вспомнишь слова М. Н. Покровского, отмечавшего, что в мемуарах «никто не может отрешиться от своей личной точки зрения, для всякого он сам всегда является центром». Дело не в том, что автор себя выставляет на первый план, а в том, что подчас против намерений и желаний самого автора, события, в которых он участвует, факты, которые он приводит, явления, которые он описывает,—все они подаются, освещаются так, как будто кроме них больше ничего не имело места, что заслуживало бы такого же внимания.

В рассматриваемой работе сказанное относится, конечно, к вопросу о роли, значении, действиях Красной гвардии. Не приходится говорить о решающем значении пролетариата в социалистической революции, об исключительной роли Красной гвардии, но не следует упускать из виду и той области работы рабочего класса и его партии, которая велась по линии военной организации партии в социально близких нам прослойках крестьянского большинства старой армии.

Известно, что важнейшая задача военной организации была сформулирована как задача «создать из примыкающих и идущих за социал-демократией революционных демократических элементов армии—материальный вооруженный оплот для революции и поставленных ею в порядок дня требований». Эта задача, конечно, не была единственной, но в ре-

волюции, принятой Всероссийской конференцией военных организаций партии в 1917 г. и оглашенной затем т. Подвойским на VI съезде партии, она была подчеркнута как одна из основных¹. Конечно, автору, пишущему на тему о Красной гвардии, мы не в праве предъявить требование особенно подробно остановиться на роли старой армии в пролетарской революции. Но дать хотя бы общее представление об этом, в интересах правильной исторически ориентировки читателя—необходимо. Тов. Пинежский отмечает роль военной организации партии в деле организации, и главным образом, обучения Красной гвардии, но тут же подчеркивает, что «все это конечно не значит, что дело создания Красной гвардии—дело военной организации», как это слишком смело заявляет т. Подвойский, вообще преувеличивающий степень организованности самой «военки» и планомерность ее работы» (стр. 44).

Автор описывает борьбу с белогвардейцами на Пулковских высотах. Общеизвестно, что решающую роль сыграли в этой борьбе красногвардейцы. Но не следует забывать и о той части солдатских масс, которая шла за большевиками и которая под руководством рабочего класса и его партии сражалась бок о бок с красногвардейцами, как это делает автор, ибо в классовом отношении части старой армии не были и не могли быть однородными, отсюда и все те колебания, которые имели место в тот период.

У автора мы по этому вопросу чет-

¹ Хорошо было бы узнать, на основании чего пытается сейчас т. Малаховский оспорить эту общепартийную установку в своей статье «Как создавалась рабочая Красная гвардия», см. «Пролетарская революция» № 10 (93) 1929 г., стр. 32.

кости не находим. Он пишет: «бесспорно, честь (в тексте опечатка, сказано — часть.—С. Р.) победы над Керенским принадлежит рабочей Красной гвардии Петербурга. Надо отметить однако, что некоторые полки Петербургского гарнизона вели себя не менее доблестно, чем Красная гвардия» (стр. 73). Все как будто хорошо. Но как увязать сказанное с написанным тремя страницами ранее, где читаем: «Вместе с Красной гвардией боролись и умирали за власть советов матросские отряды и некоторые войсковые части Петербургского гарнизона. Однако надо сказать правду, что последние не проявляли особого энтузиазма; временами колебались и не шли в бой без Красной гвардии» (стр. 70). Далее следует ряд иллюстраций к этому. Какое из этих двух утверждений автор считает более действительным — так и неизвестно.

Автор отмечает участие Красной гвардии в борьбе с контрреволюцией и анархией (пьяные беспорядки), исключительная роль Красной гвардии в этой борьбе бесспорна. Но именно потому, что автор на страницах книги выступает больше как участник, чем исследователь, он кроме Красной гвардии ничего не видит.

Он описывает ноябрьскую демонстрацию (28/XI) в честь Учредительного собрания. По тов. Пинежскому охрана порядка была возложена исключительно на Красную гвардию. «Главным штабом был издан специальный приказ по районам... Кроме этого приказа.. была выработана дополнительная — секретная инструкция штабам Красной гвардии. В ней предписывалось воздерживаться от применения силы в отношении демонстрантов рабочих; рекомендовалось действовать методом убеждения» (стр. 89). Конечно, Красная гвардия была наиболее стойкой политически боевой силой

рабочего класса. Но разве он не мог дополнительно опираться на солдат бедняков? И действительно, задача охраны революции была возложена не только на отряды Красной гвардии, но и на части войск гарнизона. Мы не знаем, о какой секретной инструкции штабам Красной гвардии говорит автор, так как он ее не приводит. Нам известна одна инструкция, это инструкция, изданная в связи с готовившимися демонстрациями в честь учредилки и перепечатанная в «Бюллетене бюро военных комиссаров»¹. Судя по изложенным автором основным политическим установкам ее (о бережном отношении к рабочим) — считаем, что упоминаемая т. Пинежским и известная нам инструкция, в которой подчеркнута эта же установка, — одно и то же.

Из текста этой инструкции видно, что предназначалась она для начальников отрядов, а не для штабов Красной гвардии; что в отряды входили не только Красная гвардия, но и части войск. Из того же номера журнала, в котором напечатана инструкция, автор мог бы усмотреть, что в разгоне демонстрации, правда, не ноябрьской, а январской, активно участвовали солдаты — кексгольмцы, преображенцы, финляндцы, а не одни только красногвардейские и матросские заставы, как он сообщает (стр. 98). Нет никакого сомнения, что и в ноябрьские дни на лучшую, в социальном отношении наиболее близкую рабочему классу часть солдат советская власть могла возлагать определенные революционные задания.

Когда автор описывает борьбу с волной пьяных погромов, в нем опять-таки борется историк-исследователь с участником. Как исследователь он совершенно правильно отмечает, что «Крас-

¹ № 4, 1918 г., стр. 2-я.

ная гвардия при поддержке лучшей части солдат и матросов блестяще выдержала испытание» (стр. 95—96), а все примеры, предшествующие этому выводу, как раз призваны показать, что солдаты не могли устоять перед винным соблазном и вместе с погромщиками участвовали в расхищении погребов. Это конечно создает неправильное представление об истинном поведении солдат, среди которых были и стойкие, выдержанные элементы и элементы морально разложившиеся. Все примеры, приводимые автором, призваны показать, что *одни только* красногвардейцы могли справиться с ликвидацией пьяных погромов, а затем несколько неожиданно делается приведенный выше совершенно правильный вывод, рисующий истинное положение вещей: руководящую роль Красной гвардии, ведущей за собой лучшую часть солдат и матросов.

Между прочим в том самом журнале, где помещены материалы о разгоне контрреволюционной демонстрации, приведен ряд фактов, рисующих положительную роль солдат в борьбе с пьяными беспорядками.

Та же некоторая односторонность видна у автора, когда он описывает борьбу в Финляндии. У него речь идет исключительно о Красной гвардии, а об отрядах солдат, организованных военной организацией большевиков—Народным комиссариатом по военным делам, ни слова. А ведь такие отряды были и доблестно сражались.

Повторяем, в книге о Красной гвар-

дии естественно, что девяносто девять сотых ее содержания уделено военной организации рабочего класса и его партии. Но та одна сотая, которая, в интересах ориентировки об истинном соотношении сил, говорит о бедняке крестьянине—солдате-союзнике рабочего, должна быть так изложена, чтобы окончательные положения вытекали из приведенных фактов, а не противоречили им. А этого как раз и нет.

Сделанные замечания по поводу отдельных, на наш взгляд спорных или недостаточно четко изложенных положений автора, равно как и отдельные положения, выдвинутые нами по существу такой интересной и актуальной для братских компартий проблемы, как Красная гвардия,—ни в какой мере не могут и не должны отразиться на общей оценке книжки. Книга—бесспорно ценная, особенно своим фактическим материалом. Отмеченные моменты нами можно было бы отнести к недостаткам только при условии, если рассматривать всю работу как исторический или теоретический очерк. Но мы уже в самом начале говорили об известной относительности такой характеристики книжки т. Пинежского. Перед нами воспоминания активного участника, бойца и строителя, а для такого рода произведений должны быть значительно изменены требования, ибо в первую очередь живой свидетель пишет о том, что он видел и слышал, в чем участвовал и что сохранилось в его памяти.

С. Рабинович

РЕЦЕНЗИИ

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И СОВРЕМЕННЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ. Хрестоматия составлена М. Резуновым и А. Стальгевичем, под редакцией и с вводной статьей Е. Пашуканиса. Изд. Комм. академии, 1930 г., стр. 304 и XXVII. Цена 1 р. 75 к. Тираж 5 100.

Вводная статья т. Пашуканиса в сжатой и яркой форме дает краткую оценку учения Ленина о государстве и современной борьбе вокруг него со стороны правых и «левых» вождей социал-демократии.

Вскрывая гниль и лживость хитро-сплетенных конструкций Каутского, Отто Бауэра, Гильфердинга и др. дипломированных ученых, лакеев и апологетов буржуазии, срывая маски с политических банкротов разбитого вдребезги контрреволюционного меньшевистского и троцкистского охвостья, автор в своих выводах указывает, что теоретическое превосходство учения Маркса и Ленина «воплощено в гигантских успехах нашего социалистического строительства, нашей индустриализации, мощного колхозного движения... его победа на всем земном шаре непредотвратима».

Все же эта хорошая, большевистски выдержанная статья, вводящая читателя в круг вопросов, разрабатываемых хрестоматией, вызывает ряд замечаний, мимо которых мы не можем пройти.

На стр. 25 т. Пашуканис, правильно бичуя юридический фетишизм Каутского, не понимающего роли революционного насилия, пишет, что «государственная власть, т. е. господство одного класса над другим, в конечном счете всегда покоится на непосредственном насилии (подчеркнуто нами), следовательно, является диктатурой. Это место статьи необходимо было бы связать хотя бы с тем положением программы Коминтерна, которое говорит, что в конечном-то счете «отношение эксплуатации и экономическое господство буржуазии находят свое политическое выражение в государственной организации

капитала как аппарате подавления пролетариата»¹. Ценнейшие указания по этому вопросу мы имеем также у Энгельса, указывающего, что «насилие (разумеется капиталистического государства) охраняет эксплуатацию», что последняя возникла чисто экономически, а не путем насилия»². Мы уже не говорим о том, что понятие диктатуры пролетариата далеко не исчерпывается понятием насилия. Тов. Сталин (стр. 96 хрестоматии) отмечает 3 момента в понятии диктатуры пролетариата и что ни один из них не может быть исключен³.

Мы считаем нелишним сделать эти замечания, так как не особо искушенный читатель (поскольку хрестоматия предназначена для студентов младших курсов) может счесть, что в насилии, при всей его важности, как повивальной бабки рождения нового общественного строя, вся соль, и им все исчерпывается. Опуская же (или представляя грубо механистически) тесную диалектическую связь между происхождением государства и его экономической основой, этот читатель может потревожить не только Гумпловича (о нем кстати вскользь упоминает т. Пашуканис на стр. X), взгляды коего далеко не везде выветрились, но и тень покойного Дюринга с его знаменитой «теорией насилия».

Необходимо было бы уточнить и положение о том, что «буржуазия вырвала (подчеркнуто нами) государственную власть из рук дворянства землевладельцев *при помощи вооруженной силы* и вооруженной же силой она удерживает эту власть в борьбе с рабочим классом» (стр. 25). Маркс еще в 1847 г. писал по поводу Великой французской революции, этой классической революции буржуазии, что только диктатура мелкой буржуазии в лице якобинцев, т. е. «господство террора во Франции могло

¹ Программа Коминтерна, стр. 4. Гиз, 6-е изд., 1930 г.

² Анти-Дюринг, стр. 141, Гиз, 1928.

³ См. также ценнейший конспект Ленина о диктатуре пролетариата. Соч., т. XXV 2-го изд.

послужить... тому, чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу как по волшебству все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия с ее *тревожной осмотрительностью* (подчеркнуто нами) не справилась бы с такой работой в течение десятилетий»¹. К тому же буржуазия вообще не везде вырывала власть при помощи вооруженной силы. Используя в борьбе с дворянством возмущения трудящихся масс, загребая везде жар чужими руками, буржуазия во Франции «открыто низвергла дворянство, а в Англии постепенно обуржуазила его и присоединила к себе в качестве почетного украшения»².

Если в великих английской и французской революциях буржуазия крайне неохотно шла на открытую борьбу с дворянством, то для революций 1848 г. и последующих (взять хотя бы нашу революцию 1905—1917) никак невозможно применить без уточнения положение т. Пашуканиса о вооруженной борьбе буржуазии с дворянством.

Не только революционность, а самая подлая трусливость и измена даже в ущерб собственным классовым интересам характерна для французской и немецкой буржуазии эпохи 1848 г., а тем более для русской буржуазии типа Гучкова—Милюкова в позднейших революциях.

Таковы те отдельные замечания, которые мы сочли необходимым сделать по поводу статьи т. Пашуканиса.

Сама хрестоматия разбивается на следующие 7 разделов: 1) общие понятия об обществе и государстве, 2) буржуазное государство, 3) диктатура пролетариата, 4) буржуазная и пролетарская демократия, 5) советское государство и советский государственный аппарат, 6) советские государственные и общественные организации, 7) Советы и международная социалистическая революция. Предназначена хрестоматия, по словам составителей, для студентов первых курсов факультетов Советского права, применительно к программе об-

щего учения о праве, государстве и советской конституции.

Наряду с цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, программой Коминтерна и другими подобными материалами, в ней приводятся также и выдержки из работ виднейших представителей современного ревизионизма и социал-фашистских ренегатов из наших рядов (как правого, так и «левого» толка). Это несомненно является положительной стороной книги, так как вряд ли можно оспаривать необходимость воспитания наших кадров на самостоятельной критике и преодолении враждебных марксизму взглядов. Но составители хрестоматии все же, как нам кажется, немного пересолили с количеством цитат из ревизионистов.

При втором издании было бы полезно такого рода материал сократить, расширив за его счет выдержки из марксистской литературы.

В частности, не плохо было бы использовать ценнейшие материалы из Энгельса, жестоко раскритиковавшего знаменитую «теорию насилия» Дюринга. Это помогло бы борьбе с имеющими еще хождение взглядами Гумпловичей.

Затем следует отметить, что крайне недостаточно освещен вопрос об отношении пролетариата к буржуазному парламенту; на одной страничке (51) приведено лишь 7 строчек из Ленина и несколько строк из Маркса.

Во втором издании составителям следует также использовать и ленинский конспект о диктатуре пролетариата, напечатанный в т. XXV Сочинений.

Несмотря на отмеченные недочеты, мы считаем, что выпуск данной хрестоматии, где в основном собрано все ценное, что имеется по вопросу о диктатуре пролетариата и дано в противопоставлении взглядам оппортунистов, является желательным вкладом в нашу литературу о государстве. Материал подобран и расположен, в основном, удачно, цитаты основоположников марксизма ярки, сжаты, систематизированы и заставляют работать не только в пределах хрестоматии, но и обращаться (по мере возможности) к тем трудам Ленина и др., откуда они взяты. Составителями

¹ Маркс против К. Гейнцена. Журн. «Под знаменем марксизма» № 4—5 за 1923 г.

² Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 152.

правильно уделено значительное место национальному и колониальному вопросам, в этой области преподавание в вузах обычно сильно хромает; о значении же ее (хотя бы в связи с событиями в Индии и Китае) говорить не приходится. Технически хрестоматия набрана и оформлена хорошо.

Составители правы, что хрестоматия окажется полезной не только для студентов, но и для широкого партийного актива.

Д. П.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП В КИЕВЕ (1910—1914). Сборник статей, воспоминаний и материалов из истории Киевской организации РСДРП. Под редакцией С. Кокошко. Киевский Ист-партотдел. Харьков—Киев 1930. Тираж 2 500, стр. 242, ц. 2 р. 75 коп. (Книга на украинском языке).

Во всех статьях и воспоминаниях рассматриваемого сборника проводится мысль, что хотя киевская организация¹ в 1910—1914 гг. и «составляется из различных партийных течений, однако все эти течения, в особенности значительная группа меньшевиков-партийцев, работают в полном согласии с большевиками, которые являются идейным гегемоном в организации» (стр. 12). Однако при внимательном штудировании материалов сборника к этому выводу притти никак нельзя.

Так, в 1910 году, после январского пленума ЦК РСДРП, КО была одной из первых, кто откликнулся на призыв троцкистской «Правды» о созыве «общепартийной» конференции помимо ЦК. Установив такой факт, редактор сборника говорит, что это «был лишь эпизод в жизни КО, вызванный отсутствием связи с партийными центрами...» В конце 1910 и начале 1911 г. КО устанавливает связь с центральными органами партии и навсегда, — лишет редактор, — избавляется от какого-либо влияния Троцкого и его «Правды» (стр. 11). Это наивное утверждение находится в прямом противоречии с словами редак-

тора же о том, что у КО «была давнишняя связь с венской «Правдой» Троцкого, с которой она имела систематическую переписку (с Троцким, Семковским и А. Иоффе-Крымским. — Л. Б.), получала от нее литературу и т. д., прислушивалась к венским правдистам, имевшим даже на нее некоторое влияние» (стр. 11).

Из слов Н. Кац-Капелинского (секретарь Киевского Комитета в 1909—11 гг.) видно, что эта связь, носившая весьма оживленный характер, была установлена по инициативе самой КО еще в 1909 г. «Некоторое влияние» доходило то того, что Троцкий брался наладить за границей печатание прокламаций для распространения их по всей России через КО и одновременно предлагал, чтобы последняя «взяла на себя инициативу созыва общероссийской партийной конференции» (стр. 4—25). Следовательно, влияние Троцкого существовало не по случайным причинам, а являлось результатом политики КО, — настолько тогда сильной, что ее «поддержки, — говорит редактор, — добивались все партийные течения того времени». Последнее наблюдается и после пражской конференции, когда «партийные организации в России становятся объектом борьбы разных фракций партии — большевиков, плехановцев, троцкистов, впередовцев и т. д. Каждая группа старается наладить с ними связь, привлечь на свою сторону. КО, как одна из сильнейших, не могла не привлечь к себе их усиленного внимания» (стр. 17). Делались даже попытки отколоть ее совсем от большевиков, пользуясь тем, что среди ее членов было много меньшевиков — партийцев, а в комитете они имели даже большинство» (стр. 166).

Попытки отколоть КО от большевиков проявлялись несомненно потому, что в ней самой происходили фракционные и, вероятно, глубокие разногласия, которые в сборнике отражены чрезвычайно слабо.

«Сотрудничество с меньшевиками, однако, не свидетельствовало о том, что киевские меньшевики — партийцы во всем соглашались с большевиками или были отличны чем-либо от мень-

¹ В дальнейшем сокращенно КО, и Киевский Комитет — КК.

шевиков — партийцев вообще... В тактических вопросах киевские меньшевики — партийцы зачастую... выявляли свое меньшевистское понимание, свою линию, свои разногласия с большевиками и оттенки. Были разногласия с большевиками и в принципиальных вопросах, например в вопросе о диктатуре пролетариата» (стр. 16).

И это почти все в главнейшей статье сборника о фракционных разногласиях. Не лучше дело обстоит и в воспоминаниях ряда бывших участников КО. Так В. Аверкин говорит: «уже с самого начала (выборов в сентябре 1911 г.—Л. Б.) в комитете начали возникать разногласия по принципиальным вопросам, в основе которых лежали вопросы тактики. В этих разногласиях победа досталась рабочей части (за кем она шла — большевиками или меньшевиками, известно лишь автору.—Л. Б.) комитета и организации». Что касается состава комитета, то он, «своим духом будапештский» (стр. 81). Также довольно неясно говорит об этом и М. Гаврилов, указывающий, что в организации «после раскола думской фракции были некоторые шатания по организационному вопросу, которые отчасти разделял и сам автор, признавать ли тогдашний ЦК единым правомочным руководящим центром» (стр. 92).

Характеризуя эти совершенно недостаточно выявленные разногласия, редактор сборника говорит: «Правда, острого характера они не достигали и киевские меньшевики-партийцы считали необходимым вместе с большевиками проводить борьбу против ликвидаторства» (стр. 16). В чем же конкретно выражалась эта борьба и каковы были ее результаты? «Образцовое» освещение этой стороны работы КО дал в своих воспоминаниях О. Росновский, который, отвлеченно рассуждая о стычках с ликвидаторами, происходивших в «Научно-художественном» клубе (название киевского рабочего клуба в 1911—12 гг.), характеризует положение так:

«Организационно-руководящую роль в клубе играли, конечно, ликвидаторы, имевшие в правлении свое большинство. Идею гегемонию имели безусловно

партийцы. Необходимо отметить, поскольку для нас легальные организации были только средством, а не целью, что наши товарищи вообще и не добивались взять управление клубом целиком в свои руки, несколько человек партийцев (сколько?—Л. Б.) в правлении всегда обеспечивали влияние на его работу» (стр. 57).

Насколько верно это торжествующее утверждение о гегемонии, можно судить из слов другого автора Д. Шварца, который говорит, что между партийцами и ликвидаторами из клуба «часто возникали всякие стычки, недопонимания... ликвидаторы запретили партийной организации распространять прокламации в клубе, угрожая исключением из членов клуба за революционную агитацию» (стр. 89).

Вряд ли нужно доказывать чванливую вздорность отношения Росновского к методам работы в легальных организациях, так как оно своевременно было осуждено В. И. Лениным как «меньшевизм наизнанку».

Все авторы (только Д. Шварц приводит единственный случай провала ликвидатора и выбора вместо него большевика в правление «Самоосвіти»), говоря о ликвидаторах, не сообщают, существовали ли они как самостоятельная организация, какова была их численность, проводилась ли ими работа среди пролетариев Киева на предприятиях в 1909—1912 гг. Есть кое-какая ясность только в отношении 1913 г.: ликвидаторы существовали отдельно под названием «пропагандистская коллегия», которой партийцы предложили объединиться. Но ликвидаторы отказались...» (стр. 113). О последующей борьбе с ликвидаторами в 1914 году в сборнике говорится лишь так: в день рабочей печати большевики собрали среди рабочих в фонд «Правды»—200 руб., а меньшевики и эсеры¹ в пользу своей печати 90 руб.

¹ О взаимоотношениях с эсерами ничего не сказано, тогда как в упоминаемом на стр. 112 «Социал-демократе» № 13 от 15/28 декабря 1913 г. говорится, что эсеры «имеют свою газету, ведут нелегальную работу и пользуются влиянием большим, чем ликвида-

Так же плохо освещены и взаимоотношения с национальными с.-д. организациями. Так в отношении Бунда есть указание (стр. 27), что КО наладила с ним связь в 1911 году, для чего Бунд выделил своего представителя А. Хэйфец, в другом месте (стр. 113) говорится, что в конце 1911 или в начале 1912 г. КО вместе с Бундом выпустила прокламацию протеста против суда над с-д фракцией Гос. думы, причем представителем Бунда называется совсем другое лицо—Роза Канторович. И это все, в то время как из письма Г. Л. Пятакова от мая-июня 1912 г. к Г. В. Плеханову видно, что Бунд и «легалисты» повидимому основательно влияли на тактику КК, если он (а не сам Плеханов, как говорит редактор на стр. 166) ставил вопрос о выработке приемлемой для них избирательной платформы в Гос. думу, высказываясь за замену лозунга «демократической республики»—«народным представительством». О группе польской с.-д. говорится только (стр. 22), что она по своей инициативе в 1910 г. влилась в КО, а в отношении группы УСДРП, которая существовала, как известно, все время, ничего не сказано.

В поисках причин происходивших фракционных разногласий редактор сборника находит, что «некоторые шатания» меньшевиков объяснялись «вливанием на них заграничного их центра во главе с Плехановым. Эти шатания особенно выявились после ареста т. Бош» (стр. 19).

Что плехановский заграничный центр пытался влиять и влиял на некоторые с.-д. организации—это общеизвестный факт, но совершенно напрасно редактор сборника обходит молчанием, что КК по своей собственной инициативе установил связь с Г. В. Плехановым. Об этом совершенно ясно говорит секретарь КК Г. Л. Пятаков в своем

первом письме к заграничным плехановцам.

Уже в этом письме, весьма солидно авансирующем плехановцев в их раскольнической деятельности против партии, КК довольно прозрачно намекал, что организация не поддержит ленинского ЦК, если он окажется фракционным. Второе письмо, уже совершенно определенно высказываясь за созыв новой общепартийной конференции и создание для этой цели ЦК, говорит: «Если «ЦК» (кавычки автора письма Г. Л. Пятакова.—Л. Б.) откажется, — тем хуже для него... Ведь у нас имеется возможность почти заставить его сделать это, ибо фракционный центр мы поддерживать не станем». Такая готовность целиком пришлась по вкусу Плеханову, и он в ответном письме говорит: «Вы совершенно правы, не признавая ЦК Ленина центральным учреждением партии. Это центральное учреждение одной фракции... и далее полностью одобряет намерение ЦК обратиться с письмом в ЦК, чтобы последний вошел в сношение с ОК для восстановления партийного «единства» (стр. 180).

Чрезвычайно странным является, что организация, которая якобы признает ленинский ЦК и работает «в полном согласии с большевиками» (стр. 12), обращается за разрешением организационных и тактических вопросов не в свой ЦК, а в заграничный фракционный центр, с благословения которого уже собирается писать ЦК об объединении партии...

Как можно после этого утверждать, что киевские меньшевики «активно боролись вместе с большевиками за признание конференции (пражской.—Л. Б.) общепартийной и ее постановлений обязательными для всей партии (стр. 9 и 166), когда всего только через три-четыре месяца после этой конференции КК почти на-нет сводит сущность ее решений... В этом выступлении секретаря КК ясно проглядывает ничем не прикрытое лицо господствовавшего в организации меньшевизма, который выдвигал после пражской конференции межумочную платформу — «объединения всех с.-д. течений кроме ликвидаторов».

торы». Эта прекрасная корреспонденция, проливающая обильный свет на межпартийные взаимоотношения в период страховой кампании в Киеве и заслуживающая перепечатки полностью, в сборнике вообще не использована в должной мере.

Воскрешать эти настроения и намереваться проводить их в жизнь, когда на деле нужно было закреплять победу пражской конференции—значило лить воду на мельницу будущей троцкистской августовской конференции.

* * *

Первоначальные позиции КО, занятые ею в отношении пражской конференции, заставили Троцкого написать ряд писем, в которых он старается доказать КК незаконность пражской конференции и неправомочность избранного на ней ленинского ЦК. Мало того, венская «Правда», встревожившись перспективой окончательного отрыва шедшей за нею части КО, командировала сюда своего представителя А. Иоффе (Крымского), который делал доклад от имени «Бюро Орг. Комитета» о созыве «общепартийной» конференции, и «произвел на всех, кто его видел, приятное впечатление» (стр. 64).

Резолюция по докладу А. Иоффе хотя и не высказывается прямо за «объединение» партии по рецепту Троцкого, но подчеркивает необходимость созыва новой общепартийной конференции, на которой должны быть представлены «все российские организации, все «националы» и все внутренние партийные течения»¹, при обязательном участии в ее организации ЦК РСДРП и присутствии на ней всех организаций, принимавших участие в пражской конференции. Повидимому, вследствие возникших разногласий КК никак не определил своего отношения к предстоящей августовской конференции и вынес определенное решение:

«Запросить ЦК РСДРП и некоторые партийные центры относительно характера» Орг. К-та, который в данное время создается, и о проектируемой конференции... До получения от упомянутых организаций ответа, не выносить никаких резолюций, выявлявших бы на-

ше отношение к проектируемой конференции (стр. 64).

Это явно компромиссное решение¹ весьма ядовито подмечено Троцким в его втором письме, где он, советуя лишить ЦК поддержки, говорит:

«Эта резолюция, далеко не удовлетворительная—ставит все же вопрос не в таком вызывающе раскольническом виде, как первая. КК понимает, что ленинская конференция не имеет по существу никакого основания именоваться общепартийной. КК хочет новой конференцией. КК уже не решает заранее называть раскольническими попытками работу Орг. Комитета по созыву общепартийной конференции. КК только не видит «гарантии» успешности этих попыток и обращается с запросом к своему ЦК... Нужные КК «гарантии» в значительной мере зависят от его доброй воли. Он должен не только запросить свой ЦК, а категорически потребовать от него, чтобы тот примкнул к общей работе по воссозданию партии» (стр. 188).

Как же реагировал на это КК? Вот выдержка из этого «достойного ответа».

«... в нашей организации дружно работают и меньшевики и большевики и правдовцы, отстаивая свои взгляды, ведя честную идейную борьбу... На каком основании вы обращаетесь к нам, как к части некоторого течения?.. допустим, что вы не точно выразились и хотели сказать о течении, преобладающем в нашей организации, но и тогда ваши слова безусловно неверны. Вы обращаетесь к нам, как к большевистской организации. Где у вас данные? Все имеющие хотя бы смутное представление о нашей внутриорганизационной жизни знают, что в нашей организации преобладает *партийный меньшевизм*»

¹ Первым получил не ЦК РСДРП, с которым КО была связана, а венская «Правда», связь с которой якобы порвана в 1910/11 гг. Редакция сборника, разъясняя это «прискорбное» недоразумение, говорит, что оно произошло после ареста Е. Б. Бош, когда связь с Н. К. Крупской была прервана. Но как мог все же Троцкий, находящийся в Вене, получить сведения вместо ЦК РСДРП, находящегося в Париже,— об этом редакция скромно умалчивает.

¹ Теперь видно, что о пресловутом объединении большевиков с меньшевиками думал не один только Пятаков (стр. 166), а весь к-т в целом, следовательно большинство самой организации.

(стр. 189, курсив всюду наш.—Л. Б.).

Выразивши «благородный гнев» по поводу обвинения в смертном грехе большевизма и отвергая заявление Троцкого, что «на верхушке киевской организации после ряда провалов оказался, благодаря киевским Кулябкам, ленинский кружок»,—письмо продолжает: «предоставляем товарищам самим судить о красоте и допустимости фраз, подчеркнутых нами; мы разберем лишь правильность такого безусловно *тяжелого обвинения*» (читай в большевизме—ленинизме, курсив наш.—Л. Б.)...

Далее в письме приводится ряд веских доказательств, что КО и ее к-т ни раньше, ни в 1912 году не были по своему составу большевистскими и лишь по тактическим соображениям признавали ленинский ЦК, с которым «по данному частному вопросу (единство партии.—Л. Б.) пошли вместе»... В качестве особого аргумента, опровергающего «тяжелое обвинение», в письме приводится, что «в нынешнем комитете—4 меньшевика—партийца, 1 бек¹ и 1 внефракционный. Где же большевизм (ленинизм даже) комитета?.. Такие обвинения сеют смуту в умах... вносят дезорганизацию в нашу партийную жизнь. Следовало бы осторожнее бросать их... дабы не внушать массе необоснованного недоверия (1—Л. Б.) к руководящему ею, исполняющему ее волю центру» (стр. 191). Далее следует изложение уже разобранных нами условий созыва конференции, в которых весьма характерны следующие строки, обращенные к Троцкому:

«Вы говорите, что КК поручает созыв следующей общепартийной конференции ЦК. Это неверно. Конечно, в нормальном случае не кто иной, как ЦК и должен был созвать такую. Теперь положение иное... Мы предлагаем не останавливаться перед созывом следующей общепартийной конференции, не предвосхищая способы его созыва».

¹ Если при наличии одного большевика в к-те—Е. Б. Бош, секретарь его мог выступать с подобными антибольшевистскими декларациями, то что же могло стать, после ареста т. Бош, когда там не осталось ни одного большевика?..

Так КК защищал позиции пражской конференции, так он поддерживал недавно признанный им ЦК. Редактор сборника, называя это письмо достойной отповедью, имел в виду только обычно резкую для того времени форму фракционной полемики, которая теперь близоруко преподносится, как доказательство принципиально выдержанных позиций КК в отношении ЦК РСДРП. Редактор не пожелал вскрыть чрезвычайно показательный внутренний смысл этого письма, ярко рисующий подлинное лицо КК—лицо не большевистское, не ленинское, а явно меньшевистское, плехановское.

Где же были большевики—ленинцы, как они реагировали на это отречение от «тяжелого обвинения» в ленинизме? И что это были за большевики—ленинцы, если они никак не реагировали на этот антибольшевистский ответ? Только крайней немногочисленностью и отсутствием всякого влияния большевиков можно объяснить появление на свет этого документа, лучшим образом доказывающего, что в КО господствовали определенно небошевистские, даже противобольшевистские настроения. Поэтому совершенно неверным представляется утверждение редактора, что:

«эти настроения были временными и не помешали КО твердо стоять на страже постановлений пражской конференции (стр. 166)... Сознание опасности для партии со стороны ликвидаторства и желание создать единство в партии—победили и меньшевики,—партийцы в Киеве не отважились отколоться от большевиков» (стр. 19)...

Нам кажется, что на основании разобранных материалов напрашивается совсем другой вывод: не меньшевики шли вместе с большевиками, а наоборот, немногочисленные большевики, во многом уступая меньшевикам, продолжали оставаться внутри организации, «отстаивая свои взгляды, ведя честную идейную борьбу» и пр.

В этих условиях никакой «отваги» от меньшевиков и не требовалось, так как им незачем было откалываться от организации, в которой они безраздельно господствовали.

Таким образом данный в сборнике анализ внутривнутрипартийного положения в КО не может быть признан правильным. Он не вскрывает, а затушевывает ошибки организации и происходившую в ней фракционную борьбу; господствовавшую же фракцию меньшевиков—плекхановцев наделяет заслугами по поддержке ленинского ЦК.

Через восемнадцать лет после происходивших событий Окристпарт не нашелся дать им должной оценки. Ведь, если в свое время она не была сделана, то надо полагать, что причиной этого явилось желание не оттолкнуть от большевистского центра колебавшуюся организацию. В настоящее время нужно было со всей ленинской беспощадностью вскрыть ошибки прошлого КО. Но этого не сделано и это лишает сборник необходимой исторической полноценности.

* * *

Нельзя обойти молчанием статью И. Шингарева—«Рабочее и профессиональное движение на Киевщине в 1909—1912 гг». Эта статья отличается от других тщательным подбором значительного количества материалов, но сильно грешит по части анализа. Очень слабо увязано местное профдвижение с общероссийским. В некоторых случаях И. Шингарев допускает малоправдоподобные определения. Так, характеризуя положение профсоюзов после третьинюньского столыпинского переворота, автор между прочим говорит, что Киев—«осередок черносотенства» (стр. 139). Такое огульное обвинение в черносотенстве находится в явном противоречии с остальными материалами сборника, характеризующими Киев как один из первостепенных центров революционной борьбы.

На всех остальных материалах мы не останавливаемся, как на эпизодических и носящих вспомогательный характер для основных статей редактора И. Шингарева.

Кстати тут же следует отметить необычную «осторожность» выражений редакции и авторов, которые, пренебрегая всеми традициями, употребляют такую эзоповскую терминологию:

Ст. Кокошко говорит, что: «в одном письме за границу (куда и кому именно?—Л. Б.) так описывается партийная работа» и т. д.» (стр. 10)... «Большую роль в работе... играла Костюковская Анна, одна из наистарейших членов с.-д. партии в Киеве» (стр. 110)... «Во главе руководящей группы, заменившей КК, стоял Андронников, старый партиец» (стр. 117)...

О. Росновский, касаясь выборов в 4-ю Гос. Думу, пишет, что «уполномоченными от рабочей курии прошли все-таки партийцы» (стр. 60)... Фракционная принадлежность во всех этих случаях, как и везде в сборнике, в отношении подавляющего большинства упоминаемых имен—не указана.

В сборнике замечается и небрежность редактирования, на стр. 36 и 55 дважды упоминается «РКП», тогда как по смыслу нужно—ВКП(б). Далее: о журнале «Гудок» на стр. 11, 22—23 и 29—35 идет речь, как о легальном органе парторганизации, а на стр. 152 один из участников говорит, что «Гудок» издавался киев. объединением профсоюзов. По этому поводу редакция никакого разъяснения не дает. Эти примеры можно было бы умножить, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться в непростибельной небрежности редакции.

Обращает на себя внимание, что все публикуемые в тексте статей документы, извлеченные из бывшего жандармского архива в Киеве, переведены на украинский язык, тогда как письма и прокламации, приложенные к сборнику, приводятся на русском языке.

В заключение необходимо отметить, что сборник снабжен очень ценными:

1) письмами, из которых переписка с Плехановым и Троцким уже разобрана выше. Что касается писем Н. К. Крупской (февраль 1911 г.—июнь 1912 г.), то они «в некоторых случаях имеют общий характер», благодаря которому редакции не удалось установить, «прислано то или иное письмо киевской или какой-либо другой организации». Письма, адресованные непосредственно КО, обладая значительным интересом, содержат советы и указания о партийной работе и ее формах... Некоторые из них

представляют даже целую программу деятельности организаций;

2) прокламациями КК и его организации за 1900—14 гг.; большинство прокламаций подписаны—«Комитет киевской организации РСДРП», как в то время официально именовались меньшевики, а не «Киевский комитет РСДРП», как называли бы свою организацию большевики.

Цена сборника—2 р. 75 к.—при небольшом его объеме чрезвычайно высока.

Л. Б.

САРКИС. Борьба за власть. Институт по истории партии им. Шаумяна при ЦК ВКП(б). Тираж 1500, стр. 150, цена 1 р.

Книжка т. Саркиса «Борьба за власть», выпущенная Институтом истории партии им. Шаумяна в Баку, выходит вторым изданием, пополненная, как утверждает автор в предисловии, новыми материалами. (Тираж первого был незначителен—500 экз.)

«Дополнительный материал,—говорит т. Саркис,—который был представлен в мое распоряжение Институтом имени Шаумяна, дал мне возможность обогатить первоначальный текст рядом важнейших фактов, а также развить освещение отдельных событий, имеющих большое значение для истории Бакинской организации» (стр. 7). Такое многообещающее предисловие обязывает и, надо твердо сказать, что этого обещанного «освещения отдельных событий» в книжке т. Саркиса нет. В ней не только нет анализа событий, но и фактическая сторона изложена весьма поверхностно. Автор скользит по поверхности, не задерживаясь на отдельных событиях, и переворачивает страницы истории, не разрезая их, думая, очевидно, что и так все знают.

Тов. Саркис хотя и говорит о материалах Института, но пишет больше по воспоминаниям своим и некоторых других товарищей. Даже о составе Бакинского комитета во второй половине ноября 1918 г. он, опровергая т. Анашкина, говорит: «т. Анашкин неверно передает

состав тогдашнего комитета...» и, заканчивая опровержение, добавляет: «Весьма возможно, что в комитете состояли еще другие, которых не помнят ни Анашкин, ни я» (стр. 15). Конечно, т. Саркис прав, говоря, что скудость материалов и документов чрезвычайно затрудняет задачу полного изложения истории работы бакинской организации (стр. 15), но все же трудно представить, чтобы нельзя было восстановить даже состава организации в 8—9 человек за 1918 год. Правда, человеческая память очень несовершенный аппарат, но существует ведь возможность коллективной проверки и думается, если бы т. Саркис не надеялся только на свою память, он бы мог выяснить точный состав комитета.

Полагаясь прежде всего на свою память, т. Саркис и события излагает в общей форме, без анализа их, без ссылки на документальные данные. Цитаты из газетных статей того времени, кое-какие протокольные записи и несколько резолюций—вот почти единственный документальный материал, с которым оперирует т. Саркис. Остальное—общие рассуждения автора, порой весьма смелые и мало обоснованные.

Читателю, мало знакомому с событиями в Баку, книжка т. Саркиса дает самое поверхностное представление об этих событиях. Многое, о чем т. Саркис говорит как о само-собой понятном, вызывает недоумение и зачастую полное непонимание, ибо никакого анализа и даже логического изложения фактов в его книге нет. Вместо делового изложения событий и характеристики враждебных сил т. Саркис сразу же впадает в тон легкой полемики, может быть пригодной для газетной статьи, но совершенно не нужной для историко-популярной книжки. (См. напр. стр. 14.)

Автор нигде не пытается дать хотя бы самое краткое определение того, что собой представляли партии мусават, дашнаков, эсеров, меньшевиков и как протекала в действительности контрреволюционная деятельность. Вместо этого он вступает с ними в полемику, очень для себя иногда шаткую. «Меньшевики в те времена,—пишет он,—не

могли уяснить, почему после того как большевики завоевали себе руководящее положение в рабочей конференции, они не стали больше говорить о Совете рабочих депутатов» (стр. 43). Вот что писали меньшевики в «Искре»: «Ставшие у власти сторонники немедленного созыва Совета рабочих депутатов как будто позабыли о задаче, которую они всего-на-всего месяца полтора тому назад считали очередной».

Как же отвечает т. Саркис на этот вопрос?

«Меньшевики не могли понять, что, ставя вопрос о создании совета рабочих депутатов, большевики стремились заставить соглашателей перед лицом рабочей конференции и всего рабочего класса в Баку открыть свою подлинную физиономию, показать и доказать рабочей конференции и бакинскому пролетариату, что составляющие большинство в президиуме конференции и меньшевики и эсеры—ярые противники идеи советской власти, что они сторонники «демократической государственности». Отсюда вывод напрашивался сам собой: принципиальные противники диктатуры пролетариата и октябрьской революции не могут, не должны руководить бакинским пролетариатом, стоящим на платформе советской власти и признавшим большевистское правительство России.

Когда лозунг организации Совета рабочих депутатов сыграл свою роль, когда соглашатели в своем большинстве были изгнаны из руководства конференцией—этот лозунг был снят с порядка дня» (стр. 43).

В этом определении и путаница и беспринципность. Оказывается, лозунг советов у большевиков был только для дискредитации меньшевиков и применялся как метод разгона их. Сам по себе, выходит, он для большевиков значения не имел и был «снят с порядка дня» после разгона меньшевиков. В такой трактовке все, не только меньшевики, а и рабочие, могли поставить вопрос партии, почему снят лозунг организации советов.

Тов. Саркису следовало бы изложить по существу, почему партия не выдвигала тогда вопроса о немедленном со-

здании советов, осветить этот вопрос всесторонне, а не отделяться вышеприведенным объяснением, весьма двусмысленным и неясным. Ведь всякий и не меньшевик в праве сказать, что коли вы за советы, то почему же вы их спрятали в карман, как только свергли противников этих советов? Никакой логики нет в рассуждениях т. Саркиса, и лучше бы он этого вопроса не затрагивал, а уж если он его затронул, надо было давать не такие антибольшевистские объяснения. Совершенно новая для большевиков интерпретация. Советы для нас, оказывается, не определенная форма диктатуры пролетариата, а жупел для дискредитации меньшевиков. Жонглирование таким основным вопросом в исторической книге недопустимо, и хитроумные мудрствования т. Саркиса обращаются против него самого.

Чрезвычайно неубедительно рассказано в связи с советской Россией и о работе среди английских войск. Автор скользит по поверхности событий, не давая себе труда хоть немного сделать убедительным для других то, что он мимоходом рассказывает.

«Бакинская партийная организация и бакинский пролетариат отдавали не мало сил, проявляя огромную энергию для того, чтобы укрепить власть советов на Мугани» (стр. 49). В чем выражалась эта энергия, что делали, об этом ни звука. Догадывайся сам. Или о связи с английскими солдатами: «Материальные средства, литература и специальные работники из английских же солдат, перешедших на сторону советской власти, дали подпольной нашей организации возможность вести большевистскую пропаганду среди английских войск. Наша работа имела большой успех» (стр. 49). В этой цитате, кроме большущей уверенности автора в том, что все идет к лучшему в этом наилучшем из миров, едва ли кто-нибудь поймет, почему и какой успех мы имели у английских солдат, да и имели ли его вообще.

История не роман, и историческую книжку надо писать, обосновывая ее фактами, а не одним только внутренним убеждением и голословным утверждением. Конечно, книжка т. Саркиса

не научная монография, но все же, как он сам пишет, «опыт истории Бакинской организации», ну, а если это опыт истории, то и надо обосновывать этот исторический опыт фактами, а не общими рассуждениями, весьма мало убедительными.

Кто не знает событий этих двух лет, очень мало получит из данной книги, а кто знает, тот поразится, до чего неубедительно она составлена, и выразит изумление, что Институт Шаумяна, имея в своем распоряжении огромные возможности, издает такого рода историко-партийную литературу с такими ошибками. Удлинять рецензию новым рядом выписок из книги едва ли нужно, ценность книги от этого во всяком случае не выиграет.

В заключение приведу только еще один перл литературного красноречия: «Жалкие же лепеты Сафийордских и Пепиновых прикрывали лишь кровавую морду озверевших капиталистов, как прозрачные материи прикрывают наготу обитательниц гарема восточных феодалов» (стр. 75). Вот уж именно, как говорят повара: «За вкус не ручаюсь, а горячо будет!» Что за ненужные смелые сравнения и причем тут обитательницы гарема и уместен ли, повторяю, такой язык в историко-партийной книжке, изданной научным учреждением?!

Тов. Саркису, как активному участнику описываемых им событий, нужно было проработать свою тему на основании изучения документов и основательно поработать над анализом фактов, а не полагаться на свою память и некоторые записи, тогда его книга приобрела бы совершенно другой характер. В таком же виде она мало кого удовлетворит и вряд ли нужно было ее переиздавать.

М. Эссен

И. БОРИСЕНКО. *Авантюристы в гражданской войне на Северном Кавказе в 1918 году.* Книгоиздательство «Северный Кавказ», Ростов на Дону, 1930 г. Тираж 7 000, стр. 110, ц. 70 коп.

Когда читаешь название книги, ждешь, что содержание ее покажет тех людей, которые полезли в ряды бойцов граж-

данской войны во имя личных корыстных интересов, которым была чужда идея пролетарской революции и цель борьбы Красной армии, которые случайно попали в ее ряды, пролезали к руководству и при первой возможности ее покидали или переходили в стан врагов, которые использовали гражданскую войну для личных авантур.

Совершенно не то впечатление остается, когда прочтешь книгу. Если в той или иной степени название книги подходит к войсковому старшине Голубеву, Сорокину, Нижитенко, Голубу, Нижевясову, Золотареву и Узуму Хаджи—то совершенно недопустимо, когда в число авантюристов автор зачисляет Коппе, Автономова, а в особенности бедняка-казака Кочубея.

Какой же Коппе авантюрист? Он известный белый агент в рядах красных. Бывший жандарм с подложным документом партийца, прибыл он для организации Красной армии, пролез в военный отдел и работал в пользу белых. Сам же автор пишет: «Коппе держал тесную связь с белым движением». Он поддерживал офицерское восстание в Ставрополе. Иными словами, это был прямой белый агент в рядах красных, каких было немало и на других фронтах, пока их не обнаруживали и не расстреливали (что было сделано и с Коппе). Нужно ли было ему посвящать 6 страниц в книжке?

Когда же вместе с белым шпионом Коппе в одну кучу авантюристов автор свалил таких лиц, как Автомомова, умершего «под красным знаменем Октября» (слова автора), или героя красного партизана Кочубея, погибшего за советскую власть смертью храбрых на виселице у белых со словами: «Ну, против своих я ны пиду, я сам большевик»,—автор совершил грубую политическую ошибку и в лучшем случае вызывает у трудящегося читателя недоумение и возмущение. Нельзя давать позорить память людей, погибших за советскую власть, только потому, что это захотелось легкому беллетристическому перу И. Борисенко.

Всякому участнику гражданской войны известно, что столкновения, доходя-

щие иногда до взаимных арестов между военным командованием и местными органами власти (в особенности в прифронтовой полосе, в период борьбы, когда партизанщина была еще очень сильна), были нередким явлением на всех фронтах гражданской войны. Автор сам рисует Автономова как смелого революционера, поведшего трудовое казачество против контрреволюции, получившего мандат от т. Антонова-Овсеевского на организацию частей Красной гвардии, храбро ведшего войну с Корниловым, которого он и разбил. Правда, он потом столкнулся с местным ЦИКом. Местный Съезд советов осудил его действия, когда он не хотел подчиниться и повел борьбу с ЦИКом, но ведь сам автор пишет: «во время съезда Автономов телеграммой был отозван в Реввоенсовет Республики. Позже, когда дело Автономова было рассмотрено в Москве, он прибыл на Кавказ как организатор Красной армии горских народов, отступал с частями разгромленной 11-й Северо-кавказской армии в Тифлис и умер от тифа в горах Кавказа. Автономов вернулся под красное знамя Октября и за него умер». Таким образом, в Москве дело рассмотрели, не нашли нужным даже предать Автономова суду, а наоборот, послали для ответственной работы в Красную армию, где он умер, борясь за советы. Нужно ли было трепать его имя и выставлять его в роли авантюриста?

Что касается Кочубея, вся его вина заключалась в том, что он искренно видел измену в штабе в связи с поражением и хотел «добраться до Ленина, рассказать ему и заарестовать всю эту сволоту». Он не подчинился штабу и пошел к другой части Красной армии, Жлобе. По дороге попал в плен к белым и геройской смертью большевика погиб у них на виселице. Вот единственное «преступление» во всей красочной жизни неустрашимого бойца, бедняка-казака, которого «знала Красная армия, знала белая армия, знало население Северного Кавказа», о котором ходили легенды, который боролся за дело Ленина и был «нутром с рабочим классом».

Весь стиль книги не настраивает читателя на тот лад, на который хочет автор. Большая часть фактов, им приводимых, рисуют и Автономова и Кочубея как революционеров-боевиков. Авантюризм их, если судить по книжке, совершенно теряется на фоне героических подвигов. Ведь с захватывающим волнением читаешь о последних минутах жизни Кочубея, и как-то дико и противоестественны после этого слова автора об авантюре.

В одном месте книжки есть ненужное выпячивание «благородства белых генералов» (102 стр., где генерал велит расстрелять адъютанта Кочубея за то, что адъютант назвал Кочубея бандитом). В другом месте (87 стр.) автор выставляет большевиков на съезде советов выразителями трусливого настроения на этом съезде. Вот подлинное слово автора: «Съезд испугался и тут же принял предложенную большевиками резолюцию». При этом автор не дает никаких критических замечаний и объяснений такому поведению. Сомневаемся мы и в правильности утверждения автора (стр. 66), что в начале осени 1918 года «значительная часть середняцких слоев... отошла от советской власти и стала на сторону контрреволюции».

Книжку в таком виде лучше было бы не издавать. Тратить бумагу на показ белого шпиона Коппе или для расписывания пьяных походов бандита Золотарева, проникшего в ряды бойцов Красной армии—не стоило. В крайнем случае, можно было бы ограничиться показом авантюризма Голуба и Сорокина. Но даже и в этом случае нужно было гораздо больше уделить места работе партийной организации и советов в Пятигорске. Автор, расписывая сорокинщину, очень мало показал борьбу этих организаций с ней. Как-то не видны в книжке деятельность и работа руководителей большевиков, таких боевых товарищей, как Крайний, Рубин, Рожанский и другие. Так и остается непонятным, почему с такой легкостью авантюристу Сорокину удалось их арестовать и расстрелять.

А. Гиндик

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП(б) и ленинизм

Ленин. Избранные произведения в шести томах под общей редакцией В. Адоратского, А. Криницкого, М. Покровского, К. Попова, Н. Попова, М. Савельева и Е. Ярославского. Том II. 1905—1914 г.г. Институт Ленина при ЦК ВКП(б), Гиз, М.—Л., 1930 г. Тираж 200 000, стр. 754.

Ленинский сборник XIV. Под редакцией В. Адоратского, В. Молотова и М. Савельева. Планы, конспекты, выписки, заметки и письма Ленина эпохи империалистической войны. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. М.—Л., 1930 г. Тираж 10 000, стр. 408, ц. 3 руб., переплет 70 к.

Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Популярный очерк. Дешевая библиотека Госиздата, изд. 2-е. Тираж 100 000, стр. 128, ц. 20 к., переплет 10 к.

Ленин В. И. Письма к родным (1894—1917). С предисловием и примечаниями М. И. Ульяновой. Гиз. Тираж 100 000, стр. 188, ц. 30 к.

Большая Советская Энциклопедия, т. XI. Акц. о-во «Советская энциклопедия» М. 1930, Тираж 60 000. Статья «ВКП(б)» А. Бубнова, стр. 7—544.

Волосевич, В. Курс истории ВКП(б). Выпуск IV. Партия в эпоху пролет. диктатуры до переходного от восстания к реконструкции периода нэпа. «Прибой», тираж 15 000, стр. 200, ц. 1 р. 25 к.

Диалектический материализм. Хрестоматия по Ленину. Пособие для совпартшкол и комвузов, 3-е испр. и дополн. издание. Составил и снабдил примечаниями В. В. Адоратский. Гиз, тираж 25 000, стр. 376, ц. 1 р. 50 к.

Революционное движение и классовая борьба в России

А—н. Арк. История рабочего движения в Англии, Франции и Германии от начала XIX века до нашего времени. 8-е полное издание, доведенное до

1929 г. «Московский рабочий», тираж 10 000, стр. 581, ц. 3 р. 75 к.

Аркомед С. Т. (Караджян Г.). Первая группа революционеров—армян на Кавказе. Изд. Закнига, тираж 2 000, стр. 80, ц. 40 к.

Бочаров Ю., Иоаннисиани А. и др. Учебник по истории классовой борьбы (XVIII—XX вв.). Под общей редакцией А. Удальцева. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Гиз, тираж 60 000, стр. 576, ц. 1 р. 80 к.

Гутман Ж. 9-е мая 1895 г. на Ярославской большой мануфактуре. Ярославль. Тираж 3 000, стр. 34, ц. 12 к.

Дебагорий-Мокриевич Вл. От бунтарства к терроризму. Изд. «Молодая гвардия». Книги I и II, тираж 6 100, стр. 420 и 340, цена за оба тома 3 р. 40 к.

Кордес В. Товарищ Иннокентий. Биография И. Ф. Дубровинского. Изд. политкаторжан, тираж 22 000, стр. 80, ц. 25 к.

Левин Ш. На путях революции. «Прибой», тираж 3 000, стр. 214, ц. 1 р. 50 к.

Майские дни 1900 года в Харькове (к 30-й годовщине). Изд. «Пролетарий», Харьков, тираж 3 000, стр. 60, ц. 30 к.

Парнищев А. Церковная контрреволюция и грядущая война. Гиз, тираж 20 000, стр. 62, ц. 16 к.

Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Подготовили к печати М. Клевенский и К. Котельников. Центрархив, Гиз, тираж 2 000. Том I, стр. 320, ц. 2 р. Том II, стр. 384, ц. 3 р. 75 к.

Худяков И. Записки каракозовца. С предисловием М. Клевенского. «Молодая гвардия», тираж 6 100, стр. 215, ц. 1 р. 25 к.

Чаадаева О. Корниловщина. «Молодая гвардия», тираж 4 100, стр. 208, ц. 1 р. 50 к.

Шотман А. Записки старого большевика. «Молодая гвардия», тираж 10 000, стр. 128, ц. 50 к.

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА

КАБИНЕТ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ ЛЕНИНА

В «тезисах по организации работы Института Ленина», утвержденных дирекцией Института на заседании от 15/XI 1919 г., говорится, что «Институт Ленина в настоящий момент находится в переходном периоде своего развития, поскольку стоит перед окончанием подготовки второго и третьего изданий Сочинений Ленина». Основной вопрос, — гласят тезисы, — который требует наиболее тщательной проработки при осуществлении некоторой реорганизации Института в текущем году, — это вопрос *о постановке и развертывании в Институте научно-исследовательской работы*. Далее следует указание, что развертывание этой работы должно свестись в первую голову к разрешению двух основных задач: «написанию научной истории партии и написанию научной биографии Ленина, включающей в себя изложение системы ленинских идей по основным проблемам марксистско-ленинского мировоззрения». Для выполнения же этих задач дирекция на том же заседании постановила в первую очередь открыть два кабинета: кабинет по научной биографии Ленина и кабинет по истории ВКП(б).

На основании этого постановления было приступлено к оформлению кабинета научной биографии Ленина. Руководство кабинетом возложено на т. В. В. Адоратского (заведующий кабинетом). Для работ в кабинете привлекаются (постановление дирекции) гг. Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и Ем. Ярославский. На распорядительном заседании Института от 13/II 1930 г. установлен состав бюро кабинета в количестве пяти человек.

В 1929 г. и в текущем работа кабинета носила и будет носить главным образом характер организационно-подготовительный. Трудности заключаются в чрезвычайной сложности задачи, стоящей перед кабинетом. Написание *научной* биографии Ленина требует мобилизации и проработки огромного материала о Ленине как документального характера, так и мемуарной литературы, и тщательнейшей проверки этого материала. На эту работу потребуются ряд лет. Распорядительное заседание Института от 3/XI 1929 г., давая директиву кабинету биографии Ленина по составлению плана работ, отмечает, что «должен быть взят ориентировочно пятилетний срок для написания научной биографии Ленина и двухлетний срок для подбора и обработки материалов для биографии».

Учитывая настоятельную потребность широких рабочих и крестьянских масс, кабинет включил в план своей работы задачу составить популярный очерк жизни и деятельности Ленина и развития его идей. Эта популярная биография Ленина должна выйти в свет в 1932 г.

Сейчас под кабинет отведены четыре больших комнаты в помещении Института Ленина. В одной из них расположена небольшая библиотека. В ней сосредоточены сочинения Ленина, сочинения Маркса и Энгельса в тех изданиях, которые были использованы Лениным; сосредоточены словари, важнейшие справочники, важнейшие произведения по вопросам марксизма и ленинизма и т. д. Библиотека эта предназначена для пользования работающих в кабинете над био-

графией Ленина, чтобы основная, необходимая литература всегда была под руками.

В настоящее время кабинет находится в начальной стадии развертывания организационно-подготовительной работы. Несмотря на загруженность немногих работников кабинета работой к кабинету не относящейся, кое-какая подготовительная работа уже проделана. Так, например, чтобы начать обсуждение вопросов, связанных с изданием научной биографии Ленина, работниками кабинета были написаны и опубликованы статьи о задачах кабинета и методах работы над источниками. Тов. Адоратским написана статья «К вопросу о научной биографии Ленина», в которой дается намек периодизации жизни, деятельности и развития идей Ленина (см. «Пр. рев.», №№ 1, 2—3 за 1930 г.). Тов. Тихомировым написана статья «К вопросу о методах работы над источниками по научной биографии Ленина» (см. «Пр. рев.» № 4 за 1930 г.). Ведется работа по составлению «вех жизни Ленина» с точным указанием источников и проверкой всех сведений. Производится работа по составлению обзора воспоминаний о Ленине. Составляются карточные указатели: а) вех жизни Ленина, б) литературы о Ленине (с оценкой каждой работы и перечислением фактических сведений, могущих быть использованными для работ по биографии). Производится подбор архивных материалов (в копиях), относящихся к биографии Ленина. Просматриваются и прорабатываются соответствующим образом соответствующие материалы архива деп. полиции и архива Октябрьской революции.

Перед кабинетом стоит задача организовать систематическое собрание еще ненаписанных воспоминаний о Ленине. Составляются списки лиц, которые могут быть привлечены к написанию воспоминаний. Ввиду того, что часть товарищей, близко знавших Ленина, или чрезвычайно занята текущей работой и не имеет времени засесть за писание воспоминаний, или же не может писать их в связи с болезнью, кабинет предполагает организовать ряд собеседова-

ний о встречах с Лениным и застенографировать выступления отдельных товарищей на этих собеседованиях.

В процессе собирания и обработки материалов по биографии Ленина кабинетом будут составляться (и издаваться) монографии и сборники. Выработан уже план публикации сборников по отдельным периодам жизни и деятельности Ленина. Приводим здесь перечень важнейших разделов этого плана. Предисловие, определяющее общее содержание сборника. Документы о Ленине (различные официальные материалы). Мемуарная литература. Календарь жизни и работы Ленина. Список всех произведений Ленина за данный период, с указанием времени написания. Переводные работы Ленина. Редакционные работы Ленина. Рецензии и полемические статьи различных авторов по работам Ленина (указатель). Список и краткие биографии лиц, с кем был связан Ленин за данный период + фотографии их. Географический набросок мест, где жил и был Ленин + фотографии их.

Одна из важнейших задач кабинета, являющаяся предпосылкой к написанию «научной биографии Ленина», и основа этой работы заключаются в изучении произведений Ленина и отдельных проблем ленинизма. Систематическое изучение идей ленинизма, высказываний по отдельным вопросам создаст необходимые предпосылки для более глубокого изучения проблем современности. В связи с этим кабинет принимает активное участие в работах по составлению систематического указателя ко второму изданию сочинений Ленина.

По научной биографии Ленина готовит литературную работу М. И. Ульянова, которая работает над рефератами Ленина за границей. Над сборником материалов о Ленине по Казанскому периоду работает на договорных началах т. Корбут. План этого сборника выработан кабинетом. Весь материал по этому плану т. Корбут должен представить в готовом для печати виде к 1 октября текущего года.

Очень много времени кабинет затратил на выработку трехлетнего и годового планов своих работ. Планы эти

неоднократно подвергались коллективному обсуждению, рассматривались на распорядительных заседаниях и перерабатывались. Сейчас как трехлетний, так

и годовой планы работы кабинета составлены и утверждены распорядительным заседанием Института.

А. Кучкин

РАБОТА МЕСТНЫХ ИСПАРТОВ

РАБОТА ИСПАРТА ЗАКАВКАЗСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП(б)

Испартотдел ЗКК работает с 1 июня 1929 г. До этого времени Зак. испарта не существовало; работали лишь республиканские испарты (ЦК Грузии, ЦК Армении и ЦК Азербайджана), в связи с чем совершенно не разрабатывались темы общекраевого значения. Но существование до революции 1917 г. единой Краевой (Кавказской) партийной организации требует, помимо разработки тем республиканского и местного значения, разработки тем общезакавказского значения; этого же требует изучение истории партийных организаций за советский период.

В связи с этим, Зак. испарт считал своей первоочередной задачей изучение: 1) истории организации Закфедерации и борьбы за нее с уклонистскими элементами; 2) истории Кавказского союзного комитета (прообраза Краевого комитета партии) 1903—1906 г. Кроме этого, испартом ЗКК велась за истекший период работа по следующим темам: 1) история революционной деятельности т. Сталина в Закавказье, 2) борьба за Октябрьскую революцию (1917—1921 гг.), 3) революция 1905 г. в Закавказье.

В области истории организации Закавказской федерации в течение всего истекшего периода велась работа по подготовке к печати сборника материалов, характеризующих историю зарождения этой федерации (Союзный Совет, I съезд Советов, первые декреты правительства) и историю борьбы партии с национал-уклонизмом (Грузия, Азербайджан). Закончена обработка материалов периодической печати за 1921—23 гг. («Заря Востока», «Правда Грузии», «Правда Закавказья», «Коммунист», «Шрома».) Сейчас ведется работа по обработке протоколов Кавбюро, президиума и пленума Закрайкома. Работа

по составлению сборника заканчивается к августу 1930 г. Параллельно ведется общая работа по сбору всех материалов, характеризующих борьбу с уклонизмом в закавказских партийных организациях. Значительный материал собран по истории грузинского уклонизма и его борьбе с Зак. федерацией.

Значительная работа проводится испартом в связи с подготовкой к 25-летию юбилею революции 1905 г. Ведется работа по подготовке сборника документов «Революция 1905 г. в Закавказье». Сбор, систематизация и обработка документов заканчиваются с таким расчетом, чтобы сборник вышел из печати к осени 1930 года. Собранный уже на сегодняшний день испартом материал дает картину рабочего и крестьянского движения в Закавказье и роли социал-демократии в этот период. Сотрудниками испарта обработано до 500 дел в архивах Наместника кавказского, Зап. полицией на Кавказе, Тифлисского жандармского управления. В настоящий момент ведется работа в архивохранилищах Баку. К юбилею также готовится брошюра на тему: «Провокационная политика царского правительства в Закавказье в 1905 г.»—«29 августа и 22 октября 1905 г». Брошюра эта заканчивается и сдается в печать.

Одновременно испартом ведется работа по собиранию материалов, характеризующих работу Кавказского союзного комитета. Этой работе Закавказский испарт придает особое значение. Подбирается вся периодическая литература, изданная союзным комитетом («Борьба пролетариата», «Листок борьбы пролетариата» и т. д.). Ведется работа по сбору прокламаций Кавказского союзного комитета. Собрано уже 80 прокламаций союзного комитета и более 100 прокламаций различных комитетов в За-

Кавказе за этот период. По завершении этой работы истпарт приступит к подготовке сборника «Незаконная литература Кавказского союзного комитета».

В области подготовки материалов по истории революционной деятельности т. Сталина в Закавказье работа велась в двух направлениях: а) в области сбора статей т. Сталина, написанных им в период его работы в Закавказье; б) сбора и систематизации материалов, хранящихся в архивах охранного отделения и жандармского управления, характеризующих деятельность т. Сталина в Закавказье.

В результате работы по сбору статей обнаружены следующие статьи т. Сталина в газетах: 1. «Ахади-Цховреба»—1906 г.—10 статей; 2. «Гантиади»—1906 г.—2 статьи; 3. «Элва»—1906 г.—6 статей; 4. «Дро»—1907 г.—18 статей; 5. «Гудок»—1907—1909—23 статьи; 6. «Бак. рабочий»—1907 г.—2 статьи; 7. «Бак. пролетарий»—1907, 1909—6 статей. В результате же работы по сбору архивных материалов собрано 243 листа документов (сводки наблюдений, донесения и т. д.), характеризующих работу т. Сталина в Закавказье. Особого внимания заслуживают: материал, характеризующий участие т. Сталина в работе т. н. «Тифлисского кружка Российской соц.-дем. партии»—1901—1902 г. и материалы о Бакинском периоде работы т. Сталина. Работу по сбору этих материалов, в основном, можно считать законченной. По окончании систематизации, обработки и проверки всего материала, истпарт приступит к подготовке издания этих документов.

По истории Октябрьской революции подготавливается к печати научное исследование «Борьба за Октябрь в Закавказье. (Закавказский сейм, Бакинская коммуна). Работа будет закончена к

1 сентября 1930 г. Одновременно весь прошедший период велась работа по сбору материалов, характеризующих историю иностранной интервенции в Закавказье. Закончена работа по сбору материалов «Дашнакское правительство и иностранная оккупация». Собрано 100 листов документов, характеризующих взаимоотношения Дашнакского правительства с английским и немецким командованием (секретная переписка, протоколы совещаний), вскрывающих полную зависимость дашнакского правительства от иностранных оккупантов. В настоящий момент истпарт приступает к разработке истории немецкой и английской интервенции в Грузии.

Кроме того, в систему истпартовской работы включена работа «Мясниковской комиссии», которая закончила подготовку к печати тома статей и речей А. Ф. Мясникова.

Создана секция юношеского движения при Зак. истпарте.

Созванное, согласно решению Секретариата ЗКК от 6/IV 1930 г., совещание республиканских истпартов разработало примерный план Закавказского и Республиканского истпартов (в Баку—Институт Шаумяна), сконцентрировав внимание на вопросах: 1) Зафедерация и борьба с уклонами. 2) История последнего подполья (муссаватского, меньшевистского, дашнакского). 3) С.-д. организации в революции 1905 года. В целях устранения параллелизма совещание разграничило функции истпартов, отложив вопросы реорганизации всей истпартовской системы до всесоюзного совещания истпартов.

Основным тормозом в работе Зак. истпарта за истекший период нужно считать отсутствие подготовленных научно-партийных кадров.

С. Сеф

РАБОТА ИСПАРТА ЦК КП(б) ГРУЗИИ

В июне 1928 г. при истпарте с целью усиления его деятельности был создан совет, в который вошли представители от агитпропа ЦК КП(б)Г, ЦК комсомола и Совпрофа. Но работа истпарта после этого совещания шире не развер-

нулась, а осталась на прежнем уровне, ограничиваясь главным образом изданием поступающих к нему работ. Объясняется это тем, что истпарт имеет всего лишь двух штатных работников (заведующего и технического сотрудника).

Издательская деятельность выразилась в следующем: в 1928—29 гг. выпущено пять книг журнала «Революцияс Матиане» (в 80 печ. листов), общий тираж 7500 экзempl. (за все время существования истпарта с 1923 г. всего выпущено 20 книг журнала). В пяти последних книгах значительное место уделено истории грузинской партийной организации и революционной борьбе рабочих и крестьян. Наряду со статьями помещались и воспоминания участников партийной работы и революционного движения. Освещался пятый год, а также период гражданской войны, помещена одна статья об уклонах в коммунистической партии Грузии в 1921—23 гг. в периоды ее I и II съездов.

В этом же году изданы 3 брошюры тов. Жгенти на грузинском языке: «Краткий очерк о II съезде РСДРП» (3 печ. листа, тир. 2000), «1905 г. в Мингрелии» (5 печ. лист., тир. 2000) и «Вооруженная сила пролетарской революции» (к истории грузинской Красной армии)—6 печ. лист., 3000 экзemplаров. Кроме того: брошюра «Съезды РСДРП (1898—1917 гг.)» (6 печ. лист., тир. 2000), История ВКП(б) в съездах (с 1898 по 1917 г.) (7 печ. лист.); Монография о тов. Закро Чодришвили (6 печ. л., тир. 3000).

В 1930 г. намечено выпустить уже подготовляющуюся к печати хронику Октябрьской революции (около 20 печ. листов) и несколько брошюр по юбилею 1905 г. В 1931 г. к десятилетию советизации Грузии предполагается издать: историю компартии Грузии с 1898 г. по 1921 г. и стенографические отчеты II и III съездов компартии (б) Грузии. В 1932 г. будет выпущена «История революционного движения в Грузии с 60-х годов XIX века до Февральской революции 1917 года».

К 25-летию юбилею революции 1905 г. предполагается издать: 1. «Большевики в революции 1905 г. в Грузии», 2. Сборник «Материалы и документы» и 3. Специальный номер «Революцияс Матиане», в котором будут помещены статьи: Ш. Элиава «1905 год и манифест 17 октября», Ф. Махарадзе «Большевики в 1905 году», М. Филия «Ленин и

1905 год»; кроме того в этом номере предполагаются статьи гг. М. Цхакая, В. Стурва, С. Тодрия и ряда других авторов.

В области организационной—деятельность истпарта проходила по следующим направлениям: 1) создание грузинского отделения единого партийного архива, 2) руководство Музеем революции, 3) руководство Центрархивом Грузии, 4) связь с партийными организациями и отдельными товарищами, 5) руководство Обществом старых большевиков Грузии, которое существует при истпарте с 1928 г., охватывая сто товарищей и являясь филиалом Всесоюзного о-ва старых большевиков в Москве.

Отделение Единого партийного архива начало свою деятельность с сентября 1929 г. Материалы в него собраны начиная с 1921 г., все они находились в хаотическом состоянии. Со времени образования Единого партийного архива началась их разработка. Сейчас они за 6 лет—с 1921 по 1926 г.—разобраны по фондам (разобрана часть и за 1927 г.) и составлена их предварительная опись. Отобран также материал, подлежащий уничтожению. Все материалы архива будут приведены в порядок через 3 месяца. Работа по концентрации архивов низовых партийных организаций еще не производится в ожидании окончательного приведения в порядок всех архивов и получения соответствующего помещения. Для определения сроков хранения и уничтожения архивных материалов постановлением Секретариата ЦК КП(б) Грузии от 26/III 1930 г. образована, согласно § 7 «Положения об Едином партийном архиве», проверочная комиссия в составе секретаря ЦК—тов. Кахиани, зав. истпартом—т. Жгенти, зав. секретным отделом—тов. Оганяна, зав. партархивом—тов. Гавалова.

Музей Революции ССР Грузии с 20 ноября 1929 г. вступил в соц. соревнование с Московским музеем Красной армии и, кроме ряда мероприятий, улучшающих постановку его работы с технической стороны, имеет и ряд других достижений. Отделы музея: народнический (90-х годов), 1905 г. и советско-

го периода,—пополнялись новыми экспозициями. Подготовлены также новые экспонаты на темы: 1) съезды компартии Грузии, 2) съезды Советов Грузии, 3) «Лига свободы», 4) марксистский кружок 1892 г. (в Варшаве с участием т. Махарадзе, Микадзе и др.), 5) пресса большевиков: «Могзаури», «Ахали Дросба», «Кавказский рабочий листок», 6) первая маевка в Тифлисе, 7) подпольный народнический журнал «Муша» в 1889 г., 8) экспонаты по профдвижению и т. д. Музеем подготовлен к изданию ряд работ: художественно-исторический альбом революционных организаций и революционных деятелей с 1870 по 1921 г., в котором помещено около 500 фотографий и снимков; документы и материалы по истории компартии Грузии и революции, т. 1; каталог музея; готовится к печати библиографический указатель подпольной литературы. В области массовой работы музеем проводил экскурсии рабочих, красноармейцев, комсомольцев, ежедневно пропуская 2—3 группы. В общем ежемесячное посещение музея экскурсиями выражается в 3 000—4 000 человек. Кроме того, в связи с юбилейными торжествами Октябрьской революции и советизации Грузии музеем организован в рабочих районах пять передвижных выставок, на которых читались непрерывно лекции и доклады. Посещаемость их рабочими экскурсиями была многочисленна.

Истпарт осуществляет идеологическое руководство работой Центрархива ССР

Грузии, содействуя ему в подготовке архивных документов для исследовательских работ над ними, в выборе материалов для опубликования по истории Февральской революции, Корниловского выступления и Октябрьского переворота, выпускаемых Центрархивом под общим заглавием «1917 год». Центрархив, по заданию истпарта ЦК КП(б) Грузии, выявляет и подготавливает серию документов по истории революции 1905 г., с тем, что эта серия будет издана в текущем году. Но работа Центрархива тем не менее еще слабо развита из-за неимения квалифицированных и опытных работников. Специального здания для архивохранилища он также не имеет, все его архивы разбросаны в разных помещениях. Эти недостатки Центрархиву еще предстоит преодолеть.

Сейчас истпартом проводится работа по подготовке юбилея революции 1905 г. Создана особая комиссия для проведения этого юбилея под председательством т. Ф. Махарадзе, в которую входят представители отделов ЦК Грузии: пропаганды, культуры и массовых работ, а также комсомола, профсоюзов и др. организаций. Состав юбилейной комиссии и план ее работ утверждены секретариатом ЦК КП(б) Грузии на заседании 26/IV с. г.

В заключение следует отметить, что вся работа истпарта значительно затрудняется отсутствием необходимых для этой работы научных сил и соответствующей материальной базы.

Т. Жгенти

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

1

В № 2—3 (февраль—март) «Пролетарской революции» за 1930 год помещена рецензия Л. Мадьяра на мою книжку «Проблемы индийской революции». Книжка была написана и выпущена «Прибоем» до VI конгресса Коминтерна. В журнале «Новый Восток» № 23—24 за 1928 год после VI Конгресса напечатана большая часть книги с примечанием редакции: «Эта статья написана до VI конгресса Коминтерна». Рядом с моей статьей в том же журнале помещена статья т. Савдара «Индия на VI конгрессе Коминтерна». За 2 года никто из товарищей, ни одна рецензия не указывала, что в книжке имеются политические ошибки. Если т. Мадьяр считал нужным в 1930 году выступить в «Пролетарской революции» с критикой этой работы, то очевидно, он придавал этому выступлению политический смысл.

Всякий, внимательно прочитавший мою книжку и рецензию Мадьяра, придет к одному из двух выводов: либо Мадьяр книги не читал, либо он впал в ряд грубых ошибок.

Сначала несколько второстепенных замечаний.

Мадьяр обвиняет меня в том, что смазан вопрос «о туземных княжествах, как об остатках восточных деспотов, как о пережитках феодализма».

Достаточно прочитать, как в книжке разоблачается позиция Роя (стр. 39—43 и стр. 52), чтобы убедиться, что это выдумка № 1. «В Индии существует около 700 туземных княжеств, в которых неизвестны другие отношения, кроме феодальных» (стр. 42). «Как можно говорить о ликвидации феодальных отношений в Индии, когда в книге «Новая Индия» имеется целый ряд доказательств, опрокидывающих такое утверждение?» (стр. 42).

Тов. Мадьяр упрекает меня в том, что я впадаю в противоречия с Марксом, который считал, «что как раз англичане создали карикатуру крупного землевладения в Индии».

Всё здесь употреблено имя Маркса. Никакого противоречия нет в том, что я писал, с изложением Маркса. Достаточно посмотреть стр. 42, 47, 54 и 78, чтобы убедиться, что перед нами выдумка № 2.

Вот как я излагаю положение: «Что является преобладающим фактором гнета в Индии? Феодальные пережитки. Господство английского империализма содействует сохранению и укреплению феодальных отношений» (стр. 54). «Что стоит на пути развития индийской деревни?—Остатки крепостнических отношений, отсталое помещичье землевладение» (стр. 47). «Английский империализм—главный оплот остатков крепостничества в индийской деревне и главный тормоз подъема сельского хозяйства». Зачем понадобилось т. Мадьяру явное извращение фактов, когда в книге четко сказано, какова роль английского империализма и на кого он опирается.

Столь же бесцеремонно автор цитирует самым небрежным образом, без всяких оговорок другое место: «Англия в некоторых провинциях уничтожила феодальное землевладение». Кому нужна такая фальсификация цитат? Вот что у меня сказано на 44 стр., где я критикую статью тов. Сейгеля, отвечая на его статью «На аграрном фронте» (1927 г. № 10). «Правда, в некоторых провинциях Англия уничтожила феодальных землевладельцев, там земля перешла в руки торгового капитала, но если рассматривать Индию в целом, то власть феодальных пережитков здесь необычайно сильная».

Как можно подменять цитаты, коверкать их смысл и занимать воинствующую позицию? Таков прием № 3 тов. Мадьяра.

Таких примеров искажения в рецензии можно насчитать минимум до десяти. Автор даже упрекает меня, что я не знал, когда голландец Пальсар совершал путешествие по Индии—в XVII веке или в 1926 году. Достаточно сравнить текст

моей книжки с текстом, напечатанным в «Новом Востоке» за 1928 год, чтобы убедиться, что здесь простая опечатка.

Нельзя никак понять, зачем понадобилось Мадьяру упрекать меня в том, что я не вижу противоречий империализма и роль, которую играет в Индии не только Англия, но и Соединенные штаты и Япония (на стр. 56 и 57 у меня есть точная формулировка и изложение, что Англия сталкивается с Японией и Америкой). Мы не станем дальше излагать других столь же *основательных* упреков и утверждений Мадьяра. Каждый легко это может сделать при самом беглом ознакомлении с этой рецензией. Остановимся только на двух центральных и важнейших обвинениях, которые предъявляет нам Мадьяр.

«Совершенно неслыханным буржуазно-либеральным тезисом является утверждение автора о том, что в «национальном освобождении Индии» заинтересованы в большей или меньшей степени все классы Индии». Мы позволим себе сказать, что это является совершенно недопустимым со стороны тов. Мадьяра. В самом деле, на 68 стр. я привожу цитату из книги Джангира Нагиева «Индия под гнетом Англии», Гиз, стр. 50. На четырех страницах я даю исчерпывающую и убийственную оценку теории Джангира Нагиева, которого, кажется, кое-кто из нынешних ортодоксов в свое время подбадривал. А т. Мадьяр приводит эту цитату Нагиева, о которой точно дважды сказано в книге, и приписывает ее мне, вводит в заблуждение читателей и редакцию и становится в позу спасителя ленинизма. Как можно после этого думать, что Мадьяр читал мою книжку? Чем иначе, как не дон-кихотством, является такого рода выпад № 4? Читатель найдет на стр. 68, 69, 70 и 71 оценку роли крупной буржуазии в Индии и подробную критику политических ошибок Нагиева.

В критическом пылу Мадьяр приписывает мне, что я забыл о колониальном характере страны и о борьбе с империализмом. После изложенного вряд ли стоит опровергать такого рода аргументации. На стр. 25, 35 и 53 есть доста-

точно вразумительный ответ. Вот вкратце что там сказано: «На ближайшем этапе революционной борьбы трудящиеся Индии должны будут нанести первый сокрушительный удар господству империализма» (стр. 25). «Говоря о природе будущей власти, надо твердо помнить, что главный враг—опытный английский империализм» (стр. 35). «В главе «Предпосылки аграрной революции» мы следующим образом характеризуем задачи:

«Основую этой революции будет аграрная революция, которая должна освободить сотни миллионов крестьян от эксплуатации, уничтожить остатки феодализма, выместить начисто лэндлордов, сублиндлордов, помещиков, князей, ростовщиков и их главную опору—английских империалистов» (стр. 53—54).

Наконец, Мадьяр злоупотребляет именем Ленина так же, как именем Маркса, когда он пишет: «опыт показывает, что прав был VI конгресс, а не тов. Рафаил, который идею рабоче-крестьянской партии взял напрокат от сторонников Роя, а отнюдь не от Ленина.

18 мая 1925 года тов. Сталин на собрании студентов КУТВ, говоря в речи о задачах КУТВ в отношении колониальных и зависимых стран Востока, дал четкое определение задач, стоящих перед нами. Он говорил, исходя из анализа своеобразия колоний и зависимых стран: «иначе говоря, дело идет о том, чтобы в таких колониях, как Индия, подготовить пролетариат к роли вождя освободительного движения, шаг за шагом оттирая с этого почетного поста буржуазию и ее глашатаев. Создать революционный антиимпериалистический блок и обеспечить в этом блоке гегемонию пролетариата—такова задача. Блок этот может принять, но не всегда обязательно должен принимать форму единой рабоче-крестьянской партии, связанной формально единой платформой» (И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 6, Москва, 1929 г., стр. 265).

Через 2 года, 13 марта 1927 года, в беседе со студентами университета им. Сун Ят-Сена тов. Сталин вторично

возвращается к этому вопросу и дальше углубляет и развивает это положение. Он подробнее говорит о Гоминдане (И. Сталин, «Об оппозиции», Госиздат, 1928 год, стр. 566).

Ленинизму я учусь у Ленина и Сталина, а не по Мадьяру. Не знаю, где заимствовал т. Мадьяр брошенное мне обвинение. Не спорю, в моей книжке можно найти некоторые формулировки, нуждающиеся в уточнении. Я в частности должен был сделать большую оговорку и в отношении рабоче-крестьянской партии, хотя я излагаю факты предшествовавших лет. Я должен был

точнее сказать о перемещении капитала в Индию, хотя в целом положение развито там правильно. Но с каких это пор в партийной печати ответственные критики и знатоки восточного вопроса выступают с открытым забралом, так недобросовестно цитируют и обнаруживают незнание самых элементарных вещей? С каких это пор можно обвинить во всех смертных грехах автора, не потрудившись привести хотя бы один довод? ¹

С коммунистическим приветом

М. Рафаил

2

В номере первом «Пролетарской революции» тов. М. С. Ольминский делает ряд *поправок* к примечаниям при Сочинениях Ленина, в том числе и поправку обо мне такого свойства:

В примечании 14 к X тому сказано о «Пролетарии» (1905), что в «редакционной работе» участвовал Чужак. Это неверно. У меня в истпартовском издании сказано, что «из других работников». Чужак не был социал-демократом, отсюда и его псевдоним. Эта поправка не верна.

На *степени* моего участия в редакционной работе отнюдь не настаиваю. Дело не в степени, а в *форме*. По форме же я был вот кто: сторож, живший одно время в самой редакции; наборщик в течение двух месяцев (с голодухи); корректор в течение всего времени существования «Пролетария»; помощник ответ. секретаря М. С. Ольминского по правке всевозможных рукописей и заместитель его же за время отпуска; заведующий военным отделом газеты и автор ряда ответственных статей за подписью «Н. Чужак», причем одна из них, в № 6—редакционная. Так обстояло дело по форме участия, она же в данном случае и *сущность*.

Второе утверждение М. С.—я «не был социал-демократом». Это работая-то ежедневно в аппарате редакции тогдашнего ЦО нашей партии! М. С. забывает, что «Пролетарий» был в то время главным

штабом заграничной парторганизации. Как же пустили бы туда «чужака»? В действительности дело было так. Еще за год до участия в «Пролетарии»,—в России, в городе Архангельске, будучи призван в ссылке к отбыванию воинской повинности, я публично в воинском присутствии отказался от принятия присяги и от службы с резкой политической мотивировкой. Давая показания по этому поводу в жандармском правлении, я подписался: «социал-демократ Николай Федорович Насимович». Об этом много и не раз писалось тогда и позднее. Прибыв в Женеву в августе 1904 года, я уже в ноябре вошел в женеvскую группу РСДРП (*большеви́ков*) и, будучи уже членом этой группы, стал работать с мая 1905 года в ЦО «Пролетарий».

Все это М. С. забыл, и это его право, конечно. Но это еще вовсе не дает ему права утверждать, что я, яко бы, избрал себе мой настоящий псевдоним (Чужак), войдя как раз в ЦО и на предмет видимо отмежевания своего от партии. Не понимаю даже, как можно бросать такие чудовищные вещи! В действительности, псевдонимом этим я уже пользовался года три *до «Пролетария»* (впервые он появился в «Северном крае» в 1902 году), и псевдоним этот уже

¹ От редакции. Помещая настоящее письмо тов. Рафаила, редакция предоставит возможность в следующей книжке «Пролетарской революции» ответить на него тов. Мадьяру.

примелькался к тому времени в провинциальной печати. Подписываясь им впервые в «Пролетарии», я вовсе не предвидел, что кто-нибудь когда-нибудь сделает из моей подписи такое невероятное употребление, да никому и в голову тогда таких вещей не приходило.

Думается, что М. С. несколько вышел в данном случае за рамки, предоставляемые обычно для «сторонних» справок о человеке и коммунисте, и это только обстоятельство я и хотел отметить в моем письме.

Н. Чужак-Насимович

ОТВЕТ ТОВ. ЧУЖАКУ.

Длительный припадок болезни заставил меня отложить ответ тов. Н. Чужаку. Мне остается только признать свою роковую ошибку по отношению к нему. Как она могла произойти? У меня осталось воспоминание, — правда смутное, — о той оговорке, которую сделал тов. Чужак, приступая к работе в «Пролетарии»; эта оговорка и заставляла меня в течение долгого времени смотреть на него как на человека постороннего редакции. Помню, мне пришлось также слышать укор Ленина за то, что я допустил к работе тов. Н. Чужака — человека мало известного. Я отстоял сотрудничество тов. Чужака ссылкой на то, что его статья носит только осведомительный характер. Сейчас мое заявление об оговорке было бы голословным, если бы сам тов. Чужак косвенно не подтвердил этого. Дело в том, что «Пролетарий» издавался вслед за газетой «Вперед». Женевскую большевистскую колонию можно было считать по пальцам. Почему же тов. Чужак не участвовал в газете «Вперед», если он был большевиком?

Далее, тов. Н. Чужак умалчивает о том, что работники в типографии были и непартийные, что газета «Вперед» набиралась за плату в кооперативной типографии, а печатались обе газеты в буржуазной типографии. Наборная же «Пролетария» получила другое название вследствие случайного пожертвования

наборной Куклиным, причем эта типография слилась с кооперативной, а наборщики (и непартийные) остались те же. Типография стала по-русски называться партийной, а по-немецки кооперативной. Тов. Чужак путает, приписывая технике идеологию.

Далее, тов. Чужак пишет, что он был «заведующим военным отделом газеты». Если составлять компиляции или статьи по известному вопросу значит заведывать отделом, то спорить не буду.

Наконец тов. Чужак будто бы заместителем Ольминского во время отпуска. Память сохранила мне воспоминание, что отпуск я взял по настоянию Ленина, причем он же просил Воровского заменить меня. Если бы Воровский заболел, то я бы тотчас вернулся к своим обязанностям. И манкировка была не в натуре Воровского. Разрешить вопрос можно будет только сравнением черновинов, в том числе и тех, которые были получены после переиздания «Пролетария» в 1924—25 г.

Попутно прошу читателей иметь в виду следующее. В предисловии к этому изданию я указываю, почему почерк не всегда свидетельствует об авторстве. К сожалению, это мое указание не было принято во внимание в достаточной мере, и некоторые статьи Ольминского, Н. Чужака и др. приписаны им ошибочно: они были только переписчиками.

М. Ольминский

3

Уважаемые товарищи,

В словаре-указателе имен к XVIII тому нового издания Сочинений Ленина утверждается, что нижеподписавшийся «в годы войны занимал шовинистскую позицию».

Полагая и в настоящее время — уже как коммунист и ленинист, — что моя позиция во время войны не была шовинистской, а была близка к «центристской»; считая, что Ленин и ленинская партия «всегда» — по крайней же мере

в этот период—«проводили различие между социал-шовинистами и центром», ибо «первые перешли на сторону буржуазии», вторые «это нерешительные, колеблющиеся, наносящие наибольший ущерб пролетариату своими стараниями объединить социалистические массы с шовинистическими вождями» (Ленин в «Открытом письме Борису Суварину»); решительно протестуя против допущения мысли, якобы я когда-либо принадлежал к тем, которые «перешли на сторону буржуазии»; не чувствуя себя даже повинным в том, чтобы я когда-нибудь стоял за «объединение социалистических масс с шовинистическими вождями», я считаю необходимым привести несколько фактов, характеризующих мою действительную позицию во время войны.

Верно, конечно, что мое выступление за волонтерство и его обоснование в «Юманите»—правда, приспособленное по своему языку к условиям военной цензуры—было, как это отмечал тов. Ленин, одним из проявлений «победы буржуазного национализма, шовинизма над большинством официальных представителей европейского социализма». Но в то же время—факт, что, выступая политически, я *отгораживался от шовинистов всех толков* и не только не был за «объединение масс с шовинистическими вождями», но, наоборот, считал «размежевание» того периода необходимой предпосылкой выявления правильной позиции международного социализма. Считая, правда, меньшим злом для социализма победу англо-французской империалистической группировки, но желательным в то же время поражение царизма, я отгораживался от Плеханова и Алексинского (в моих рецензиях на французскую книжку последнего и другие русские военные публикации в швейцарской печати). От французских шовинистов я отгораживался, поддерживая с первого момента его появления центристское направление федерации От-Вьенн (Haute Vienne) в рядах французской партии и сотрудничая в органах этого направления («Попюлер» в Лиможе и «Друа дю Пепль» в Тулузе). Ником образом нельзя меня также зачислить, — думается мне, — к шовинистам в связи с

моей позицией по польскому вопросу (статьи в парижском «Голосе», в нью-йоркском «Новом мире»).

Но зачислил же меня—вместе с Дейчем и другими—в социал-шовинисты Л. Д. Троцкий? Вряд ли, однако это мнение может являться убедительным доказательством для *Института Ленина*, даже если отвлечься от особенностей позиции Троцкого того времени. Как известно, Троцкий считал ленинскую позицию проявлением «последней степени сектантского ослепления», потому что Ленин, якобы, занимал «нерешительное, уклончивое, двойственное отношение к лозунгу борьбы за мир» («Наше Слово» № 215 от 13 октября 1915 г.). Но ведь кое-кто из видных польских коммунистов,—как я узнал недавно,—говорил о проявлениях польского социал-шовинизма в моей юридической работе о «польском вопросе с точки зрения международного права», опубликованной в июле 1918 г. на французском языке? Трудно спорить против взгляда, который не был никогда изложен и обоснован в печати (дело идет об умершем товарище). Но, конечно, и в этом вопросе могут решать только *документы, имеющие характер политических выступлений*. Вряд ли возможно причислить к таковым упомянутую мою *юридическую* работу, ибо в силу тех требований, которым было подчинено составление и опубликование ее, я принужден был, как указывал в предисловии, *«устранить из этого труда политические соображения, поскольку это было лишь возможно»*. Постольку же, поскольку международное право неотделимо от политики, я положил в основу своего исследования, в противоположность разным «принципам», выдвигаемым буржуазной наукой права наций, выдвинутый еще Марксом и I Интернационалом *принцип международной справедливости*. Конкретно я выдвигал как применение этого принципа к польскому вопросу—постулат «свободной Польши как части Федерации свободных европейских народов». Выхолощенная—согласно требованиям академической юридической науки—от всякого социального и классового содержания, эта юри-

дическая формула отвечала той позиции, которую я занимал в польском вопросе с начала войны, отойдя от традиционных взглядов СДПиЛ на самоопределение наций. Привожу выражение этой моей позиции по цитированной уже выше статье в «Новом мире» (май 1915 года). Я писал там:

«При всем пессимизме этих заключений автор не склонен думать, будто бы европейская война подтвердила лишь взгляд, что разрешения польского вопроса надо ожидать единственно и исключительно от социальной революции. Напротив, кризис, переживаемый и пережитый до сих пор рабочим Интернационалом в связи с войной, с одной стороны, та огромная роль, которую пролетариат играет в этой войне, с другой стороны, суть, по нашему мнению, факты, из которых новый Интернационал должен был бы сделать некоторые тактические выводы и по национальному вопросу. Кризис, вызванный войной, должен, по нашему мнению, быть использован—согласно резолюциям штутгартского и копенгагенского конгрессов—для ускорения падения капиталистического строя, не только в смысле мобилизации пролетарских масс в борьбе за социальные реформы, но также и за *раскрепощение наций*. Исходя из своей борьбы против милитаризма, вооруженного мира, империалистических войн, международный пролетариат *должен поставить своей целью образование Соединенных республиканских штатов Европы* на место нынешнего государственного хаоса и анархии в Европе. Исходя из тех же соображений, и в то же время из соображений о правах отдельной нации, о вреде нацио-

нальных конфликтов для развития классового самосознания, он должен требовать, чтобы в основу этой федерации легли более или менее определившиеся живые национальные личности—государственные организмы. *Польская республика, как часть Соединенных штатов Европы*—таково должно быть, по нашему мнению, требование интернационального, а в частности и польского пролетариата перед лицом угрожающих Польше от тайной дипломатии, от империалистских и крепостнических клик новых *переделов*. Поскольку подобное движение будет вызвано международным пролетариатом еще ко времени заключения мира, будет зависеть единственно от активности вмешательства пролетариата в дело мирных переговоров и предстоящего нового государственного строительства в Европе вообще. Но и в будущем указанная цель останется ближайшим этапом на пути к разрешению всех национальных и социальных вопросов при помощи еще отдаленной от нас *социальной революции*».

На основании приведенных фактов я полагаю, как сказал уже в начале этого письма: моя позиция 1914—1915 гг. (ибо в конце 1915 г. я устранился от всякой политической деятельности, а в сентябре—ноябре 1918 г. перешел на позицию Ленина) явилась, правда, результатом сдачи позиций революционного социализма перед натиском буржуазного шовинизма, была непоследовательной, нерешительной, нецельной, но, с точки зрения исторической объективности, не была переходом на сторону буржуазии, не заслужила характеристики социал-шовинистской. В. Ледер.

ОТВЕТ Т. ЛЕДЕРУ

1. В своем путаном письме т. Ледер возражает против характеристики его позиции во время империалистической войны, как позиции «шовинистской», и протестует против допущения мысли, будто он когда-нибудь «принадлежал к тем, которые перешли на сторону буржуазии». Тов. Ледер, видимо, даже сейчас не отдает себе отчета в том, что

его позиция по отношению к войне была именно позицией шовинистской, ибо вступление т. Ледера добровольцем во французскую армию и опубликование им декларации в «L'Humanité» (частично перепечатана в № 9 «Голоса» от 22 сентября 1914 г.), мотивирующей его волонтерство стремлением служить французской демократии, есть *объек-*

тивно переход на сторону буржуазии, на сторону империалистов, как бы субъективно т. Ледер ни был убежден в том, что он стал под знамена Пуанкаре во имя интересов социализма.

2. Называя свою социал-патриотическую позицию «близкой к центризму», т. Ледер в то же время, нисколько не видя противоречивости в своих утверждениях, заявляет ниже, что он, де, «отгораживался от шовинистов *всех* (вот как!!) толков», отстаивал «размежевание» с ними и был против «объединения социалистических масс с шовинистическими вождями». Выходит, если довериться увлекшемуся т. Ледеру, что он был не то что «близким к центризму», а занимал позицию «левее» централизма, был последовательным революционным интернационалистом, ибо центристы, свою «близость» к которым т. Ледер сначала утверждал, как раз не отгораживались и не отмежевывались от шовинистов «всех» толков. Это делали циммервальдские левые, руководимые Лениным. Разумеется, эта «левизна» позиции т. Ледера существует только в воображении т. Ледера, стремящегося задним числом приукрасить свою шовинистическую позицию, достаточно точно охарактеризованную Лениным. Тов. Ледер запутывает действительное положение вещей: ни последовательным революционным интернационалистом, ни центристом или близким к центризму т. Ледер во время войны не был. Он был «просто» социал-шовинистом англо-французской ориентации (и польским мелкобуржуазным националистом)—вот и все. Мнимый «центризм» т. Ледера опровергается, во-первых, названной выше социал-шовинистской декларацией т. Ледера, во-вторых, тем фактом, что т. Ледер не примыкал ни к одному из течений, представленных в Циммервальде, большинство которого было как раз центристским. Этот факт гораздо яснее и определеннее характеризует позицию т. Ледера, чем его глухие, исключаящие возможность проверки, ссылки на

статьи в провинциальных газетах французской социалистической партии. Эти статьи отличались от декларации? Так покажите и докажите это, тов. Ледер!

3. Тов. Ледер несклади для себя вспоминает о Троцком. Воспользуемся указанием т. Ледера и обратимся к «Голосу» («Нашему Слову»), органу Троцкого и Мартова в 1915 г., на страницах которого печатался и т. Ледер. Оказывается, что и Троцкий и Мартов, оба заведомые центристы, хотя и разных оттенков, отмежевались от т. Ледера, как от «социал-патриота» и «социал-националиста» (см. «Письмо» в редакцию Л. Мартова № 235 от 9 ноября 1915 г. и статью Л. Троцкого «О совместных выступлениях с социал-патриотами» № 236 от 10 ноября 1915 г.). Если позиция т. Ледера оказывалась неприемлемой даже для Мартова, взгляды которого Ленин определял как «замаскированную поддержку шовинизма» (XVIII, стр. 128), то о каком же еще центризме, т. Ледер, может идти речь?

4. Приведенная т. Ледером цитата из «Нового Мира» показывает лишь, что к империалистической войне т. Ледер подходил так же, как мелкобуржуазный польский националист, рассчитывавший использовать вызванное войной революционное движение пролетариата в целях создания самостоятельного польского государства.

5. Об упоминаемой т. Ледером книге его «Польский вопрос с точки зрения права народов» (1918 г.) нет необходимости много говорить. Эта книга, оперирующая такими понятиями, как «коллективная юридическая совесть», и насквозь проникнутая буржуазным национализмом, ничего общего с марксизмом не имеет. Т. Ледер сам косвенно признал это, заявив, что он сумел «выхолостить» из своей книжки «всякое социальное и классовое содержание». Т. Ледер даже не заметил, что он этим нечаянным признанием убил себя как марксиста.

Редакция Сочинений Ленина

ПОПРАВКИ

Нас просят исправить ошибки, которые вкрались в присланный редакции и напечатанный в № 2—3 (97—98) и № 4 (99) «Пр. рев.» материал о совещании преподавателей по истории партии, ленинизму и истории Коминтерна.

В изложении доклада т. Кина, напечатанном в № 2—3, имеются следующие неточности: 177 стр. 8 строка сверху—вместо слов *под флагом идеализма* должно быть: *под флагом марксизма*. 177 стр., абзац 3—последнюю фразу нужно читать: *изучить эти специфические закономерности развития партии, формы борьбы и деятельности партии в конкретно историческом содержании* и т. д. 177 стр., 8 строка снизу—вместо *открываем* нужно *отрывать*. 178 стр. 22 строка сверху—вместо *гегемонию в рабочем движении* нужно *гегемонию рабочего класса*. 178 стр. 22 строка снизу—вместо *социальные корни закономерности*—нужно *социальные корни и закономерности*.

В тезисах, принятых по докладу т. Кина «История партии как наука», напечатанных в № 4, следует исправить: 172 стр., 14 строка снизу—вместо 1899 нужно 1898. 172 стр., 8 строка снизу—

вместо *октябрь—ноябрь 1917 г.* нужно *февраль—октябрь 1917 г.* 173 стр., 13 строка снизу—вместо *актуальное значение политической деятельности партии* нужно *актуальное значение для политической деятельности партии*.

Член редакционной коллегии журнала «Красная летопись» т. Г. А. Шидловский просит исправить следующую ошибку, допущенную в № 11(34) «Пролетарской революции» за 1924 г. На стр. 46, в примечании № 1, отмечается, что студент *Дорошенко*, член Петербургского комитета большевиков, в конце 1904 г. и в 1905 г. носил имя *Константин Сергеевич*. Зовут *Дорошенко* Николаем Васильевичем и в Петербургском комитете он был известен под именем: *Виктор Семенович* (см. статью *Н. В. Дорошенко—«Соц.-дем. большев. организация района Петербургской стороны во второй половине 1905 г.»*, в № 3/27 за 1928 г. ж. «Красная летопись» и его же статью—«Роль соц.-дем. большев. орг-ции в янв. событиях 1905 г.» в № 3/14 за 1905 г. того же журнала).

Н. В. Дорошенко сейчас вне партии, работает в Госплане Украины.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
Я. Бронин. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний (продолжение)	3
А. Слуцкий. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса	38
П. Прагер. К постановке вопроса о некапиталистическом пути развития отсталых стран (окончание)	73

ТРИБУНА

Я. Пальвадре. Характер революции 1905 года в Прибалтике	103
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

С. Пестковский. Воспоминания о работе в Наркомнаце (1917—1919 гг.) .	124
--	-----

МАТЕРИАЛЫ

К истории Белостокской конференции 1902 года (Подготовлено к печати С. Валком.)	132
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: С. Рабинович. Е. Пинежский «Красная гвардия» . .	149
Рецензии: Д. П. Диктатура пролетариата и современный ревизионизм. Хрестоматия под ред. Е. Пашуканиса.—Л. Б. Нелегальная организация РСДРП в Киеве (1910—1914 г.)—М. Эссен. Саркис. Борьба за власть—А. Гиндин. И. Борисенко. Авантюристы в гражданской войне	157
Новые книги	169

ХРОНИКА

В Институте Ленина: А. Кучкин. Кабинет научной биографий Ленина	170
Работа местных испартов: С. Сеф. Работа Испарта Закавказского Краевого Комитета ВКП(б)—Т. Жгенти. О работе Испарта ЦК КП Грузии	172
ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ: I. М. Рафаила; II. Н. Чужака—Насимовича с ответом М. Ольминского; III. В. Ледера с ответом Редакции Сочинений Ленина	176
ПОПРАВКИ.	183

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

Л Е Н И Н

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

(в шести томах)

Под общей редакцией: В. В. Адоратского, А. И. Криницкого, М. Н. Покровского, К. А. Попова, Н. Н. Попова, М. А. Савельева и Е. Ярославского.

ТОМ I — 1894—1904

Предисловие. В. И. ЛЕНИН. 1870—1924. (Краткая биография, составлена В. Сориным). От редакции.

I. Социально-экономические предпосылки первой русской революции: Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Развитие капитализма в России. **II. Борьба за гегемонию пролетариата:** Что такое «друзья народа» и как они воюют против социалдемократов? Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Проект и объяснение программы социалдемократической партии. Задачи русских социалдемократов. Протест русских социалдемократов. **III. Борьба за партию—авангард. Тактика, организация и программа.** Заявление редакции «Искры». Насущные задачи нашего движения. С чего начать? Что делать? Почему социалдемократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Проект программы РСДРП. Отзыв о втором проекте Плеханова. Рабочая партия и крестьянство. К деревенской бедноте. Аграрная программа русской социалдемократии. Национальный вопрос в нашей программе. Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату. **IV. Второй съезд и раскол РСДРП:** Рассказ о II съезде РСДРП. Из речей на II съезде РСДРП. Доклад на II съезде заграничной Лиги русской социалдемократии о II съезде РСДРП. Заметка о позиции новой «Искры». Почему я вышел из редакции «Искры». Письмо к члену ЦК Г. М. Кржижановскому. Письма в Российское бюро ЦК. К членам партии. Письмо ЦК. Письмо членам ЦК в Россию. Шаг вперед, два шага назад. Письмо члену ЦК В. А. Носкову Земская кампания и план «Искры». **Примечания.**

Стр. XXVI+724, 1 иллюстрация.

ТОМ II—1905 — 1914

От редакции.

Раздел первый. Революция 1905 — 1907 годов.

I. Характер, движущие силы и перспективы революции 1905 — 1907 годов: Доклад о революции 1905 года. Социалдемократия и временное революционное правительство. Две тактики социалдемократии в демократической революции. Этапы, направление и перспективы революции. **II. Аграрно-крестьянский вопрос и революция 1905—1907 годов:** мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Аграрная программа социалдемократии в первой русской революции 1905 — 1907 годов. **III. От 22 (9) января к декабрьскому восстанию (1905 год):** Начало революции в России. Две тактики. Борьба пролетариата и колонистов буржуазии. Революционная армия и революционное правительство. Бойкот Бульгинской думы и восстание. Задачи отрядов революционной армии. Приближение развязки. Войско и революция. Либеральные союзы и социалдемократия. Социализм и анархизм. Уроки московского восстания. **IV. Борьба с конституционными иллюзиями (1906—1907 годы):** Рабочая партия и ее задачи при современном положении. Бойкотировать ли Государственную Думу? Респект думы и задачи пролетариата. Перед бурей. О бойкоте. О блоках с кадетами. Против бойкота. **V. Партия в период революции 1905 — 1907 годов:** Новые задачи и новые силы. Третий съезд. В Секретариат Международного социалистического бюро в Брюсселе. Письмо ЦК РСДРП. О реорганизации партии. Обращение к партии делегатов объединительного съезда, принадлежащих к бывшей фракции «большевиков». Платформа революционной социалдемократии. Из проектов резолюций к V съезду РСДРП. Защитительная (или обвинительная против меньшевистской части ЦК) речь Ленина на партийном суде. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.

Раздел второй. Годы реакции и нового подъема. 1908—1914 гг.

I. Годы реакции (1907 — 1911): На дороге. Проект резолюции о современном моменте и задачах партии. Резолюция совещания расширенной редакции «Пролетария». Проект резолюции об укреплении партии и ее единстве. Заметки публициста. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. О новой фракции примиренцев или добродетельных. Развязка партийного кризиса. Спорные вопросы. **II. Годы подъема (1912 — 1914):** Из резолюций Всероссийской Пражской конференции РСДРП. Революционный подъем. К современному положению в РСДРП. Платформа реформистов и платформа революционных социалдемократов. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве. Хорошая резолюция и плохая речь. Еще раз о Международном Социалистическом бюро и о ликвидаторах. **III. Аграрно-крестьянский вопрос в годы реакции и нового подъема (1908 — 1914):** Письмо И. И. Скворцову-Степанову. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Аграрный вопрос и современное положение России. **IV. Национальный вопрос в период 1908 — 1914 гг.:** Горючий материал в мировой политике. Демократия и народничество в Китае. Обновленный Китай. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. Воинствующий милитаризм и антимилитаристическая тактика социалдемократии. Чему не следует подражать в немецком рабочем движении. **Примечания.**

Стр. VIII+760.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б).

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. В. АДОРАТСКОГО, Д. А. БАЕВСКОГО,
П. О. ГОРИНА (ЗАМ. ОТВ. РЕД.), М. С. ОЛЬМИНСКОГО,
■ ■ ■ М. А. САВЕЛЬЕВА (ОТВ. РЕДАКТОРА) ■ ■ ■

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, истории ВКП(б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войны и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партий и организаций.

9-й ГОД ИЗДАНИЯ**12 НОМЕРОВ В ГОД****ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:**1) СТАТЬИ, 2) ВОСПОМИНАНИЯ, 3) МАТЕРИАЛЫ, 4) ТРИБУНА, 5) ДОКЛАДЫ
В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА, 6) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ, 7) ХРОНИКА.**К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ПАРТИЙНЫЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ**

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкие кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушат. вузов и комвузов и т. д.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПРЕССЫ О ЖУРНАЛЕ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ».

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выполняет весьма полезную работу подготовки материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП(б) и Октябрьской революции... Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор завоевывает «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» видное место среди существующих научных марксистских журналов.

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма. «Книга и Революция» № 1, 1929 г., стр. 44—45.

... С тех пор как «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» стала органом Института Ленина при ЦК ВКП(б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и «чужем В. И. Ленина». Это придает выдающийся интерес почти каждой странице журнала. «Историк-марксист», том 12, 1929 г., стр. 269.

Цена на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 руб. 50 коп.**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:**

Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3; Ленотгиз, Ленинград, пр. 25 Октября, 28; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР, у уполномоченных, снабженных удостоверениями; во всех киосках Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграфн. конторах, а также у письмоносцев. По Москве и Московск. области подписку надлежит направлять в Мосотгиз «Моск. рабочий», Москва, Неглинный пр. 9.